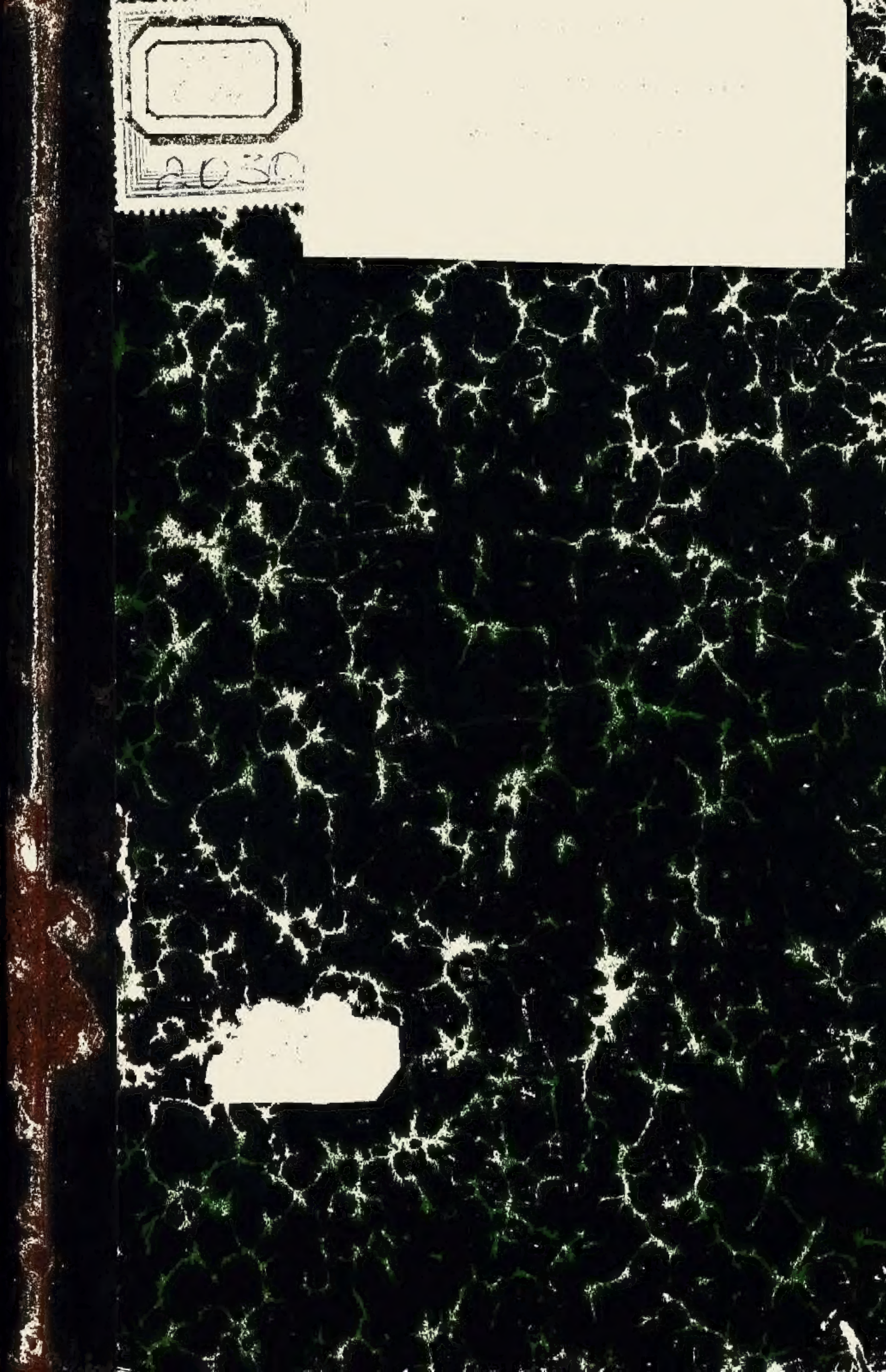
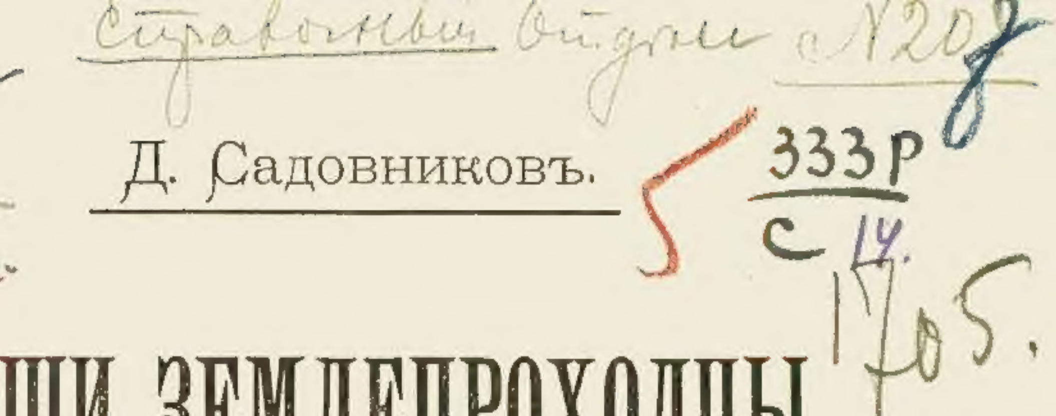

2030

Д. Садовниковъ.

НАШИ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ.

(РАЗСКАЗЫ О ЗАСЕЛЕНІИ СИБИРИ.)

(1581—1712 гг.)

Рыба ищетъ—гдѣ глубже,
а человѣкъ—гдѣ лучше.

Ермакъ.—Власьевъ. — Бугоръ.—Поярковъ.—Хабаровъ.—Нагиба.—Степановъ. — Буза. — Булдаковъ.—Дежневъ.—Стадухинъ.—Морозко.— Атласовъ.—Анцыфоровъ.

Изданіе второе.

Первое изданіе внесено въ Каталогъ книгъ Мин. Нар. Просв. для среднихъ учебн. заведеній и для безплатныхъ народн. читаленъ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°.**
Пименовская улица, собств. домъ.
1898.

ОТЪ АВТОРА.

Составитель этой книжки пользовался преимущественно дополненіями къ историческимъ фактамъ (томы II, III, IV, VI, VII и VIII), а также трудами гг. Фишера, Миллера, Карамзина, Словцова, Соловьева, Энциклопедическимъ Словаремъ (т. V-й) и нѣкоторыми другими сочиненіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Подвиги простыхъ русскихъ людей.
(ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.)

I.

Движеніе русскихъ на сѣверо-востокъ.—Извѣстія о Югорскомъ краѣ.

Мы иногда не прочь похвастаться величиной Русской земли, которая, на самомъ дѣлѣ, удивитъ хоть кого. Если отъ Москвы начать укладывать версты все дальше и дальше на востокъ, въ Сибирь, то уложится ихъ, шутка сказать, до десяти тысячъ! Отъ Петербурга и еще больше. Обыкновеннымъ шагомъ человѣкъ уходитъ въ часъ около пяти верстъ; для того, чтобы пройти такую великую путину, ему понадобилось бы чуть не полгода, если бы даже онъ шелъ, нигдѣ не отдыхая, и день и ночь.

Но всегда ли Русская земля была такой обширной?—Нѣтъ; она постоянно росла и даже до сихъ поръ ея ростъ увеличивается новыми землями.

Впереди мы будемъ вести рѣчь о тѣхъ людяхъ, которые въ нѣсколько лѣтъ прошли отъ Уральскихъ горъ до далекой оконечности Сибири, терпя всевозможныя лишенія: и голодъ, и холодъ, и непогоду. Люди эти совершали ту великую путину, о которой я говорилъ,

покоряли дорогой разныя племена, прибавляли къ нашей землѣ новые края и населяли ихъ.

Но посмотримъ сначала, чѣмъ была Русь за тысячу лѣтъ назадъ.

Теперь самое большое протяженіе ея съ запада на востокъ; въ тѣ же далекія времена она, наоборотъ, тянулась больше съ сѣвера на югъ, полосой очень широкой. На сѣверѣ былъ Новгородъ, на югѣ—Кіевъ.

Предки наши, славяне, и тогда говорили про свою землю, что она *велика и обильна.* Порядка въ ней только не было; но это еще не велика бѣда: было бы лишь гдѣ и чѣмъ жить и что устраивать, а за людьми, которые придутъ и порядки заведутъ, дѣло не станетъ.

И вотъ пришли иноземные князья *). Славянскія племена стали имъ дань платить и селиться по лицу родной земли, прозванной Русью. Горъ никакихъ не было; въ иномъ мѣстѣ хоть шаромъ покати; на сѣверѣ— лѣса, болота, вдоволь воды и рѣчной, и озерной, а на югѣ—степи.

Въ то время, какъ лѣса рубились на избы, а поля засѣвались, степи эти, на бѣду нашу, давали пріютъ разнымъ кочевымъ народамъ: печенѣгамъ, половцамъ татарамъ, которые нападали на русскія деревни, жгли ихъ, били людей, угоняли скотину; топтали хлѣбъ и потомъ скрывались опять въ привольныя степи. Народа русскаго было тогда мало, защиты—тоже, и люди бѣгали въ лѣса.

Тѣмъ, которые пахали землю, сѣяли хлѣбъ и ждали урожая на будущій годъ, было очень непокойно на югѣ, около Кіева, потому что не проходило года, чтобъ

---

*) См. „Грамотей“, февраль 1871 года.

изъ обширныхъ сосѣднихъ степей не налетали конные люди—нехристи.

Были изъ нашихъ предковъ такіе, которые могли подраться и дать отпоръ, но ихъ было меньше, чѣмъ людей мирныхъ, земскихъ. Вотъ этимъ-то приходилось искать мѣста попокойнѣе юга.

На сѣверѣ, въ Великомъ Новгородѣ, шла оживленная торговля съ разными народами. Болота и лѣса охраняли его отъ татаръ, а близость моря познакомила съ западомъ Европы и развила торговлю; на югѣ же русской земли не было ничего подобнаго: вездѣ была одна помѣха мирному труду.

Послѣ Рюрика князей на Руси завелось очень много; между собой они рѣдко ладили: каждому хотѣлось быть старше другого, а потому начались ссоры да кровопролитія. Иной князь разсердится на кого-нибудь, а силы-то своей не хватаетъ, вотъ онъ и зоветъ на подмогу иноземца. Придетъ иноземецъ въ Русь, приведетъ свое войско,—и начнется рѣзня. Плохое совсѣмъ тогда было житье. Тутъ еще татары приспѣли и заполонили всю русскую землю. Мирные люди отступали понемногу отъ степей на сѣверо-востокъ, гдѣ стояли густые лѣса.

Кому выгодно было оставаться на старой украйнѣ, тотъ оставался. Въ сѣверныхъ лѣсахъ люди были не такіе безпокойные, какъ степные грабители: отъ сѣвера мы не терпѣли такой обиды. На югѣ впору только жить однимъ головорѣзамъ,—пусть и живутъ. Оттуда пошло въ Русь всякое удальство и молодечество; на сѣверъ же отошли главнымъ образомъ пахари, люди домовитые.

„Заведемъ, думали они, хорошій порядокъ въ Русской землѣ,—такой, чтобы никто насъ изъ степей не

обижалъ; наберемся этимъ временемъ силы, да имъ же потомъ дадимъ себя знать". Такъ и сдѣлали.

Столицами нашими скоро стали сначала Владиміръ, а потомъ Москва—оба города сѣверные. Въ Москвѣ особенно крѣпко сѣли русскіе князья, *собиратели Русской земли* подъ одно начало.

Не будь сѣверной Руси, будь въ ней такая же сумятица и неурядица, какъ въ южной, Кіевской,—не скоро бы мы выбились изъ-подъ татаръ, которые чуть не триста лѣтъ держали насъ въ страхѣ.

Съ этой-то поры стала замѣтно рости наша родина, и начали мы пробираться дальше и дальше на сѣверо-востокъ обширной равнины, все больше по рѣкамъ. Въ то время это были самыя широкія и удобныя дороги.

Особенно рано познакомились съ нѣкоторыми краями Русской земли жители Новгорода. Они были нашими первыми *землепроходцами*. Ихъ заводила въ разныя далекія мѣста корысть: новгородцы были народъ торговый. Увидали они, что на самомъ сѣверѣ лежитъ холодное, непривѣтное море,—такое, что и конца ему не видать; на сѣверо-востокѣ встрѣтились имъ высокія горы—каменныя, покрытыя снѣгомъ. Прозывались эти горы Угрскими, а земля, лежавшая за ними,—Югрой или Югорской. Про нее ходили чудные разсказы, занесенные въ Русь все тѣми же новгородцами.

Одинъ изъ нихъ, по прозванію Гюрата Роговичъ, говорилъ, что югорскіе люди нѣмы *) и живутъ на сѣверѣ вмѣстѣ съ самоядью **); что дальше есть очень

*) Т.-е. языкъ ихъ былъ непонятенъ русскимъ; отсюда слово — нѣмецъ.

**) Про народъ этотъ думали, что они другъ друга ѣдятъ; отсюда и названье пошло.

высокія горы, въ которыхъ шумятъ и копошатся люди. Сидятъ они внутри горы и что-то кричатъ чрезъ небольшое прорубленное окошко, но чтó кричатъ—понять нельзя. Очень любятъ желѣзо, просятъ его знаками, а сами даютъ за какой-нибудь ножикъ или топоръ дорогіе теплые мѣха.

Говорили еще болѣе удивительныя вещи: будто въ Югрѣ, все равно какъ у насъ дожди или снѣга, выпадаютъ разные звѣри, особливо олени и бѣлки. Это такая же небылица, какъ въ русской сказкѣ о *шутѣ Максимкѣ* гдѣ говорится о говяжьемъ облакѣ, упавшемъ съ неба середи поля.

Дѣло въ томъ, что еще очень давно новгородцы, пробираясь по сѣверной украйнѣ Русской земли, собирали дань съ тамошнихъ народовъ (Печоры, Перми) и захватили въ свои руки мѣновой торгъ, бывшій у нихъ съ Югрой. Въ нее путь лежалъ дальній и трудный. Даньщики (собиратели дани) ходили по сѣверу *ватагами,* подъ начальствомъ *ватамановъ*. Югра была, какъ я уже сказалъ, самою далекою волостью у Новгорода, и даньщикамъ, которые въ нее забирались, приходилось иногда плохо: на сѣверѣ многихъ изъ нихъ побивали.

Было, однако, изъ-за чего и забираться въ такую даль: кромѣ мѣховъ получали новгородцы золото, серебро и узорочье (дорогія ткани).

Такъ шли эти смѣлые люди по сѣвернымъ пустынямъ, переходили Угрскія горы *) и разсказывали диковинки про тамошнія мѣста.

Занимавшіеся главнымъ образомъ земледѣліемъ, мос-

---

*) Назывались онѣ еще „Каменнымъ поясомъ" или „Камнемъ". Это — теперешнія Уральскія горы. По-татарски „уралъ" значитъ поясъ.

ковскіе люди подвигались тоже на сѣверо-востокъ, но потише: не мало требовалось времени на то, чтобы земля дала хлѣбъ; надо было ее обработывать, строить селенія и, понемногу раздвигая полями сосновые и березовые лѣса, подаваться впередъ. Лѣса позволяли нашимъ предкамъ заниматься охотой, а рѣки—рыбною ловлей.

Попадавшіеся на пути народцы (Чудь) были слабѣе русскихъ: не знали они вѣры христіанской; не имѣли у себя такихъ порядковъ, какіе были у послѣднихъ; жили розно, какъ мы въ старину, а ужъ это хуже всего.

Московскіе люди садились на своихъ мѣстахъ прочно, не то, что новгородцы: тѣ въ сѣверныхъ краяхъ только дань собирали: соберутъ—и дѣла имъ ни до чего нѣтъ, домой уходятъ. Въ Великой Перми *), напримѣръ, не осталось послѣ нихъ никакихъ селъ, никакого жилья.

Сколько ни распахивали земель московскіе люди, ихъ оставалось все-таки еще очень много. Заселить такія пространства было некѣмъ: народу мало. Чѣмъ дальше отъ Москвы, тѣмъ мѣста становились глуше, лѣса гуще, селенья рѣже.

Не одна сотня лѣтъ прошла до той поры, когда московскіе люди пробираясь на сѣверо-востокъ, встрѣтились съ новгородцами, которымъ удалось раньше узнать его. Москва стала Новгороду поперекъ дороги. Ей самой захотѣлось вести съ сѣверными народами выгодныя торговыя дѣла.

Былъ тогда царемъ въ Москвѣ Иванъ III-й. Новгородцы, имѣвшіе до этого времени отдѣльные отъ Москвы порядки, были ихъ лишены. Пермь и Югра при-

---

*) Великая Пермь лежала около Уральскихъ горъ. Теперь на ея мѣстѣ—Вятская, часть Вологодской и Пермская губерніи. Пермь значило—гористое мѣсто.

сягнули нашему царю. Сотни четыре лѣтъ назадъ, царскіе воеводы, зимой, съ великимъ трудомъ перешли черезъ теперешнія Уральскія горы. Онѣ показались имъ ужасно высокими *). За горами встрѣтили русскіе югорскихъ князьковъ. Ѣхали князьки въ саняхъ, на оленяхъ. Воеводы не хотѣли кончить дѣло миромъ, схватили ихъ и пошли разорять югорскіе городки. Разорили до сорока городковъ, много князьковъ въ Москву отослали. Стали про Югру разсказывать небывалыя вещи и московскіе люди:

„Засыпаютъ, говорили они, тамошніе народы въ Юрьевъ осенній день и спятъ до весенняго Юрьева дня. Ведутъ югорцы торгъ съ сосѣдними племенами и передъ тѣмъ, какъ спать, кладутъ свои товары въ назначенное для этого мѣсто. Приходятъ гости **) (купцы), берутъ эти самые товары и взамѣнъ кладутъ свои. Бываетъ такъ, что проснутся югорцы, и покажется имъ, что товаровъ дали мало, тогда война пойдетъ, кровь льютъ. Богатства въ Югрѣ смѣты нѣтъ: и золото, и серебро, и дорогіе камни. Бога не знаютъ, а молятся золотой какой-то бабѣ“.

Вотъ что знали о Югрѣ. Югорцы на самомъ дѣлѣ, много лили своей крови, вели частыя войны, вообще жили вовсе не дружелюбно. Этимъ воспользовались татары. Пришли они, какъ и къ намъ, съ юга и покорили югорцевъ. Стали имъ дань платить: и вогуличи и остяки, и самоядь. Были и такіе, что не платили.

---

*) „А Камени,—говорили русскіе,—въ оболокахъ не видать. Коли вѣтряно, ино оболоки раздираетъ“.

**) Отсюда пошли слова: „гостиный дворъ“, „гостинецъ“. Такъ какъ купцы были люди пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, то гостями стали послѣ называть всякаго приходящаго въ домъ или заѣзжаго человѣка.

Признавъ надъ собою власть Ивана III-го, югорцы давали свой ясакъ неисправно, потому что сидѣли за горами, далеко отъ Москвы. Татарскіе князья больше надъ ними силы могли имѣть, чѣмъ мы. Только званіе одно было, что покорны. Къ тому же въ то время русскому царю было не до нихъ.

Русскіе люди были уже у самыхъ горъ, строили городки и села, расчищали лѣса. Случалось, что изъ-за Каменнаго пояса приходили вогуличи и грабили ихъ не хуже степныхъ разбойниковъ. Царемъ раздавались пустынныя мѣста для населенія (между Камой и Сѣв. Двиной). И русскіе люди, отстаивая свое добро, дрались съ вогуличами. Жить въ тѣхъ мѣстахъ было дешево и выгодно, только подчасъ безпокойно.

Я уже говорилъ, что новгородская торговля мѣхами съ Югрой была перехвачена московскими поселенцами. Имѣя дѣла съ загорными людьми, русскіе неминуемо должны были рано или поздно столкнуться съ татарами, которые держали Югру въ рукахъ.

Такъ и случилось. Когда царемъ московскимъ сталъ внукъ Ивана III, Иванъ Грозный, по порядку четвертый. Русь стала сильнѣе. Взяты были два татарскихъ царства: Казань и Астрахань. Услыхалъ объ этомъ сибирскій *) князь Едигеръ и обѣщался нашему царю платить дань собольими шкурками на условіи—получать взамѣнъ оборону отъ другихъ князей, которые были противъ него. Изъ степей выходило вѣдь много татарскихъ *мурзъ* (князьковъ). Одинъ изъ нихъ, Кучумъ, убилъ Едигера и взялъ себѣ его царство. Иванъ Гроз-

*) Земля, носившая прежде названіе Югры, стала съ приходомъ татаръ носить другое названіе—*Сибирь*, отъ главнаго татарскаго города того же имени.

ный сталъ требовать и отъ него положенной дани, а тотъ возьми да и убей нашего посла. Стали послѣ этого подвластные татарамъ вогуличи и остяки чаще нападать на Великую Пермь.

Иванъ Грозный, больше чѣмъ прежніе цари, началъ раздавать русскимъ людямъ земли, чтобъ имѣть Москвѣ защиту съ сѣверо-востока. Но этимъ дѣло не могло кончиться. Югра была подъ бокомъ, вплоть, и нашимъ предкамъ скоро пришлось поближе познакомиться съ этимъ краемъ. Случилось это въ концѣ царствованія Грознаго, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

— —

II.

Василій Тимоѳеевичъ, Ермакъ по прозванью.

Изъ русскихъ поселенцевъ на сѣверо-востокѣ богаче и извѣстнѣе всѣхъ были братья Строгановы. При Иванѣ Грозномъ къ прежнимъ ихъ владѣніямъ прибавились еще земли около Камы *), всего верстъ на 150. Позволено было царскою грамотой рубить черные лѣса, заселять пустыри, устраивать соляныя варницы и звать на нихъ рабочихъ людей. На 20 лѣтъ избавлялись Строгановы отъ пошлинъ.

За всѣ эти льготы должны они были защищать Русскую землю отъ нападеній зауральскихъ народовъ; на свой счетъ обязывались строить *острожки* (маленькія крѣпости), держать *нарядъ* (пушки) и ратныхъ людей. У Строгановыхъ были деньги на это дѣло; сдѣлка была выгодна и для нихъ, и для царя.

*) Кама—самый большой притокъ Волги; онъ впадаетъ въ нее ниже Казани.

Поселенцы были люди умные и предпріимчивые. Въ отличку отъ другихъ слыли они *именитыми* людьми. Рабочій народъ шелъ къ нимъ съ радостью, потому что житье у Строгановыхъ было хорошее. Разбогатѣли *именитые* люди еще больше, но мало имъ было этого: рукой подать, за горами лежалъ Югорскій край, про который, какъ мы знаемъ, ходило столько разсказовъ и откуда шли въ Русь дорогіе мѣха разныхъ звѣрей.

Чернобурыя лисы и соболи соблазняли Строгановыхъ. Въ 1573-мъ году судьба чуть не привела столкнуться съ войскомъ царевича Сибирской земли (Югорской), Махметкула. Услыхалъ онъ, что недалеко отъ Урала русскіе люди городки строятъ, пошелъ ихъ разорять, да испугался слуховъ про большое число ратныхъ людей и вернулся назадъ.

Строгановы воспользовались этимъ. Ихъ земли до этого нерѣдко терпѣли отъ набѣговъ сибирскихъ народцевъ и они склонили Ивана Грознаго дать имъ льготную грамоту, подобную той, что получили они на Камскія земли, дозволить итти за Уральскія горы строить крѣпости, покупать *огненный нарядъ,* вспахивать и засѣвать поля. Опять брались Строгановы дѣлать все это на свой счетъ. Прибавили они въ своей просьбѣ царю, что народъ остяцкій, живущій за Ураломъ, готовъ платить ему дань *(ясакъ)*, только бы онъ, царь, оборонялъ его отъ сибирскаго *салтана*. Этимъ Строгановы указывали царю на тѣ выгоды, которыя онъ могъ получить черезъ нихъ.

Ивану Грозному было на самомъ дѣлѣ выгодно дать Строгановымъ грамоту съ прежними льготами, и онъ далъ. *Именитымъ промышленникамъ* для покоренія Зауральскаго края нужны были люди надежные, а такихъ

у нихъ было мало. Но тутъ Строгановымъ помогъ случай.

Триста лѣтъ назадъ Русь была уже не въ примѣръ больше той Руси, о которой я говорилъ въ началѣ; а порядокъ въ ней все-таки былъ плохъ. На югѣ, какъ извѣстно, остались жить головорѣзы, люди привыкшіе къ опасностямъ, у которыхъ удальство переходило въ разбой. Жили они на краю Русской земли, въ подданствѣ у нашихъ князей и царей, только подданство это было изъ такихъ, что надѣяться на народъ было трудно. Прозывались они позже *казаками* *) и скоро стали величать себя людьми вольными, т. е. такими, которые, пожалуй, непрочь и послушаться русскаго царя, только если это имъ выгодно, а если нѣтъ, такъ сдѣлать по своему. Постоянное сосѣдство съ кочевыми народами степей не располагало казаковъ къ мирнымъ занятіямъ. Итти въ Московскую Русь имъ было неудобно, потому что къ русскимъ границамъ на югѣ сплывало оттуда все не уживавшееся съ тамошними порядками. Иного надо было судить за какой-нибудь проступокъ, и онъ убѣгалъ къ казакамъ, у которыхъ завелись свои порядки. Тамъ выбирались атаманы (старшіе), а общія дѣла рѣшались въ *кругахъ,* при чемъ казаки сходились и совѣтовались между собой.

Завелись такія устройства по южнымъ русскимъ рѣкамъ: Днѣпру, Дону, Яику **), а потомъ и въ другихъ мѣстахъ.

Казаки могли бы на югѣ быть нашими защитниками отъ татаръ, все равно какъ Строгановы на сѣверо-востокѣ, и земскимъ людямъ хорошо бы было жить за

*) *Казакъ*—встарину значило просто наемникъ, бездомный человѣкъ.
**) Нынѣшняя рыбная рѣка Уралъ.

казаками: все-таки народъ свой, въ обиду иновѣрцамъ не дастъ. Вышло, однако не такъ.

Появились *вольные люди* на Волгѣ. Пришли они туда съ тихаго Дона, а Волга въ то время была большимъ торговымъ путемъ. Ѣздили по ней купцы съ товарами и послы съ подарками. Казакамъ это было на-руку, и не стало отъ нихъ свободнаго хода по Волгѣ. Пошли жалобы на непорядки, грабежи. Шайки южныхъ удальцовъ-разбойниковъ обирали всѣхъ безъ разбора—и своихъ, и иноземцевъ.

Особенно сильно шалила одна большая шайка, чуть не въ 1.000 человѣкъ, атаманами которой были: Ермакъ Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловичъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ.

Первый изъ нихъ пользовался особеннымъ уваженіемъ за умъ и распорядительность. Росту Ермакъ былъ средняго, коренастъ и плечистъ; глаза были свѣтлые, быстрые: волоса — черные, какъ смоль, и кудрявые. Окладистая борода красила смышленое казацкое лицо.

Дѣдъ Ермака жилъ въ Суздальскомъ посадѣ *) и былъ человѣкомъ очень бѣднымъ; звали его Аѳанасьемъ Аленинымъ. Нужда въ работѣ принудила Аѳанасья переселиться во Владиміръ. Тутъ ему малость повезло; сталъ онъ извозомъ промышлять.

Славились тогда разбоями большіе Муромскіе лѣса, около Оки, недалеко отъ Владиміра. Случалось не разъ Аѳанасью Аленину возить лѣсныхъ грабителей на своихъ лошадяхъ, при чемъ ему, конечно, перепадала деньга.

Не сдобровали какъ-то разбойники и попались, а съ

*) Посадъ—все равно, что пригородъ, — жилье, расположенное около внутренней крѣпости (собственно *города*).

ними угодилъ и Аѳанасій въ тюрьму. Недолго, однако, насидѣлъ онъ въ ней: онъ бѣжалъ и жилъ нѣкоторое время въ Юрьевцѣ Повольскомъ, гдѣ и умеръ.

Послѣ него осталась жена съ дѣтьми. Надо было жить чѣмъ-нибудь, куда-нибудь дѣваться. Услыхавъ, что Строгановы занимаются на Камѣ промыслами и имѣютъ нужду въ рабочихъ людяхъ, дѣти Аѳанасья Аленина перебрались къ нимъ на Чусовую рѣку, что впала въ Каму. Скоро они переженились и имѣли сами дѣтей.

Всѣхъ бойчѣе былъ Тимоѳеевъ сынъ, Василій. Смолоду еще отличался онъ силой и былъ рѣчистъ. Прозывался Василій, какъ и отецъ, Повольскимъ (прозванье это взяли себѣ дѣти Аѳанасья Аленина, переѣхавъ къ Строгановымъ). Про прежнія занятія Василья извѣстно, что онъ одно время ходилъ по Камѣ и Волгѣ бурлакомъ, былъ въ кашеварахъ и получилъ отъ товарищей кличку *Ермака*, что значило—артельный таганъ.

Скоро работа на *стругахъ* *) наскучила, и Ермакъ ушелъ къ вольнымъ людямъ, донскимъ казакамъ, и здѣсь его за удаль сдѣлали старшиной одной *станицы***). Но Ермаку хотѣлось больше простору, и онъ рѣшилъ итти на Волгу съ нѣсколькими изъ донцовъ, которые были непрочь отъ разбоя. На знакомой рѣкѣ ему не трудно было собрать значительную шайку и стать ея главнымъ атаманомъ. Волгу зналъ Ермакъ хорошо; онъ зналъ, гдѣ раскинуть станъ, гдѣ выбрать мѣсто для нападенія на проѣзжавшія суда. Въ одномъ мѣстѣ рѣка эта дѣлаетъ большой, очень крутой изгибъ, правый берегъ котораго покрытъ горами и лѣсами.

*) Стругъ—лодка, судно.
**) Станица—казацкое селенье.

Здѣсь-то, по преданію, живалъ знаменитый казакъ, и даже одна деревенька носитъ до сихъ поръ его имя. Провѣдалъ о разбояхъ на Волгѣ Иванъ Грозный, приказалъ изловить атамановъ и повѣсить. Отряженъ былъ воевода съ войскомъ.

Услыхалъ недобрую вѣсть Ермакъ съ товарищами и поплылъ изъ Волги въ Каму, на родныя мѣста, гдѣ провелъ молодые годы. Слышалъ и онъ много про Сибирское царство и про то, что Кучумъ дани русскому царю не платитъ,—захотѣлось ему попытать счастія въ не-русской землѣ.

Казаки, пришедшіе въ Строгановскія имѣнья, были народъ рѣшительный, смѣлый, готовый на все. Не даромъ говорили про нихъ, что они *безстрашные къ смерти, непокоримы и къ нуждамъ терпѣливы*. Такихъ-то людей и нужно было Строгановымъ для того, чтобы покорить Сибирское царство за Уральскими горами.

Они просили сначала у Ермака защиты отъ вогуличей и татаръ, а потомъ показали казакамъ царскую грамоту, которою дозволялось строить по ту сторону горъ острожки и селить людей. Ермака съ казаками это раззадорило. Лестно было думать, что къ Русскому царству можно, пожалуй, прибавить еще богатую и обширную землю. Такое дѣло было бы славнѣе и выгоднѣе грабежа на Волгѣ и стояло только за деньгами и припасами; но все это обѣщались выдать богатые Строгановы. Ермакъ согласился съ радостью на ихъ предложеніе и твердо рѣшилъ перейти горы и покорить малоизвѣстную страну. Выходило по пословицѣ, что „нѣтъ худа безъ добра", и бывшіе разбойники задумали употребить свои силы на болѣе полезное дѣло.

Ратниковъ у Ермака было, какъ говорятъ, предъ по-

ходомъ болѣе 800 человѣкъ, въ томъ числѣ и сборная дружина изъ русскихъ, татаръ, нѣмцевъ и литвы, выкупленныхъ Строгановыми изъ плѣна у ногайцевъ *). Всѣмъ было роздано оружіе и съѣстные припасы, состоявшіе изъ муки, крупы, толокна, сухарей, масла, ветчины и соли. Ермакъ былъ назначенъ воеводой. Первымъ послѣ него былъ Иванъ Кольцо, человѣкъ смѣлый, безстрашный.

Медлить было нечего: лодки были давно готовы и осмолены. Началась грузка; не много взяло времени укладыванье припасовъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ, между которыми были и легкія небольшія пушки, и длинныя *семипядныя* **) пищали.

Въ числѣ отправлявшихся были провожатые три попа, толмачи (переводчики) и какой-то бѣглый монахъ. Отъ Строгановыхъ взяли еще иконы стараго письма. Послѣ молебна Строгановы наказали казакамъ *„итти съ миромъ очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума“*.

1-го сентября 1581-го года сѣлъ Ермакъ съ своею дружиной въ лодки и отплылъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой при громкой трубной музыкѣ.

Иванъ Грозный ничего объ этомъ не зналъ, и Строгановы чуть не попали въ бѣду. Какъ на грѣхъ, въ тотъ самый день, когда уплыли казаки, на Строгановскія имѣнья напали вогуличи и много пожгли селъ, многихъ забрали съ собой. Донесли Ивану Грозному, что Строгановы держатъ у себя бѣглыхъ казаковъ и что въ день нападенія вогуличей казаки эти ушли за Уральскія горы. Разсердился царь и послалъ сказать

*) Ногайцы—одно изъ татарскихъ племенъ на югѣ.

**) Пядь равнялась нынѣшней четверти.

именитымъ людямъ, чтобъ они не смѣли у себя держать воровъ и немедленно воротили ихъ съ пути, въ противномъ случаѣ грозилъ немилостью.

„Хорошо еще, говоритъ, если бъ они у васъ жили и защиту давали отъ сибирскихъ народовъ, а то они теперь въ Сибирь ушли и, пожалуй, только мнѣ все дѣло испортятъ. Остяки согласились Русскому царству дань платить, а увидятъ казаковъ,—откажутся отъ нея. Коли бѣглые воры хотятъ у меня въ милости быть, пусть воротятся".

Строгій наказъ не подѣйствовалъ, потому что пришелъ поздно. Отъ Москвы до Строгановскихъ земель извѣстіе шло больше мѣсяца. Ермакъ былъ далеко. Не скоро подвигались казаки по Чусовой рѣкѣ, потому что надо было грести противъ воды, рѣка же быстрая и кругомъ высокіе скалистые берега. Сильно пріустали гребцы, захотѣлось имъ немного отдохнуть. Видятъ на берегу большой камень, а подъ нимъ чернѣетъ какая-то нора. Вышиною камень саженъ въ 20, а въ ширину и того больше.

Пристали казаки къ берегу и вошли въ большую пещеру; здѣсь, говорятъ, и зазимовали. Про это поется даже и въ одной пѣснѣ. Камню съ той поры по Ермаку и кличка была дана. И теперь на Чусовой показываютъ *Ермаковъ камень.*

Въ народѣ ходитъ слухъ, что бывшій атаманъ удалыхъ разбойниковъ, въ бытность свою на Волгѣ, успѣлъ награбить и скопить большія богатства; говорили, что Ермакъ зарылъ богатый кладъ въ одной изъ пещеръ, на сѣверномъ берегу Чусовой. Тамошніе крестьяне знали будто бы даже мѣсто, гдѣ зарыты деньги, и искали ихъ, но ничего не нашли.

Четыре дня плыли казаки по Чусовой рѣкѣ. Вдали ужъ виднѣлись Уральскія горы, а когда вошли въ рѣчку Серебрянку, что пала въ Чусовую, горы эти потянулись и справа и слѣва. Серебрянка текла по камнямъ; вода была въ ней свѣтлая, чистая, какъ серебро. Въ иномъ мѣстѣ береговыя горы были покрыты большими кедровыми лѣсами. Страшныя, крутыя скалы висли надъ самою водой.

Два дня плыли Серебрянкой, пришлось подъ конецъ остановиться, потому что лодки были тяжелы и дальше не подвигались: воды было мало. Говорятъ, что Ермакъ поднялся на выдумки: пришло ему на умъ запружать рѣчку, перехватывать ее парусами, вслѣдствіе чего вода въ берегахъ поднималась и пропускала суда.

Долго плылъ Ермакъ съ своею дружиной, вышелъ и на *сибирскій путь,* а еще почти никого на дорогѣ не встрѣтилъ. Разсудивъ, что впереди—не извѣстно, онъ велѣлъ, для всякаго случая, если придется назадъ отступать, такъ чтобы было гдѣ укрыться, дѣлать земляной городокъ. Скоро поспѣлъ городокъ, потому что вырыть ровъ и насыпать валъ на четыре стороны—дѣло не хитрое. Стало прозываться мѣсто это *Кокуй-городкомъ.*

Лодки вытащили изъ воды и поволокли до небольшой рѣчки Жаравли, а изъ нея попали въ Тагилъ, которая принесла русскихъ въ Туру, рѣку Сибирскаго царства. До этого времени если и попадался имъ какой народъ, такъ все больше кочевой, а тутъ сталъ появляться народъ осѣдлый, земледѣлецъ. Его надо было опасаться. Жившіе по рѣкѣ татары, вогуличи и остяки, у которыхъ былъ свой князь, Епанча, покор-

ный сибирскому царю Кучуму, встрѣлили смѣльчаковъ стрѣлами съ берега.

Народцы эти и не знали, что такое ружье и порохъ: бой у нихъ былъ *лучной*. Зарядили казаки пушки и выстрѣлили. Тѣ отъ страха пустились бѣжать безъ оглядки: думали, что громъ ударилъ. Ермака это подзадорило, велѣлъ онъ пристать къ берегу и пустился за ними въ погоню. Много улусовъ (деревень) разорили казаки и много перебили народу.

На рѣкѣ Тавдѣ, что въ Туру пала, поймали они татарина, по имени Таузака, и стали допрашивать, гдѣ Кучумъ, потому что татаринъ выдалъ себя за служащаго при сибирскомъ царѣ. Хотѣлось, видно, Ермаку попугать Таузака: приказалъ онъ своимъ ратнымъ людямъ стрѣлять изъ ружей по желѣзной кольчугѣ *), и пули пробивали кольчугу насквозь.

— Говори все, что знаешь, а то тебѣ худо будетъ!— стращали пойманнаго.

Испугался татаринъ и разсказалъ, что царь сибирскій живетъ на рѣкѣ Иртышѣ **), въ городѣ Сибири, или Искерѣ, что у стараго и слѣпого Кучума состоитъ въ подданствѣ много разныхъ князьковъ, и что сильнѣе и лютѣе всѣхъ родственникъ царя, Махметкулъ,— такой богатырь, что не найти другого ему равнаго во всей Сибирской землѣ.

Узналъ Ермакъ, что Кучума не любятъ за то, что онъ язычниковъ въ магометеву вѣру хочетъ обратить. Остяки же и вогуличи молились разнымъ идоламъ, которыхъ сами дѣлали изъ дерева и одѣвали въ платья. Самоѣды, напримѣръ, обмазывали своихъ божковъ

*) Кольчуга—рубашка изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ.

**) Главный притокъ сибирской рѣки Оби.

кровью для того, чтобы тѣ были къ нимъ милостивѣе. Каждый изъ этихъ народцевъ стоялъ за свою вѣру и былъ противъ магометовой.

Говорилъ татаринъ, что и войска много у Кучума, только нѣтъ такихъ удивительныхъ луковъ, и что сибирскій царь ведетъ съ разными народами большой торгъ мѣхами. А плыть до города Сибири надо по Тавдѣ въ Тоболъ, а изъ Тобола—прямая дорога въ Иртышъ.

Когда отпустили Таузака, Кучумъ скоро узналъ, что къ нему въ гости идутъ русскіе люди и несутъ съ собой такія стрѣлы, отъ которыхъ громъ слышенъ и спастись ничѣмъ нельзя. Какъ всѣ дикіе народы, Кучумъ былъ суевѣренъ, слушалъ все, что ему говорили сибирскіе *шаманы* (жрецы), и теперь сталъ припоминать ихъ пророчества и разсказы. Увѣряли они, что на небѣ было много знаменій: кто городъ съ церквами видѣлъ, кто кровавую воду въ Иртышѣ. Говорили, что бѣлый волкъ выходилъ драться съ черною собакой, что пришелъ волкъ съ Иртыша, а собака—съ Тобола рѣки. Думали такъ, что все это къ войнѣ. Удивляться этому нечего: и у насъ въ народѣ ходятъ теперь нерѣдко разные слухи о голодѣ или большомъ наборѣ, когда на небѣ появляется комета съ большимъ хвостомъ или огненные столбы (сѣверное сіянье).

Сталъ царь Кучумъ собирать войско. Высланы были татары противъ казаковъ, плывшихъ Тоболомъ. Кучумовы данники, чтобы помѣшать гребцамъ, перегородили въ узкомъ мѣстѣ всю рѣку желѣзными цѣпями, а сами тѣмъ временемъ задумали напасть на Ермака. Татаръ было много. Три дня отбивались русскіе съ лодокъ. Ермаку, наконецъ, удалось перехитрить не-

христей: велѣлъ онъ казакамъ набрать хворосту, навязать изъ него большіе пучки и одѣть ихъ въ лишніе казацкіе кафтаны. Такъ и сдѣлали: разсажали чучелъ по лодкамъ, а сами тайкомъ вышли на берегъ и бросились на непріятеля. Увидали татары, что русскихъ прибыло—и на берегу-то они, и на водѣ,—взяли да и побѣжали.

Узналъ Кучумъ, что съ малыми силами ничего не сдѣлаешь, кликнулъ кличъ по всему царству, и собралось большое войско. Махметкула съ конными людьми выслалъ онъ противъ Ермака, а самъ сѣлъ подъ Чуващьей горой за высокій земляной валъ, въ засѣку, неподалеку отъ своей столицы. Надѣялся Кучумъ на своего родственника, что тотъ въ обиду себя не дастъ.

Возлѣ одного урочища (Бабасана) Махметкулъ бросился на русскихъ съ своею конницей. Вооружены были татары стрѣлами и короткими копьями. На первый разъ казаки малость сробѣли. Если бы не Ермакъ, такъ татары пожалуй бы верхъ надъ ними взяли. Сталъ онъ ободрять своихъ ратниковъ и первый впередъ кинулся. Пошелъ кровавый бой. На каждаго изъ нашихъ, говоритъ *Строгановская лѣтопись*, приходилось отъ 10 до 30 человѣкъ татаръ; но порохъ и свинецъ повернули опять дѣло въ нашу пользу. Въ то время, какъ *поганые* (такъ мы называли всѣхъ, кто былъ не православной вѣры) бросали въ русскихъ стрѣлы и копья, русскіе люди стрѣляли *изъ пищалей* *) *и пушекъ скорострѣльныхъ и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ* **), *и шпан-*

*) *Пищаль*—очень длинное и тяжелое ружье, вдвое длиннѣе обыкновеннаго. Стрѣляли изъ такихъ ружей съ особыхъ подпорокъ.

**) *Затинныя пушки*, т.-е. небольшія.

скихъ. и изъ аркобузовъ *). Многіе изъ Ермаковой дружины были убиты. Стало Ермаку жалко и людей, и пороха.

Сядемъ, братцы, въ лодки,—сказалъ онъ.—Татары намъ на водѣ ничего не сдѣлаютъ.

Опять поплыли казаки по Тоболу, а съ крутого берега такъ и сыплются стрѣлы, только большого вреда отъ нихъ не могло быть, потому что на казакахъ были желѣзныя кольчуги. Проѣздомъ взятъ и ограбленъ былъ одинъ татарскій городокъ. Казаки много вывезли изъ него золота, серебра и царскаго меду и съ богатою добычей доплыли до Иртыша.

На Тоболѣ казакамъ еще было втерпежъ отъ татарскихъ стрѣлъ, а при устьѣ стали нехристи на берегахъ показываться и конные, и пѣшіе, видимо-невидимо. Съ крутыхъ береговъ ловко было стрѣлять по казакамъ. Въ воздухѣ свистѣли цѣлыя тучи стрѣлъ.

Улучатъ русскіе минуту, выстрѣлятъ вверхъ, и татары поотстанутъ малость, но потомъ опять пускаютъ стрѣлы вдогонку. Не стерпѣлъ Ермакъ, велѣлъ причалить къ берегу, и давай драться съ татарскою силой. Казаки принялись за дѣло дружно, прогнали непріятеля, сѣли опять въ свои лодки и поплыли Иртышемъ вверхъ. Послѣ такихъ передрягъ, какъ имъ было не устать. Не давали имъ сибирцы отдыха. До города Искера межъ тѣмъ было не такъ далеко,—русскіе были возлѣ Чувашьей горы. Кучумъ, заслышавъ про ихъ побѣды, сталъ на ней съ большимъ войскомъ, а въ засаду отпустилъ Махметкула.

Укрѣпился Ермакъ на ночлегъ въ одномъ татарскомъ

---

*) *Аркобузы* (аркебузы) — въ родѣ обыкновенныхъ нынѣшнихъ ружей; вообще они легкое огнестрѣльное оружіе.

городкѣ, только выспаться казакамъ не дали. Увидали они, что отъ Чувашьей горы идетъ къ нимъ татаръ не одна тысяча,—стали ночью, по казацкому обыкновенію, совѣтъ держать, въ кругъ собрались.

— Что дѣлать?

Одни стали говорить, что уходить надо по-добру, по-здорову; другіе, напротивъ, разсчитывали на удачу. Большинство хотѣло ѣхать въ лодкахъ назадъ, ссылаясь на то, что и такъ далеко зашли, пора и честь знать; а то, пожалуй, въ чужой землѣ и головы сложишь. Сталъ Ермакъ съ другими атаманами уговаривать и стыдить казаковъ; говорилъ имъ, что дурная про него съ ними пойдетъ слава. „Вотъ, молъ, разбойники, такъ они разбойники и есть; куда ихъ ни пусти, они пограбятъ, да и уйдутъ, а сдѣлать хорошаго ничего не сдѣлаютъ. Да опять куда же итти,—говорилъ онъ,—рѣки ужъ смерзаются“.

Подумали, подумали казаки и согласались остаться. Было это дѣло въ глубокую осень, на пятьдесятъ третій день послѣ выхода ихъ изъ Руси. Утромъ 23-го октября бросились казаки къ засѣкѣ. Начался неравный, кровавый бой. Татары тѣснили нашихъ отовсюду. Впереди небольшой толпы казаковъ были Ермакъ и Иванъ Кольцо. Долго рубились саблями, кололись копьями. Русскіе держались плотною стѣной и, не переставая, стрѣляли по татарамъ изъ пищалей. „Съ нами Богъ!“ кричали они, дружно отстаивая свою жизнь. Въ жаркой схваткѣ Махметкулъ былъ раненъ пулей, и Татары увезли его на другой берегъ Иртыша. Войско непріятельское, потерявъ начальника, обратилось въ бѣгство.

Когда Кучумъ узналъ, что русскіе побѣдили и на

этотъ разъ, то самъ въ отчаяніи бѣжалъ въ Ишимскія степи, бросивъ въ столицѣ своей, Искерѣ, много всякаго добра и казны. Побѣда стоила русскимъ не дешево: много казаковъ было убито. Ермакъ не досчитался 107 человѣкъ. Зато это была самая важная битва, послѣ которой вся Сибирская (прежде Югорская) земля, отъ Уральскихъ горъ до рѣки Оби и Тобола, отошла къ намъ.

26-го октября Ермакъ вошелъ въ брошенный Кучумомъ городъ. Искеръ стоялъ на высокомъ берегу Иртыша. Съ одной стороны защищенъ онъ былъ крутымъ обрывомъ, съ другой—тройнымъ глубокимъ рвомъ и земляным валомъ. Городскія жилища были построены все больше изъ дерева, но, кромѣ избъ, были еще мазанки, крытыя дерномъ. Говорятъ, что казаки много нашли въ Искерѣ разныхъ богатствъ и все раздѣлили между собой поровну. Были тутъ и парчи, и мѣха, и золото, и много чего другого. Долго казаки не вѣрили, что городъ пустой стоитъ: все думали, нѣтъ ли гдѣ засады какой. Подходили они къ нему съ опаской. Но на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ Искерѣ нѣтъ живой души. Не совсѣмъ это было для русскихъ выгодно: припасы съѣстные подходили къ концу, а на золото, найденное въ городѣ, не у кого было купить корки хлѣба.

Втащили казаки на городской валъ свои мелкія пушки, укрѣпились и сѣли ждать. 30-го октября пришли, наконецъ, остяки съ своимъ княземъ, принесли подарки и запасы. Говорили они, что будутъ вѣрны, и просили милости. За ними пришли татары. И тѣ и другіе были отпущены въ свои *юрты* (жилища). Была, однако, взята съ нихъ небольшая дань.

Присягали они русскому царю, каждый по своему обычаю: остяки клялись на медвѣжьей шкурѣ (этотъ звѣрь до сихъ поръ въ большомъ почетѣ у остяковъ); татары подходили и цѣловали окровавленную саблю Ермака. Онъ, говорится въ лѣтописи, не позволялъ своимъ казакамъ обижать иновѣрцевъ. Ермакъ любилъ порядокъ и строго взыскивалъ за худыя дѣла. Такъ, если кто былъ ослушникомъ или обращался въ бѣгство, того топили въ рѣкѣ, завязавъ въ мѣшокъ, набитый пескомъ и каменьями. За малыя вины насыпали въ платье песку и сажали въ воду на нѣсколько часовъ. Вотъ какія наказанія клалъ Ермакъ за всякое *студное дѣло*.

Пользуясь наставшею тишиной, казаки занялись охотой и рыбною ловлей. Опасность однако не миновала. Махметкулъ выздоровѣлъ отъ тяжелой раны и въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца неожиданно напалъ на русскихъ, ловившихъ рыбу въ одномъ озерѣ. Казаковъ было 20 человѣкъ, и всѣ до одного были избиты. Узнавъ про это, Ермакъ пустился въ погоню за Махметкуломъ и, разгромивъ татаръ, отмстилъ за своихъ товарищей.

Давно стояла глубокая снѣжная зима, съ страшными морозами и вьюгой (по-сибирски *пургой);* цѣлыя тучи снѣга заносили всѣ пути, такъ что итти дальше и думать было нечего. Отложили это дѣло до весны. Вся зима прошла въ собираніи *ясака*, охотѣ и рыбной ловлѣ. Казаки этимъ кормились, потому что хлѣба въ тѣхъ мѣстахъ не было.

Вогуличи сами вызвались платить русскому царю ясакъ и во многомъ помогали казакамъ, какъ проводники.

Въ апрѣлѣ 1582 года рано открылась сибирская весна. Ермаку сообщили, что Махметкулъ недалеко и что съ нимъ очень мало народа. Атаманы отрядили 60 самыхъ смѣлыхъ казаковъ, которые врасплохъ напали на непріятельскій станъ, полонили самого Махметкула и привезли его въ Искеръ.

Ермакъ принялъ царскаго родственника ласково, радуясь, что получилъ въ свои руки такого важнаго человѣка, въ случаѣ нужды—заложника.

На стараго, слѣпого Кучума тѣмъ временемъ обрушилось много бѣдъ. Мало того, что полонили его богатыря, шелъ еще на него сынъ, убитаго имъ (Кучумомъ) князя Бекбулата съ войскомъ; измѣнилъ вдобавокъ близкій ему человѣкъ вельможа Карача.

Ермаку все это было на руку. По рѣкамъ Оби и Иртышу пришлось ему еще воевать съ нѣкоторыми остяцкими князьями, такъ какъ они не всѣ были покорны. Особенно упорствовалъ князь ихъ Демьянъ. Онъ сидѣлъ въ своей крѣпости съ 2.000 ратныхъ людей, на крутомъ берегу Иртыша.

По дорогѣ къ ней, Ермакъ привелъ въ русское подданство (обложилъ ясакомъ) нѣсколько татарскихъ племенъ. Долго не могли казаки взять крѣпости князя Демьяна. Говорятъ, что въ остяцкомъ *городкѣ* стоялъ золотой идолъ, завезенный будто бы изъ старой Руси, когда еще наши предки *молились пенькамъ*. Идола этого остяки держали въ большой чашѣ, изъ которой для храбрости пили воду. Одинъ чувашенинъ вызывался украсть у нихъ его, да не могъ, потому что и день и ночь около идола былъ народъ. Казаки не пожалѣли пороху, и крѣпость наконецъ сдалась. Никакого идола русскіе въ ней не нашли. Плывя Иртышемъ, они встрѣ-

чали языческихъ жрецовъ. Тѣ приносили жертвы своимъ богамъ и просили у нихъ помощи отъ русскаго *грома*. Видя казаковъ, жрецы бѣжали въ лѣса.

На Иртышѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ его тѣснятъ очень высокіе берега, напали на нашихъ смѣльчаковъ вооруженные люди, но убѣжали при первомъ выстрѣлѣ.

Оставался еще самый сильный изъ остяцкихъ князей, Самаръ. Соединился онъ съ другими восемью князьками и готовился къ бою, рѣшивъ дать отпоръ казакамъ, зашедшимъ въ далекую Югорскую землю. Погубила только его неосторожность. Рано, чуть свѣтъ, бросились русскіе на спящій станъ остяцкихъ князей. Самаръ проснулся и былъ убитъ; остальные разбѣжались и стали платить ясакъ.

При взятіи главнаго остяцкаго города, Назыма, убитъ былъ атаманъ казацкій Никита Панъ и нѣсколько казаковъ. Ермакъ дошелъ до Оби, захватилъ еще нѣсколько небольшихъ крѣпостей, построенныхъ по ея берегу остяками, и дальше итти не захотѣлъ.

Дорогу перегораживала большая сибирская рѣка, шириною версты въ три-четыре, по обѣ стороны которой виднѣлись пустынные, укрытые снѣгомъ, берега. Ни кустика нигдѣ, ни деревца, а одинъ только болотный мохъ. Обь текла на сѣверъ, къ неприютному морю, покрытому чуть не цѣлый годъ льдомъ.

Ермакъ поѣхалъ обратно, въ Искеръ, къ оставленнымъ тамъ казакамъ. Ѣхалъ онъ съ музыкой. Русскіе были одѣты въ дорогія, блестящія платья. Къ Ермаку всѣ относились съ уваженіемъ, какъ къ человѣку недюжинному. Покоренные жители встрѣчали побѣдителей съ почестями.

Только теперь Ермакъ рѣшился послать къ Строгановымъ извѣстіе о томъ, что сибирскія дѣла идутъ на ладъ. Въ грамотѣ, посланной имъ, онъ извѣщалъ, что *султанъ* покорился, а Махметкулъ полоненъ, что земли ихъ взяты, а народы сибирскіе обложены ясакомъ.

Другую грамоту послалъ Ермакъ царю Ивану Грозному, въ которой раскаявился въ прошлыхъ грѣхахъ и говорилъ, что къ Русскому царству прибавилась еще новая земля—Сибирская. Писалъ Ермакъ, что ждетъ указа и присылки воеводъ.

Повезъ въ Москву грамоту, осужденный Грознымъ на смертную казнь чрезъ повѣшеніе, бывшій разбойничій атаманъ Иванъ Кольцо.

Узнавъ объ удачномъ исходѣ сибирскихъ дѣлъ, Строгановы обратились къ царю съ просьбой присоединить къ своему царству вновь добытыя *землицы*. Они сами не могли бы ихъ удержать: мало было на это средствъ. Подоспѣли и сибирскіе послы: Кольцо съ казаками. Они *били челомъ* царю Ивану Грозному *царствомъ Сибирскимъ, дорогими соболями, черно-бурыми лисами и бобрами.*

Москва и царь радовались. Только и рѣчи у всѣхъ было, что объ Ермакѣ, о богатомъ его посольствѣ, да о томъ, сколько онъ народовъ покорилъ, сколько разнаго добра добылъ. Много раздарилъ Грозный казакамъ денегъ, суконъ и цвѣтныхъ камокъ *). О прежнемъ гнѣвѣ не было и помину.

Въ Сибирь былъ отправленъ воевода Семенъ Болховской и служащій Иванъ Глуховъ съ пятью сотня-

---

*) *Камка*—турецкая шелковая матерія, съ рисунками.

ми стрѣльцовъ *). Ивану Кольцо разрѣшено было подыскивать охочихъ людей для заселенія новой земли. Отправлено было за Уралъ десять поповъ съ семьями.

Воевода отправился со стрѣльцами тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Покореніе Сибири малымъ числомъ казаковъ было дѣломъ необыкновеннымъ, выходящимъ изъ ряда вонъ. Потому и немудрено, что про подвиги русскихъ за Уральскими горами ходили небывалые разсказы. Такъ, даже въ одной лѣтописи того времени говорится, что недалеко отъ какого-то вогульскаго городка встрѣтили они великана, ростомъ сажени въ двѣ, который разомъ давилъ человѣкъ по десяти въ своихъ здоровыхъ лапахъ. Живого, говорится тамъ, взять его не могли, такъ пришлось застрѣлить такое чудовище изъ ружей. Между тѣмъ извѣстно, что вогуличи—народъ малорослый и вдобавокъ очень робкій. Они, какъ мы знаемъ уже, почти безъ сопротивленія вызвались платить дань русскому царю.

Первыя извѣстія о Югрѣ были сказками, въ которыхъ едва ли возможно было различить хоть что-нибудь похожее на правду; но вотъ триста лѣтъ назадъ казаки перешли чрезъ горы, забрали много земли, своими глазами видѣли все, многимъ изъ нихъ удалось вернуться на родину, а все-таки ходили въ народѣ сказки про Сибирскую землю. Народъ вѣритъ бывалымъ людямъ, даже если они и прихвастнутъ немного. Пройдетъ какой-нибудь слухъ чрезъ десять человѣкъ, каждый прибавитъ свое—и загуляетъ по свѣту

*) Пѣшее и конное войско того времени.

небылица. Такія вотъ небылицы попадали въ то время и въ лѣтописи о томъ, что случалось на Руси изъ года въ годъ. Пора, однако, вернуться въ Сибирь, къ Ермаку.

Пріѣхавшій воевода навезъ казакамъ подарковъ. Царь прислалъ Ермаку Тимоѳеевичу шубу съ своего плеча, двѣ брони и серебряный литой кубокъ. Величалъ, говорятъ, Иванъ Грозный бѣглаго донского казака *княземъ сибирскимъ*. Пришлымъ стрѣльцамъ съ воеводой данъ былъ казаками пиръ на славу. Между тѣмъ стояла суровая сибирская зима: жилье было сырое, открылась страшная болѣзнь—цынга *). Воздухъ въ казацкихъ избахъ и землянкахъ былъ спертый, нездоровый. Прежде всѣхъ заболѣли стрѣльцы, присланные изъ Москвы, а послѣ нихъ слегли многіе и изъ казаковъ, проложившихъ путь въ Сибирь. Люди умирали въ страшныхъ мученіяхъ.

Подоспѣла на подмогу первой другая бѣда: въ пищѣ былъ недостатокъ. Прежде хоть охотой можно было достать и дичи и рыбы, а тутъ поднялись вьюги, стали страшные морозы, дороги заносило снѣгомъ и изъ сосѣднихъ юртъ нечего было ждать подвоза хлѣба.

Пришлось терпѣть голодъ. Болѣзнь отъ этого еще болѣе усиливалась и въ числѣ умершихъ былъ самъ воевода царскій, Болховской. Бѣда миновала толь-

*) Въ этой болѣзни у человѣка десны становятся мягкими и изъ нихъ сочится кровь, при чемъ отдѣляется невыносимый запахъ. На кожѣ появляются багровыя пятна, ноги пухнутъ; во всемъ тѣлѣ чувствуется боль. Отъ потери крови больной наконецъ умираетъ. Цынга появляется преимущественно въ сѣверныхъ краяхъ,—тамъ, гдѣ воздухъ бываетъ холоденъ и сыръ. Соленая пища помогаетъ отъ цынги.

ко весной, когда стало теплѣе и русскимъ привезли хлѣба.

Плѣнный царевичъ Махметкулъ отправленъ былъ Ермакомъ въ Москву, при чемъ казакъ-завоеватель просилъ у царя скорой помощи для удержанія новой земли въ своихъ рукахъ.

У русскихъ оставался еще въ Сибири одинъ сильный врагъ—князь Карача. Силенъ онъ былъ хитростью и лживостью. Показывалъ Карача видъ, что друженъ съ русскими, посылалъ Ермаку разные подарки, прикидывался вѣрнымъ слугой, а тѣмъ временемъ искалъ всѣ средства, какъ бы насолить русскимъ, а не то и вовсе прогнать ихъ изъ Сибирской земли. Ермакъ не догадываясь, довѣрялъ Карачѣ и разъ послалъ ему на подмогу противъ ногайскихъ татаръ сорокъ удальцовъ, съ любимымъ атаманомъ Иваномъ Кольцо. Казаки пришли въ Тарскій *улусъ* князя Карачи, и всѣ были перерѣзаны.

Послѣ такой неудачи русскихъ поднялись на Ермака всѣ покоренные сибирскіе народы. Татары и остяки пошли на городъ *Искеръ* (Сибирь) и окружили его множествомъ обозовъ. Защита у сидѣвшихъ въ городѣ была плохая: стѣны были деревянныя, складенныя на скорую руку, да валъ земляной. Пальба изъ пушекъ помочь не могла, потому что непріятель стоялъ съ обозами далеко въ полѣ; на вылазки людей было жалко. Карача хотѣлъ казаковъ сморить голодомъ, но они не дремали.

Темною ночью 12-го іюня 1584 года, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка, прокрались русскіе въ станъ Карачи сквозь татарскіе обозы и перебили много сонныхъ людей, въ томъ числѣ двухъ сыновей

князя. До полудня другого дня шла жаркая битва. Карача не могъ выбить казаковъ изъ своего обоза, въ которомъ они засѣли, и бѣжалъ за рѣку Ишимъ къ Кучуму.

Опять покорились русскимъ бунтовавшіе до этого сибирскіе народы.

Чтобы задать имъ страха, Ермакъ пошелъ слѣдомъ за Карачей и сталъ забирать иноземные городки. Говорятъ, что одинъ татарскій князь предлагалъ ему въ жены свою красавицу дочь, но Ермакъ не согласился взять къ себѣ бабу: казацкое ли было дѣло съ бабами возиться? Не обошлось безъ битвъ. Въ нихъ Ермакъ вымещалъ за своихъ умершихъ друзей и товарищей: Никита Панъ былъ убитъ въ бою, Иванъ Кольцо зарѣзанъ, Яковъ Михайловъ тоже убитъ при разъѣздѣ вмѣстѣ съ пятью казаками, остался только одинъ Мещерякъ.

Усмиривъ татаръ, Ермакъ вернулся въ Искеръ.

Въ тѣ два года, которые выжили казаки въ Сибири, заведена была торговля съ далекими азіатскими землями. Бухарцы привозили въ Искеръ свои товары и мѣняли ихъ на пушистые мѣха. Ермакъ зналъ, что бухарскіе купцы должны скоро прибыть на искерскій торгъ, и ждалъ ихъ. Въ это время прошелъ слухъ, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ къ Русскимъ. Тогда Ермакъ съ пятьюдесятью казаками пошелъ навстрѣчу азіатскимъ купцамъ. Цѣлый день проискалъ онъ напрасно: не было видно ни Кучума, ни торговаго каравана. На обратномъ пути заночевалъ Ермакъ на берегу Иртыша. Съ одной стороны была широкая и быстрая рѣка, съ другой неглубокая, наполненная водой, *перекопь*. Давно еще кѣмъ-то была она вырыта и видна,

говорятъ, до сихъ поръ. Раскинули казаки шатры и легли спать. даже караульнаго не поставили. Это была большая оплошность со стороны Ермака: онъ зналъ, что Кучумъ не далеко.

Въ ночь разыгралась страшная буря на Иртышѣ. лодки оторвало и унесло внизъ. вѣтеръ ревѣлъ, волны хлестали въ берегъ... Пошелъ проливной дождь. Казаки спали мертвымъ сномъ, потому что сильно утомились за день.

Между тѣмъ царь Кучумъ съ татарами былъ на томъ берегу Иртыша. Онъ не рѣшался итти въ русскій станъ, не вѣрилъ. чтобы русскіе спали, и послалъ одного татарина разузнать дѣло и что-нибудь принести въ доказательство того, что они спятъ. Надо было къ тому же отыскать бродъ. Посланецъ принесъ. одни говорятъ, три пищали. другіе — три лядунки съ порохомъ,—первое, что подъ руку попалось.

Тогда Кучумъ, пользуясь непогодой, неслышно переѣхалъ съ своею конницей чрезъ ровъ, напалъ на спящихъ и перерѣзалъ ихъ. Только двое проснулись во время рѣзни: Ермакъ и одинъ изъ казаковъ, который принесъ своимъ печальную вѣсть. Нѣсколько татаръ было убито Ермакомъ. Видя, что нѣтъ спасенья, онъ кинулся къ лодкамъ, но лодокъ не было,—ихъ далеко унесло вѣтромъ. Въ отчаяньи бросился Ермакъ въ глубокій и быстрый Иртышъ, надѣясь доплыть до нихъ. но тяжелое вооруженіе потянуло его ко дну, и онъ утонулъ. Случилось это 5-го августа 1584 года. Чрезъ недѣлю около одного татарскаго селенья прибило трупъ Ермака. Татаринъ, удившій рыбу на берегу, увидалъ въ водѣ чьи-то ноги, закинулъ петлю и вытащилъ человѣка. На утопленникѣ была надѣта же-

лѣзная броня съ мѣдной оправой; на груди былъ золотой орелъ. Всѣ признали казацкаго атамана.

Говорятъ, что татары злобно потѣшались надъ покойникомъ, положили его на рундукъ и пускали въ него стрѣлы; пріѣхалъ будто бы и Кучумъ съ остяцкими князьями смотрѣть на это поруганіе. Народная молва передаетъ, что хищныя птицы, слетаясь на запахъ трупа, не трогали Ермака и только съ рѣзкимъ крикомъ вились надъ нимъ въ вышинѣ; будто стали татарамъ сниться страшные сны, представляться видѣнія, и что эти сны и видѣнія принудили ихъ схоронить Ермака на кладбищѣ, подъ кудрявою сосной. Въ день похоронъ зажарены были въ честь ему и съѣдены тридцать быковъ.

Верхняя кольчуга, по преданію, досталась жрецамъ Бѣлогорскаго идола, а нижняя—одному *мурзѣ* *), Кандаулу, кафтанъ казацкій—другому мурзѣ, Сейдяку, а сабля и поясъ—Карачѣ. Надъ могилой Ермака, подъ развѣсистой сибирскою сосной, пылалъ по ночамъ, говорилъ народъ, столбъ огненный, и напуганные татары постарались скрыть мѣсто, гдѣ былъ схороненъ знаменитый казакъ.

Лѣтъ 70 спустя кольчуга Ермака какими-то судьбами опять досталась русскимъ. Ея размѣры, говорятъ, были громадные. Она была желѣзная, въ два аршина длины; шириной въ плечахъ—пять четвертей. На груди и спинѣ—по золотому орлу; на рукавахъ и подолѣ—мѣдная опушка въ три вершка шириной.

Про самого Ермака разсказывали еще много небылицъ; говорили, напримѣръ, что самая земля съ его

*) Мурза—князь.

могилы исцѣляла отъ недуговъ, дѣлала человѣка непобѣдимымъ, и пр.

Теперь про него знаютъ во всей Сибири; у многихъ тамошнихъ крестьянъ есть плохо намалеванные портреты Ермака, а про могилу никто не знаетъ. Зато въ Тобольскѣ, построенномъ вскорѣ послѣ его смерти, стоитъ Ермаку памятникъ. Низъ у памятника гранитный, въ полсажени вышины; верхъ мраморный въ 7 саженъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ написаны слова. Съ одной: *„Покорителю Сибири, Ермаку“*; съ другой: *„Воздвигнутъ въ 1839 году“*: на остальныхъ двухъ сторонахъ помѣчены годы: *1581* (годъ выхода изъ Руси въ Сибирь) и *1584* (годъ смерти Ермака). У прежнихъ сибирцевъ считался онъ непобѣдимымъ храбрецомъ, такимъ же слыветъ Ермакъ въ народѣ, и теперь много сложено про него пѣсенъ.

Послѣ смерти любимаго атамана рѣшили казаки итти въ Русь. Безъ него они не знали, что имъ и дѣлать съ татарами. Нехристей много,—пожалуй, всѣхъ перебьютъ, а казаковъ и безъ того много убыло и отъ холода, и отъ татарскихъ стрѣлъ, и отъ болѣзни.

Искеръ былъ брошенъ, и русскіе ушли съ присланнымъ изъ Москвы Глуховымъ. Послѣ ухода ихъ въ покинутый городъ пришелъ сначала сынъ Кучума, Алей, а за нимъ и самъ старикъ-отецъ. Недолго, однако, въ немъ они насидѣли: подошелъ съ войскомъ одинъ князь, по прозванію Сейдякъ, и, отплачивая за прежніе Кучумовы грѣхи, выгналъ слѣпого старика изъ Искера.

Бѣжавшимъ въ Русь казакамъ попался на дорогѣ воевода Мансуровъ. Онъ шелъ на подмогу съ сотней людей и съ одною пушкой. Иванъ Грозный не былъ

въ живыхъ: на царскомъ престолѣ сидѣлъ уже сынъ его, Ѳеодоръ.

Пришлось казакамъ ворочаться опять въ Сибирь. Подошли они къ Искеру, но взять его не могли, и заложили на Оби другой городокъ. Стали подъ него подступать остяки, не радуясь возвращенію старыхъ знакомцевъ, и сильно молились своему идолу, *Славутею*, чтобъ онъ помогъ имъ.

Однако дѣло у нихъ на ладъ не пошло. Русское ядро попало въ идола и разбило его въ мелкіе дребезги. Трусливые остяки уныли и со страху больше не показывались.

Между тѣмъ изъ Москвы пришелъ еще воевода—Чулковъ, человѣкъ умный и ловкій. Привелъ онъ съ собой триста человѣкъ и заложилъ, въ шестнадцати верстахъ отъ Искера, городокъ Тобольскъ. Князь Сейдякъ продолжалъ все сидѣть въ прежней сибирской столицѣ. Чулковъ ссориться съ нимъ не хотѣлъ. Только Сейдяку не нравилось, что русскіе пришли и недалеко отъ него новый городъ заложили; пригласилъ онъ Карачу да съ нимъ и пошелъ къ Тобольску.

Поднялись оба князя на хитрости: для отвода, ястребовъ стали выпускать, будто на охоту ѣдутъ. Увидалъ Чулковъ, что дѣло не ладно, послалъ къ нимъ гонца звать для переговоровъ насчетъ замиренія. Пришли князья и Кучумъ съ ними. Думаютъ: вотъ, молъ, русскіе струсили нашей татарской силы.

Подали обѣдъ, а гости и куска въ ротъ не берутъ Чулковъ-то и говоритъ имъ:

— Что, неужто, вы хлѣбомъ-солью брезгаете?

— Нѣтъ,—отвѣчаютъ тѣ,—не брезгаемъ.

— Такъ, выпейте,—говоритъ.

Стали гости пить, поперхнулись и закашлялись. Тутъ Чулковъ-то и закричалъ:

— А, вы съ худымъ умысломъ пришли сюда... Ребята, вяжи!

Связали гостей. Побросались было татары къ окнамъ: выскочить хотѣли. Вышла драка; многихъ перебили. Слѣпой сибирскій царь все не сдавался, писалъ послѣ къ царю грамоту, замиренья просилъ. Царю Кучума бояться было нечего, и онъ звалъ его на свою царскую службу. Махметкулъ въ то время ужъ справлялъ ее.

Скоро всю Кучумову семью отослали въ Москву, гдѣ плѣнниковъ приняли милостиво. Сибирскій же царь, на старости лѣтъ, не захотѣлъ неволи и бѣжалъ къ ногайскимъ татарамъ, а тѣ взяли да и убили его. Сдѣлали они это потому, что боялись русскихъ, какъ бы тѣ на нихъ не осерчали: скажутъ, пожалуй, вотъ, молъ, врага нашего прикрываете. Такъ и погибли Ермакъ съ Кучумомъ не своею смертью. Сибирская же земля осталась въ нашихъ рукахъ и стала, какъ увидимъ, заселяться русскими.

Казаки пошли дальше, на востокъ.

III.

На трехъ великихъ рѣкахъ Сибири.

Первый шагъ въ незнаемую Сибирскую землю былъ удаченъ, хотя обошелся и не дешево. За Уральскими горами встрѣтили казаковъ татары. Это былъ народъ посильнѣе остяковъ и самояди, которые платили дань болѣе сильнымъ пришельцамъ съ юга. Татары смыслили кое-что въ военномъ дѣлѣ и умѣли лучше оборо-

няться, чѣмъ разбросанные по Сибирской землѣ народцы. У татаръ, при нуждѣ, собиралось большое конное войско; у нихъ былъ свой сильный султанъ Кучумъ; на Иртышѣ стоялъ большой городъ—*столица* Искеръ, кромѣ того не мало было разныхъ поселеній — *улусовъ*. Татары отчасти были уже знакомы съ осѣдлою жизнью.

Пришлые изъ-за *Камня* служилые люди *) встрѣчали отъ нихъ не покорность, а цѣлыя тучи стрѣлъ. Противъ казаковъ высылались большіе конные отряды. Мы знаемъ, какъ одинъ разъ эти смѣлые и выносливые люди, завидя несмѣтную татарскую силу, поколебались, призадумались надъ своею судьбой и даже рѣшили (хоть и не всѣ) итти назадъ, въ Русь. Не будь Ермака съ товарищами-атаманами, они бы и ушли. Трудно, выходитъ, было проторять сибирскіе пути.

Смѣлость и удальство, которыми запаслись казаки, живя постоянно на безпокойной Русской Украйнѣ, помогли имъ совладать съ татарскою силой. Но одного удальства да смѣлости было для этого, пожалуй, и мало: вѣдь и у татаръ выискивались лихіе наѣздники-богатыри; стоитъ вспомнить Махметкула. Было что-то еще, что давало силу пришельцамъ изъ-за Уральскихъ горъ. Дѣло въ томъ, что русскіе *знали* больше Сибирскихъ татаръ и покорныхъ имъ народцевъ. До многаго одинъ человѣкъ иной разъ самъ и не додумается, или если додумается, такъ не скоро; надо, чтобы кто-нибудь ему разсказалъ да показалъ. Не даромъ говорится: умъ—хорошо, а два—лучше. Есть близкій, зна-

*) Ратные, воинскіе чины. „Кто убился?—Бортникъ. А кто утонулъ?—Рыбакъ. А въ полѣ убитый лежитъ?—Служилый человѣкъ". (Пословица).

ющій человѣкъ—придетъ и укажетъ, или прямо, безъ указки, перенимешь отъ него по нуждѣ. Такъ бываетъ и съ цѣлымъ народомъ. Случается, что люди долгое время живутъ въ глуши и мало до чего могутъ додуматься сами, своимъ умомъ. Бываетъ это отъ разныхъ причинъ, а главное отъ того, что нѣтъ у народа знающихъ сосѣдей, либо трудны и далеки къ этимъ сосѣдямъ пути.

У русскихъ жили по сосѣдству, на западѣ, знающіе люди. Хоть и лежала Русь далеко, на востокъ, однако въ нее давно былъ доступъ всякимъ *тьмичамъ*, отъ которыхъ подчасъ нужда заставляла кое-что и перенять. Самое нужное, само собою, бралось прежде всего; а что для насъ было всего нужнѣе въ то время, когда на западѣ жили знающіе и сильные этимъ знаніемъ люди, а на югѣ безпокоили степные разбойники?—Ясное дѣло, что оружіе. Сосѣди давно выдумали зелье (порохъ): давно имъ кидались тяжелыя ядра, противъ которыхъ плохо защищали желѣзныя латы и деревянныя стѣны. Въ концѣ четырнадцатаго вѣка (1389 г.) завелся огненный бой и у насъ; стали послѣ отливать не одни колокола,—понадобились пищали да пушки. Отсюда и то понятно, почему сибирцы не могли осилить пришлыхъ казаковъ и какая-нибудь горсть смѣлыхъ людей, съ плохимъ огнестрѣльнымъ снарядомъ, прогоняла тысячную толпу иновѣрцевъ. Были, какъ увидимъ послѣ, и другія причины. Татарскихъ ратныхъ людей огненный бой засталъ врасплохъ, они не могли понять, въ чемъ тутъ сила. Перенимать его у русскихъ не было времени, потому что русскіе сами хотѣли стать хозяевами въ Сибирской землѣ и на мирныя сдѣлки не шли; надо было поневолѣ уступить имъ мѣсто. Татары ушли

скоро послѣ того, какъ казаки полонили Сейдяка. Ни разу послѣ не удавалось имъ набраться силы и постоять за Кучумово царство, хоть они и старались объ этомъ.

Русскіе люди покоряли новыя земли не набѣгомъ, какъ кочевые народы; они, какъ люди привыкшіе къ осѣдлой жизни, старались закрѣпить ихъ за собою. По ту сторону Уральскихъ горъ покинуто ими было государство, города и села, извѣстный *порядокъ* жизни, котораго они держались вотъ уже сколько лѣтъ. Изъ Москвы наказывалось казакамъ итти Сибирскою землей, отыскивать *„новыя землицы“*, брать *ясакъ* со встрѣчныхъ людей, приводить ихъ подъ высокую государеву руку, ставить жилыя мѣста. Послѣдними-то и закрѣплялась за ними Сибирская земля съ самаго начала. Еще Ермакъ, изъ осторожности, на всякій случай, оставилъ позади *Кокуй-городокъ*, чтобы было куда отступить и гдѣ укрыться; то же дѣлали казаки и послѣ Ермака. Они шли, оставляя за собой рядъ небольшихъ крѣпостей (остроговъ). Изъ нихъ они расходились потомъ небольшими артелями въ разные концы Сибири. До самой Оби была она уже въ нашихъ рукахъ, но пробирались и дальше. Большія рѣки со многими притоками помогали казакамъ подвигаться довольно скоро. Ихъ путь лежалъ не прямой, а ломанною линіей; его можно, пожалуй, сравнить съ обернутою вверхъ ножками славянскою буквой *мысльте* (W). По текущимъ съ юга на сѣверъ рѣкамъ они то спускались до промерзлыхъ сѣверныхъ болотъ, по которымъ ходили кочевники съ своими оленями до самаго моря, то поднимались до густыхъ, неоглядныхъ лѣсовъ, на югѣ, до Каменныхъ хребтовъ. Весною и лѣтомъ плыли по рѣкамъ на не-

хитро-устроенныхъ *кочахъ* и дощаникахъ *). Въ этихъ посудинахъ иной разъ не было ни одного желѣзнаго гвоздя, ни одной желѣзной скобы. Даже якори были деревянные и для тяжести къ нимъ привязывали камни. Канаты дѣлали изъ оленьей кожи: изъ нея нарѣзывались ремни и сплетались. Вмѣсто парусовъ, за недостаткомъ холста, развѣшивали сыромятныя оленьи шкуры. Когда подходила зима, суда оставлялись на какомъ-нибудь волокѣ и строилось зимовье. Промышленники, забиравшіеся на сѣверъ часто раньше казаковъ, ставили его больше въ лѣсу, или около него, къ звѣрю ближе; казаки же—по рѣкамъ, а иной разъ гдѣ придется. Зимовьемъ звалась простая курная изба, съ большою глиняною печью, со слюдой въ окнахъ, а то и просто съ кускомъ льду. Жило въ такой избѣ самое малое—шесть казаковъ; коли надо было, такъ избу огораживали. Въ отличіе отъ сосѣдей-*нехристей*, около зимовья ставился большой деревянный крестъ. Выпадали глубокіе снѣга, въ полѣ вьюжило; трещали страшные морозы... Зимовье часто кругомъ заносило высокими сугробами, и только небольшая струйка дыма указывала по временамъ, что въ занесенной одинокой избѣ есть люди. Казаки и промышленники подвязывали къ ногамъ длинныя *лыжи* **) и пускались на нихъ по лѣсамъ и равнинамъ—одни за звѣремъ, другіе—за сборомъ царева ясака. Припасы везли на оленяхъ или собакахъ, запряженныхъ въ легкія *нарты* ***).

*) Большое судно, съ одною мачтой и съ палубой. Кочъ былъ саженъ въ 12 длины; маленькій кочъ звался *кочеткомъ*.

**) Двѣ, въ $2^1/_2$ аршина и меньше, дощечки. Ихъ подвязываютъ къ ногамъ для ходьбы по глубокому снѣгу. Лыжи—не широки, съ немного вздернутыми къ верху носками. Для того, чтобы не скользить при спускѣ, ихъ подбиваютъ дешевымъ мѣхомъ оленя или выдры.

***) Узкія санки, длиной до шести аршинъ.

Изъ простого огороженнаго зимовья выросталъ *острожекъ*, а потомъ острогъ. Такъ называли всякое обнесенное тыномъ мѣсто. Тынъ или частоколъ дѣлался изъ свай, которыя, будучи врыты стоймя острыми, обтесанными концами, торчали къ верху. За острожнымъ тыномъ, который поставить было дѣломъ скорымъ и немудренымъ, рубились избы или копалось жилье въ землѣ. Такія укрѣпленныя мѣста были обыкновенно расположены въ началѣ какого-нибудь волока съ одной рѣки на другую, или около рѣчного устья. Такъ какъ строили ихъ на скорую руку и неумѣло, то иные острожки стояли не долго: подгнивали или вовсе разваливались; случалось, что ихъ истреблялъ пожаръ. Поджоговъ боялись сильно, да они страшны были въ мѣстахъ, гдѣ кругомъ стояли лѣса. Лѣса эти часто горѣли, а тушить ихъ никто и не думалъ. Въ любомъ жильѣ только одна печь клалась изъ битой глины, а остальное все—смолистое дерево, такъ долго ли до грѣха. Если въ острогѣ скоплялось довольно много народу, то случалось, что ставили и маленькую церковь на мѣсто прежней часовни. *Города рубились* отдѣльно, но бывало и такъ, что острогъ съ городомъ стояли вмѣстѣ: снаружи—острожный полисадъ (тынъ), а внутри, съ деревянными *рублеными* стѣнами и башнями—городокъ. Не велики были эти жилыя мѣста: такъ, въ Тарѣ (на Иртышѣ) городокъ всего былъ въ 42 квадратныхъ сажени (т.-е. каждая изъ 4-хъ стѣнъ была такой длины); острогъ, который шелъ кругомъ, былъ въ длину до двухсотъ, а въ ширину до полутораста саженъ. Между его тыномъ и городкомъ жили обыватели; тѣсно было,—такъ селились и за тыномъ, въ полѣ. Въ городѣ стояли: церковь, воеводскій дворъ, *зелейные* (пороховые)

погреба, казенные амбары. Русь поставляла въ сибирскія поселенія все, что нужно, а мало ли что надо было прислать въ какой-нибудь городокъ, или острогъ? Кромѣ разныхъ, необходимыхъ для жизни припасовъ, поставленному воеводѣ требовалась бумага для отписей въ Москву, при бумагѣ—писецъ, подьячій, въ церковь (если была) нуженъ былъ священникъ, причтъ, книги, ризы, образа, сосуды, да кромѣ того еще мелочи разныя - всѣхъ не перечтешь. Въ одной записи того времени говорится, напримѣръ, что послано въ такую-то церковь: „ладану 3 фунта, да 3 фунта темьяну, пудъ воску, да ведро вина церковнаго". На низенькую деревянную колокольню высылали колоколъ въ какіе-нибудь *три пуда безъ двухъ гривенокъ* вѣсомъ, и сибирцамъ можно было обѣдню справлять, помолиться. Служилымъ и рабочимъ людямъ, плотникамъ, кузнецамъ и пр. требовались топоры, тесла, ножи, всякій заводъ. Безъ топора нельзя было въ Сибири и шагу сдѣлать.

Для поселеній выбирали мѣсто повыше—на пригоркѣ или на рѣчномъ юру, чтобы весной сильная сибирская вода не затопляла. Коли мѣсто было удобно, то о немъ отписывалось, что оно „*угоже и крѣпко, и рыбно, и пашенка не велика есть, и луговъ много, и гдѣ стояти городу и то мѣсто высоко—большая вода не поимаетъ*". Города строили казацкіе головы, сотники, боярскіе дѣти. Постройка ихъ обходилась, на нынѣшнія деньги, очень дешево: сажень палисада—20 копѣекъ, башня—рубль *).

*) Рубль стоилъ вдвое противъ нынѣшняго. Рубля (монеты) не было; рублемъ звали сто копѣекъ, отъ слова *рубить*; прежде за товаръ платили серебромъ, на вѣсъ; отсюда: рубль—отрубокъ серебра, извѣстной цѣны. Гривна рубилась на-четверо (на 4 рубля). Рубль звали еще *тинъ*; отсюда слово—*полтина*.

Число поселеній увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ ними и число переселенцевъ изъ-за Уральскихъ горъ. Между ними, къ концу пятисотыхъ годовъ, были въ Сибири не одни служилые люди—казаки, да промышленники; изъ сѣверныхъ русскихъ городовъ (Устюга, Тотьми, Сольвычегодска) шли охотой и высылались еще пашенные люди и торговцы. Намъ извѣстно, что еще при жизни Ермака Иванъ Кольцо набиралъ въ Сибирь охочихъ людей. Въ 1586 году, при сынѣ Грознаго, царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, изъ Сольвычегодска (уѣзднаго города нынѣшней Вологодской губерніи) посланы были въ покоряемую страну пашенные люди съ лошадьми, коровами и сохами. Промышленники и торговцы, забираясь на сѣверъ Сибири, украдомъ вели выгодный для себя и убыточный для казны торгъ. Сначала это имъ сходило съ рукъ, а послѣ провѣдали о продѣлкахъ въ Москвѣ и приказали стеречь государево добро и людей безвѣдомо не пускать. До вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова у русскихъ въ Сибири было уже нѣсколько городовъ (Тобольскъ, Тюмень, Пелымъ, Березовъ, Тара, Томскъ и другіе). Для возки хлѣба высылались изъ Руси ямщики; суда строили тоже присыльные, *умѣющіе топоромъ* люди.

Жители сибирскихъ поселеній кормились охотой и рыбною ловлей; гдѣ было можно, тамъ заводили пашни. Въ началѣ шестисотыхъ годовъ русскіе далеко отошли отъ сѣверныхъ тундръ и Уральскаго хребта. Въ 1604-мъ году построенъ былъ Томскъ; онъ лежалъ довольно близко отъ юга Сибири. Какъ населялись тогда города, видно изъ того, что, напримѣръ, для Томска приказано было набрать 50 человѣкъ охочаго люда и

дать имъ по два рубля съ полтиной, хлѣба—по четверти муки, по полъ-осминѣ крупъ, да столько же толокна. Наказывалось прибрать молодцовъ *добрыхъ*, которые бы стрѣлять умѣли. Работы этимъ молодцамъ было не мало: они должны были расчищать дороги, ровнять пеньки послѣ вырубленныхъ лѣсовъ... При Михаилѣ Θеодоровичѣ, а послѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Сибири, особливо въ южной ея половинѣ, было непокойно: кромѣ туземцевъ, вставали противъ русскихъ татары и киргизы; а позже не было покоя отъ калмыковъ. Кочевники жили на югѣ Сибири и казакамъ-поселенцамъ приходилось отъ нихъ такъ же терпѣть, какъ въ прежніе годы русскимъ крестьянамъ отъ татаръ. Кочевники приходили и жгли остроги, угоняли скотъ, били людей. На краю степей, которыя лежали на юго-западѣ вперемежку съ горами, надо было ставить крѣпости посильнѣе, заводить пушки, сажать ратныхъ людей побольше; по народу въ Сибири было очень мало: киргизскія и калмыцкія толпы приприходилось разбивать по частямъ. Города Тара и Кузнецкъ служили русскимъ защитой отъ этихъ разбойниковъ, а между тѣмъ въ Тарѣ, для охраны плодородной Барабинской степи, было всего 60 казаковъ.

Кочевники двигались съ юга на сѣверъ и занимали покоренныя казаками мѣста, потому что ихъ самихъ тѣснили другіе народы. Поэтому русскимъ, какъ увидимъ, было труднѣе идти югомъ, чѣмъ сѣверомъ, и опаска заставляла ихъ строить города больше на югѣ, чаще у верховья рѣки, чѣмъ у устья. Къ приходившимъ калмыкамъ, татарамъ и киргизамъ примыкали нерѣдко и сибирскіе народцы; какъ всякому человѣку, и имъ хотѣлось воли, но такъ какъ не хватало своей си-

лы, то они и клали надежду на другихъ. Приливы кочевниковъ съ юга вмѣстѣ съ страшными разливами рѣкъ были долгое время просто неизбѣжными. Много лѣтъ спустя послѣ занятія Сибири, Тобольскъ, городъ всетаки сѣверный, лежащій далеко отъ юга, со страхомъ ждалъ прихода калмыковъ. Онъ даже приготовился къ осадѣ. На югѣ многіе остроги были сожжены; русскіе уже не разъ дрались съ калмыками. Осталось цѣлое описаніе, чѣмъ и какъ хотѣлъ оборoняться Тобольскъ противъ людей *съ лучнымъ боемъ* (русскимъ невыгодно было драться съ кочевниками въ полѣ, а за стѣнами они могли отбиться). Было расписано все, кому какую башню *вѣдать* или какія ворота; говорилось въ описи: «*у сына боярскаго и атамана (такого-то) подъ началомъ 180 человѣкъ. Пушка на башнѣ по длинѣ 9 четвертей, по выбрасываемому металлу* $2^1/_2$ *фунтовъ. При ней 10 пуль (небольшихъ ядеръ) желѣзныхъ,* $22^1/_2$ *фунта пороху пушечнаго, на затравку ручнаго полфунта. Пушкарь (такой-то); для поворота (пушки) два крестьянина пашенныхъ ; у боевыхъ оконъ 4 казака пѣшихъ*» и т. д.

Эти опасенія и приготовленія къ осадѣ въ такомъ большомъ городѣ показываютъ намъ, во-первыхъ, что въ Сибири еще мало было русскихъ людей, даже спустя 60 лѣтъ послѣ Ермака; во-вторыхъ, можно по описанію составить понятіе о тѣхъ хорошихъ *средствахъ*, которыя были тогда у русскихъ подъ руками. Почти въ каждомъ небольшомъ поселеніи была одна пушка, а то и больше: выгнать русскихъ людей изъ Сибири кочевникамъ было не подъ силу.

Казаки шли и сѣверомъ и югомъ; вездѣ ихъ можно было встрѣтить. Случалось такъ, что на сѣверѣ поставятъ острогъ или зимовье (ясачное) и ходятъ изъ него

за ясакомъ къ югу; южнѣе, другая казачья артель поставитъ свой острожекъ и идетъ собирать ясакъ на сѣверъ. Сборщики столкнутся, и выйдетъ ссора. Кончались эти ссоры обыкновенно тѣмъ, что выростетъ большой воеводскій городъ и прикажутъ служилымъ людямъ ходить за ясакомъ только изъ него, свозить ясакъ государевъ въ его амбары. Старательно собирались казаками дорогія шкурки сибирскихъ звѣрей: соболей, чернобурыхъ лисъ и песцовъ. Съ каждымъ годомъ увеличивались доходы казны. Такъ, въ 1586 году, съ остяковъ взятъ былъ двухгодичный ясакъ, всего по 14 соболей, а лѣтъ черезъ 30 сборъ сталъ получаться громадный: бывало такъ, что лыжи вмѣсто оленьей или выдровой шкуры подбивали соболями; на плечахъ простыхъ казаковъ надѣты были иной разъ собольи шубы. Въ 1640-мъ году доходу было больше 170 сороковъ соболей, а это выходитъ около семи тысячъ шкурокъ.

Укрѣпившись на Оби и ея притокахъ, казаки дошли, къ двадцатымъ годамъ семнадцатаго вѣка, до другой великой рѣки—Енисея и въ 1621-мъ году поставили Енисейскій острогъ. Онъ скоро развалился, потому что строили его не мастера; срублены были новыя стѣны и небольшая церковь. Въ нѣсколько лѣтъ городъ выросъ, и въ немъ стала скопляться государева казна, назначаемая въ отправку до Москвы. Изъ описанія города видно, что за тыномъ выстроены были, кромѣ казенныхъ, два хлѣбныхъ амбара, съѣзжая изба да таможенная. Въ Енисейскѣ бывалъ большой торгъ, на который съѣзжались окружные народцы и русскіе торговые люди—мѣнять разныя подѣлки на мѣха; потому кромѣ воеводскаго двора, былъ и гостиный. Въ тыну стояла и тюремная изба.

„Землицамъ“ все еще конца не видѣлось. Посланные ихъ отыскивать писали воеводѣ о своихъ походахъ: а воевода доносилъ въ Москву объ осмотрѣ такихъ-то мѣстъ, о сборѣ ясака съ такихъ-то людей и ждалъ указовъ. Народъ изъ Руси продолжалъ высылаться на обширныя сибирскія пустыни. Въ 1630-мъ году изъ-за Уральскихъ горъ отправлены были до Тобольска 500 мужиковъ и 150 бабъ съ дѣвками. Выселены были они изъ ближнихъ къ Сибири мѣстъ.

За Енисеемъ все сильно измѣнилось: стало больше лѣсовъ и болотъ; погода становилась все непостояннѣе и суровѣе; часто показывались горы (камень). Ясакъ приходилось брать съ тунгузовъ и *Братскихъ мужиковъ:* съ мѣстами мѣнялись и люди. Прошло съ основанія Енисейскаго острога еще лѣтъ десять... Доносили казаки, что найдена ими третья великая рѣка—Лена, и течетъ эта рѣка тоже на сѣверъ, какъ первыя двѣ рѣки (Обь и Енисей). Алексѣй Михайловичъ приказалъ поискать на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ. Кто хотѣлъ селиться, тѣмъ выдавали изъ казны денегъ на одну лошадь, безъ отдачи, а на другую лошадь вѣрили въ долгъ, на два года: изъ казны же давали пашеннымъ людямъ серпы, косы, сошники. На государя шла седьмая десятина. Дѣло воеводы было оповѣстить, сколько на какомъ мѣстѣ можно поселить людей. Кликали на рынкахъ кличъ и на другія рѣки, въ томъ числѣ на Илимъ. Рѣка эта пала въ верхнюю Тунгузку, что пала въ Енисей; отъ нея до Лены было вплоть. Кругомъ виднѣлись покрытые лѣсомъ хребты... Илимскимъ поселенцамъ были тоже льготы на цѣлыя пять лѣтъ, а послѣ этого государю шелъ пятый снопъ.

На самой Ленѣ русскіе нашли якутовъ. Прошелъ

между казаками слухъ о народѣ *Еко;* еще давно и казацкому головѣ Василью Мартынову удалось его объясачить. На Ленѣ добыли много соболей: въ 1630 году одинъ Васильевъ привезъ ихъ оттуда до двухъ тысячъ. У якутовъ сохранилось одно любопытное преданіе о томъ, какъ пришлые съ запада люди выстроили якутское зимовье. Оно говоритъ, что зашли разъ въ якутскую землю нѣсколько странниковъ, просили они у старшины (начальника рода) небольшого клочка земли. „Намъ, говорили пришельцы, надо немного, самую малость, вотъ сколько можно укрыть этою воловьею шкурой". Согласились якуты, позволили взять столько земли. Обычай былъ у нихъ давать клятву у стоящаго на корню дерева, —дали они и клятву, что впредь земля эта будетъ на вѣки вѣчные принадлежать пришельцамъ. Послѣдніе, какъ только получили согласіе, взяли воловью шкуру и разрѣзали всю на тонкіе ремни, а потомъ и охватили этими ремнями изрядный-таки участокъ. Стала эта земля Русская. Новые владѣльцы вкопали, гдѣ гранямъ надо быть, столбы и уплыли вверхъ по Ленѣ. Вѣтеръ дулъ имъ въ задъ и расправлялъ паруса. Не мало дивились якуты и хитрости чужихъ людей, и тѣмъ бѣлымъ пузырямъ, на которыхъ они плавали противъ воды. Немного спустя дикари увидали, что къ берегу пристали новыя лодки, а въ нихъ—новые люди. И много было этихъ людей—гораздо больше, чѣмъ въ первый разъ. Русскіе привезли съ собой на свою землю товарищей: были тутъ и крестьяне-хлѣбопашцы, и казаки. Позади лодокъ шли привязанные плоты, а на плотахъ чего только не было! Какъ есть, все обзаведенье: бревна для избъ, припасы, орудія разныя. Изъ привезеннаго лѣса казаки чуть не

въ одну ночь, все одно какъ въ сказкахъ дворцы ставятъ,—вывели стѣны. На дешево добытой землѣ появился острожекъ—крѣпость. Якутскій князь *Тоёмъ* велѣлъ своимъ людямъ пускать въ русскихъ стрѣлы; о порохѣ онъ, какъ дикарь, не имѣлъ понятія. Выстрѣлили въ якутовъ холостыми зарядами, но не испугались Якуты; за то какъ только первая пуля убила человѣка наповалъ, они отказались отъ своей воли и стали платить ясакъ.

Такая простота и довѣрчивость могутъ встрѣчаться только въ далекихъ, глухихъ мѣстахъ. Сначала хитрость казаковъ, о которой говоритъ преданіе, удивила якутовъ, а потомъ испугала. Мало ли что послѣ этого могутъ сдѣлать эти люди? То, чего мы хорошенько не знаемъ, насъ не рѣдко пугаетъ. Вздумали дикари обороняться и тутъ увидали свое безсиліе... Ни до продѣлки пришлыхъ хитрецовъ, ни до ихъ *огненнаго боя* они еще не имѣли средствъ додуматься: и то и другое ихъ застало неожиданно, врасплохъ, принудило покориться

Якутскъ былъ выстроенъ лѣтъ черезъ десять съ небольшимъ послѣ прихода на Лену. Мѣсто было ровное и песчаное; съ двухъ сторонъ виднѣлись невысокія горы; кое-гдѣ были разбросаны озера и темнѣли лѣса. Скоро городъ этотъ сталъ главнымъ мѣстомъ въ восточной, заенисейской Сибири. Изъ него, поднимаясь по рѣкамъ Алдану, Маѣ и Юдомѣ, казаки дошли къ 1640-му году до высокихъ горъ съ голыми вершинами и увидали передъ собой много воды, безъ конца много... Это было *Тунгузское* (Охотское) море; прозывалось оно такъ по народу, который около него жилъ, а у сибирскихъ племенъ извѣстно было подъ именемъ *Ламы* (что значило: вода).

Не часто, а приходилось до этого казакамъ плавать по морю, прилегающему къ сѣверной сторонѣ Сибири. Знакома была имъ Обская губа и та часть *соленой воды*, что около нея; въ другомъ концѣ, въ то время, какъ якутскіе казаки переходили черезъ горы и уперлись въ *Ламу*, немудрящія русскія суда плавали мимо Ленскаго устья.

Позже, какъ увидимъ, не мало довелось побѣдствовать казакамъ въ томъ морѣ, которое теперь они, собираясь итти назадъ, дойдя до восточнаго края Сибирской земли, окинули только глазами. Пройденная путина отъ Оби до Восточнаго моря мѣрялась не верстами, какъ у насъ, а *днищами*: много Сибирской земли было подъ нашимъ началомъ; къ концу царствованія Алексѣя Михайловича десятки мелкихъ племенъ подведены были подъ высокую руку Московскаго государя...

Не легко, а съ потомъ и кровью, заселялось обширное Сибирское царство: много терпѣли казаки еще при первомъ походѣ, съ Ермакомъ, много бѣдъ было еще впереди... Но не терпѣли ли и самые сибирскіе народцы? Какъ съ ними обращались казаки?—Старые грѣхи здѣсь скрывать не мѣсто: правдой и добротой русскимъ тогдашнимъ людямъ хвастаться было нельзя. Мы знаемъ, что за народъ были *казаки*. Въ родной сторонѣ отъ нихъ было жутко, да и имъ подчасъ тоже: казаки были все одно, что огонь, которымъ и обогрѣться можно и обжечься, кашу сварить и село спалить. Разойтись такой силѣ было просторно на сибирскихъ равнинахъ. Не задолго предъ этимъ мнѣ приходилось говорить о томъ, что *знали* русскіе люди или, скорѣе, что имѣли въ рукахъ: теперь время потолковать о томъ, чего они *не знали*, или если и знали, такъ мало. Про-

стые люди того времени были совсѣмъ темными людьми. Русская сторона была такая, что надо было работать, въ потѣ лица добывать хлѣбъ, а о другомъ до времени оставить и думы. Всякому приходилось помышлять объ одномъ—какъ бы сытымъ да теплымъ быть. И эти двѣ вещи не всегда давались. Давно крещенъ былъ русскій народъ, но далеко не всѣ понимали и держали въ сердцѣ великую христіанскую правду: „*люби ближняго своего, какъ самого себя*". Вначалѣ некому было простымъ языкомъ растолковать эту правду бывшимъ язычникамъ, а послѣ многое мѣшало понимать ее. Умѣть отличить доброе отъ худого, да удержаться отъ этого худого—это дѣло мудренѣе грамоты. Грамотѣ вонъ иной въ вѣкъ не выучится, или и знаетъ, да плохо; но вѣдь и то сказать, и грамотѣ у кого-нибудь тоже надо учиться. Добротѣ да правдѣ—все одно. И не грамотному человѣку можно быть правдивымъ: только для этого надо либо съ добрыми людьми пожить, либо самому ужъ такимъ родиться. Русскому простому человѣку трудно было въ то время научиться правдѣ. Я, помнится, говорилъ, что плохое было иной разъ житье на Руси, когда были междоусобья, когда приходили татары... Русскій народъ жилъ прежде постоянно въ страхѣ за свое добро, а потомъ въ неволѣ. Неволя всякому извѣстна: извѣстно и то, какъ съ невольниками обращаются. Отъ дурного, несправедливаго обращенія выходило много и дурныхъ, несправедливыхъ людей. Они и не знали, что худо, что добро. Добромъ считали только то, что имъ самимъ ладно, а до другихъ имъ дѣла не было. Иначе не могло и быть. Выходили подчасъ мало того что не правдивые, но и жестокіе люди. Русскій простой человѣкъ въ тѣ вре-

мена, о которыхъ мы говоримъ, не зналъ еще и азбуки, и ей ему не у кого было путемъ выучиться, да и времени досужаго не было. Всякій знаетъ, что совсѣмъ бѣдному человѣку нужна прежде всего не азбука, а хоть малыя средства къ жизни. Послѣ, когда будетъ время свободное, придетъ и грамота. Долго работалъ и трудился русскій народъ, пока не досталъ себѣ досуга. Можно ли, выходитъ, сильно обвинять темныхъ людей въ ихъ несправедливостяхъ? Они часто жестоко обращались съ иновѣрцами и со своими земляками. Ясакъ уплачивался связками соболей въ 40 штукъ; казаки приходили за ними и требовали нерѣдко больше, чѣмъ слѣдовало, брали силой, дрались. Не было мѣховъ налицо,—назначали срокъ. Мѣха и такъ шли почти задаромъ, промѣнивались на какой-нибудь ножъ или топоръ. Случалось, что ясачные люди за получку мѣднаго котла накладывали его до верху соболями, но казакамъ и этого было мало. Между сборщиками и инородцами часто бывали большія драки; съ опаской ходили казаки въ иныя мѣста, боясь отместки. Зашли они въ глубь Сибирской земли, далеко отъ царскаго страха, и смотрѣли на покоренныхъ людей какъ на подневольныхъ.

Изъ Москвы наказывалось между тѣмъ не чинить обиды ясачнымъ людямъ; но до царя было не близко. Въ 1617 году открылись въ Сибири кружечные дворы, завелось пьянство: въ 1622 г. патріархъ Филаретъ писалъ къ тобольскому архіепископу Кипріану и указывалъ на то, что въ Сибири казаки крестовъ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, живутъ съ некрещеными женами, при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ, а если нечѣмъ выкупить, такъ на другихъ женятся...

IV.

Сибирская нужа.—Өедька Недострѣлъ.—Громленья.

Путина, по которой мы шли за казаками вдоль Сибири до нынѣшняго Охотскаго моря, была главною путиной. На ней построены были всѣ три большіе сибирскіе города того времени: Тобольскъ, Енисейскъ и Якутскъ (Иркутскъ основанъ гораздо позже). Изъ Енисейска разсылались люди на югъ, къ Байкалькому озеру, къ *Брацкимъ людямъ;* изъ Якутска шли на сѣверовостокъ и тоже на югъ, пришли, какъ увидимъ, на Амуръ-рѣку и добрались до береговъ Восточнаго моря.

Помянутые города были серединными мѣстами: къ нимъ тянули зимовья и острожки; къ нимъ сходилось и народу больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Лена съ своими притоками была самою бойкой, большою дорогой всюду. По ней, ближе къ верховьямъ, и населеніе было гуще; земли распахивалось довольно много. Густоту населенія не надо мѣрять на теперешній аршинъ сибирскій поселокъ отъ другого поселка лежалъ иной разъ па сотню и больше верстъ, и то ладно. Людское жилье было разбросано тогда кое-гдѣ, по лѣсамъ и берегамъ рѣкъ, поближе къ кормежкѣ, промыслу. Къ сѣверу оно встрѣчалось рѣже, къ югу же—чаще. Жизнь ютилась на холодной сибирской тундрѣ, по нуждѣ: въ раскиданныхъ по равнинѣ зимовыхъ избахъ перебивались больше промышленники. Надо было пройти чуть не тысячу верстъ, чтобы напасть на острогъ.

Людей было мало, все одно что капля воды на цѣлое море; кругомъ вездѣ—болотистыя пустыни, лѣса на сотни верстъ, степи. Хозяевами этихъ лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и степей считались разные сибирскіе народцы,

издавна ловившіе на этихъ мѣстахъ рыбу, звѣрей, пасшіе своихъ оленей; надо было ладить съ ними, сталкиваться изъ-за земли. Много было работы служилымъ людямъ. Отъ Москвы до Строгановскихъ имѣній на Камѣ, какъ извѣстно, шло извѣстіе цѣлый мѣсяцъ,—сколько же времени должно оно было итти отъ Москвы до Якутска? По дорогѣ было много задержекъ и остановокъ; ѣхали цѣлый годъ. Долго шли приказы Московскаго царя и еще дольше шли въ Москву сибирскія вѣсти; случалось такъ, что и вовсе до царя не доходили.

Получать московскій указъ въ воеводскомъ городѣ, прочитаютъ и затѣмъ посылаютъ сбирать ясакъ съ такихъ-то людей, наказываютъ пріискивать такія-то земли. Ведетъ казаковъ въ дальній путь какой-нибудь десятникъ, или пятидесятникъ, а то и сотникъ *). Такъ справлялась служилыми людьми государева служба по всей Сибири. Для образчика я приведу одинъ изъ воеводскихъ наказовъ въ короткихъ словахъ. Въ немъ говорится, что „по указу царя Михаила Θеодоровича велѣно десятнику Осипку Боярщинѣ и цѣловальнику **) Демкѣ, пройдя на Купу и на Куту и на великую рѣку Лену и по тѣмъ рѣкамъ сыскивая, съ тунгузовъ съ разныхъ родовъ сбирать на государя ясакъ и поминки, соболи и лисицы, и шубы и ожерелья и *пластины* ***) собольи и шубы горностальи, и бобры и выдры на нынѣшній (такой-то) годъ и недоборный ясакъ за прошлые годы, съ великимъ радѣньемъ, лаской, а не жесточью...

*) Начальникъ сотни служилыхъ людей. Полусотнями распоряжались пятидесятники и т. д.

**) Цѣловальникомъ въ старину назывался сборщикъ пошлинъ, идущихъ въ казну.

***) Хребтовыя части.

Подростковъ, ихъ дѣтей, и братью и племянниковъ и захребетниковъ *) провѣдывать и сыскивать накрѣпко и сыскавъ ясакъ и мать потомужъ (столько же), какъ и съ ихъ братьи, лаской, а не жесточью, смотря по ихъ мочи, и учинить бы во всемъ государю передъ прошлыми годами въ нынѣшнемъ году въ томъ государевомъ ясачномъ сборѣ прибыль, которая бы прибыль была прочна и стоятелна. А собирать ему, Осипку, съ тунгузовъ соболи добрые и не драные и не *плылые* **), съ пупки и съ хвосты, черныхъ лисъ—съ лапы и съ хвосты... А самому ему и служилымъ людямъ тѣми соболями и мягкою рухлядью не корыстоваться".

Тѣхъ звѣрей, которыхъ казаки поймаютъ въ лѣсу сами, осматривалъ въ таможенной избѣ ***) цѣновщикъ, и въ казну шла десятая часть съ рухляди, добытой на *свой запасишко.*

Телѣжные и санные пути были въ Сибири плохи; это видно изъ того, что находили болѣе удобнымъ двигаться по рѣкамъ. Мѣста пустого такъ было много, что какой-нибудь кучкѣ казаковъ не мудрено было совсѣмъ затеряться, пока не выведетъ изъ бѣды случай. И теперь бываетъ иногда въ той Руси, которую зовутъ Великою Русью, что не успѣваютъ во-время подвезти хлѣбъ въ неурожайныя мѣста,—сдѣлать такъ, чтобы тамошній народъ миновала бѣда, не посѣтилъ голодный годъ. Хорошіе пути для подвоза, особливо желѣзные,—здѣсь теперь дѣло первой важности. Что при бездорожьи идетъ какой-нибудь мѣсяцъ, здѣсь идетъ

*) Тутъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ бѣднаго, пришлаго батрака —бобыля.

**) Т. е. гнилые.

*** Гдѣ сидѣлъ сборщикъ государевыхъ пошлинъ, цѣловальникъ и оцѣнщикъ.

день,—разница. Въ Сибири тогда, вездѣ, какъ только ступилъ на берегъ, такъ и бездорожица. По узкимъ коннымъ тропамъ грузъ тоже не скоро довезешь.

Ужъ было говорено, что на Руси Московской бывали плохіе порядки: царю нельзя было за всѣмъ усмотрѣть; одни распоряженія не исполнялись, другія трудно было исполнять. Про Сибирь, выходитъ, и говорить нечего. За Каменнымъ Поясомъ вся власть была въ рукахъ воеводъ. Припасы шли съ Руси и часто не доходили до того мѣста, куда слѣдовало, потому что разбирались въ подорожныхъ городкахъ. Посланъ, къ примѣру, хлѣбъ енисейскимъ людямъ и съ нимъ—жалованье; но мало ли поселеній до Енисейска? Въ хлѣбѣ оказывается нужда и въ Тобольскѣ, и въ Тарѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Изъ московской посылки забирается въ счетъ то, другое, а тамъ послѣ енисейскіе сносись объ ней, своди свои счеты. И путаница выходила, да и хлѣбъ-то не получался кѣмъ слѣдовало. Не далеко, пожалуй, время, когда и кору придется глодать или съ мукой ее мѣшать. Надо посылать за запасами туда, гдѣ они еще водятся, а такія мѣста опять далеко. Разосланнымъ въ разные концы для сбора ясака служилымъ людямъ приходилось очень плохо: изъ города выслать имъ было иной разъ нечего. Нужда заставляла или сидѣть безъ всего, или тратить жалованныя деньги, покупать дорогою цѣной то, что при другихъ обстоятельствахъ можно бы было получить изъ казны.

До Москвы доходили челобитныя служилыхъ людей, гдѣ описывались *казацкое горе и нужа*. Вотъ одна изъ нихъ, писанная въ 1640-мъ году служилыми людьми Енисейскаго острога, посланными на Лену. Обо всемъ пишутъ казаки царю подробно, простымъ, не

хитростнымъ языкомъ и разсказываютъ о своей нуждѣ такъ:

„Посланы мы были, холопи твои, на государеву службу, на Лену рѣку съ атаманомъ съ Осипомъ Алексѣевымъ Галкинымъ и въ нынѣшнемъ году, сентября въ 6-й день, пришли мы, холопи твои, подъ Ленскій волокъ и съ судовъ твою государеву казну выносили и свои запасенка выносили-жъ, и по твоему государеву указу тотъ атаманъ Осипъ Галкинъ насъ, холопей твоихъ, изъ-подъ Ленскаго волока на твои государевы дальнія службы разослалъ тотчасъ, не мѣшкая, для твоего государева ясачнаго сбора, и мы, холопи твои, государь, подымаючись на твою государеву дальнюю службу и своихъ запасенковъ продавали дешевою цѣной, пудовъ по десяти и больше, а за волокъ наймовали подъ свои запасенка дорогою цѣною, съ пуда по полтинѣ и 20 алтынъ, а лыжи, государь, покупали рубля по три и больше, а топоры, государь, покупали по рублю и полутора, а сукна покупали съ собою для всякой своей нужи: бѣлаго аршинъ — съ гривной по 20 алтынъ и по 15 алтынъ и котлы — фунтъ съ гривной по десяти... А будучи на твоей государевой службѣ недѣль по тридцати и больше, ободралися, государь, мы, холопи твои, на тѣхъ твоихъ государевыхъ дальнихъ службахъ, наги и босы. И будучи, государь, на твоей государевой службѣ, тѣ топоренка приломали, а новыхъ намъ, государь, холопямъ твоимъ, купить нечѣмъ... А прежь сего посыланы были мы, холопи твои, на твою государеву службу, въ Брацкую землю, рядомъ года по два и по три“ и т. д.

Дальше говорилось, что такимъ-то вотъ служилымъ людямъ было дозволено торговать послѣ ясачнаго сбора,

а имъ нѣтъ. На иновѣрцевъ жаловались, что тѣ пограбили у нихъ *топоренка* и ножи, шубы, и котлы, и зипуны. „*Мы, холопи твои, нужны и бѣдны*“.

„Дано было, говорилось въ челобитной, намъ хлѣбное и денежное жалованье на два года, а соляное не дано; отпущенныхъ на всякій дощаникъ ста двадцати аршинъ холста не хватило; довелось прикупать его—на каждаго человѣка аршинъ по тринадцати и больше. Покупали холстъ на государево жалованье; холсты подрались и погнили. „Будучи посыланы за государевы недруги, измолоть жалованный хлѣбъ (рожь и овесъ) не изоспѣли; запасенка, идучи по *шиверамъ* *) и по порогамъ, подмочили и тотъ нашъ запасенко у насъ, холопей твоихъ, погнилъ. Пороху и свинцу тоже не было давно и порохъ со свинцомъ покупали подъ волокомъ дорогою цѣною: фунтъ - по полтинѣ и по двадцать алтынъ, а свинцу фунтъ—по полуполтинѣ и по 10 алтынъ“.

„Пришелъ твой указъ, — писали служилые люди, — и въ твоемъ государевомъ указѣ писано, что велѣно ему, атаману, отдать изъ своего войска, изъ служилыхъ людей, изъ тридцати и изъ дву человѣкъ шестнадцать человѣкъ, и онъ отдалъ насъ, холопей твоихъ, нужныхъ и бѣдныхъ и не заводныхъ и *топоромъ неумѣющихъ*; а мы, холопи твои, въ конецъ разорены и пограблены; намъ, холопямъ твоимъ, государь, будучи у твоей государевой работы у судовъ, свои достальные запасенка придержать и достальные лапотьишка придрать и впредь твоей государевой службы служить не зачѣмъ (т.-е. не съ чѣмъ). Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“

*) *Шиверы*—камни, торчащіе изъ рѣки, перекатъ.

Этими словами заканчивалась челобитная. Ждать по ней распоряженія изъ Москвы надо было года два, а часто и больше этого. Если у посланныхъ объясачивать хватало запасовъ, такъ остановка бывала за дорогами. Тогда отписывали казаки воеводамъ о трудностяхъ своего пути: говорили, почему замѣшкались въ такомъ-то мѣстѣ.

Такъ отъ того же (1640-го) года дошло извѣстіе, что въ походѣ на Лену (въ верхнія ея части) припасы и пушки обносили на себѣ (на порогѣ Илимскомъ и другихъ); старымъ судамъ были подѣлки, шли долго. „На тунгузскихъ порогахъ многая была мѣшкота и простой; взводили суда по канатамъ, человѣкъ по семидесяти и осьмидесяти одно судно, за волокъ. На Лену итти было не можно: грязи большія, рѣчка каменистая, мелкая: на плотахъ—надо, и то въ омутахъ тонутъ“.

Часто хлѣбные запасы и свои оклады волочили служилые люди за волокъ *великою нужей*, на себѣ, партами, по четыре пуда на партѣ и меньше. Пушки, церковное строенье, *вино горячее*, пушечные запасы и всякіе государевы запасы возили на лошадяхъ торговыхъ и промышленныхъ людей.

По мелкимъ рѣчкамъ случалось итти, какъ въ былое время шелъ Ермакъ. Казаки жаловались тогда, что „за сухменнымъ лѣтомъ вода выпала вся, а плотишки промышленные люди дѣлаютъ малы, только подымаютъ пудовъ по двадцати, и вездѣ бродя съ камени тѣ плотишки сымаютъ *стегами* *), а рѣчки, идучи, передъ собой прудятъ парусами, и какъ запрудятъ и воды накопятъ, на той запрудной водѣ до иного паруснаго запора и сойдутъ“.

*) Т.-е. шестами.

Извѣстно, что такъ не доѣдешь скоро.

Не одни служилые люди терпѣли; промышленные люди, за которыми они подвигались, терпѣли не меньше ихъ. Крестьяне жаловались тоже на то, что хлѣбъ иной годъ весь льдомъ выпрало, вымывало полою водой.

Жить въ ясачныхъ и промысловыхъ зимовьяхъ, въ одинокихъ избахъ было не безопасно: кругомъ чужіе бродячіе люди да пустыня.

Разъ плыли съ Чечюйскаго волока на соболиный промыселъ, по Ленѣ, Ѳедька Недострѣлъ съ промышленнымъ человѣкомъ Ваською Каретинымъ. Была осень. Плыли они самъ-другъ, на небольшомъ плотѣ. Доплывъ до стараго, заброшеннаго зимовья, они остановились около него, вынесли всѣ припасы на берегъ и порѣшили провести здѣсь холодную сибирскую зиму. Два дня никого не было видно кругомъ; на третій, поутру, подъѣхали къ зимовью якуты (шесть человѣкъ), привязали своихъ лошадей, а одного послали къ избѣ высмотрѣть. Посланный скоро вернулся къ товарищамъ, и тѣ съ *палмами* *) вошли въ зимовье и расѣлись по лавкамъ. Думая чѣмъ-нибудь отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей, Ѳедька далъ имъ двѣ ковриги печенаго хлѣба да вареной рыбы. Якуты разломили хлѣбъ, поѣли малость, а потомъ стали на него плевать и говорить, что хлѣбъ нехорошъ. Догадался Ѳедька, что якуты не за добрымъ дѣломъ пріѣхали и вышелъ изъ избы въ сѣни—хоронить отъ воровъ якутовъ свой *борошенъ* (припасъ).

Какъ только Ѳедька вышелъ, товарища его якуты

---

*) *Палма* или пальма—ножъ на древкѣ, рогатина.

связали; послѣ пошли искать самого Ѳедьку, втащили его изъ сѣней въ избу и привязали къ печкѣ, къ столбу. Тутъ начался грабежъ: воры обшарили вездѣ, даже подняли въ избѣ половицы; потомъ вынесли награбленное на дворъ. На Ѳедькѣ надѣтъ былъ шелковый поясъ, а на поясѣ висѣлъ ножъ. Одинъ якутъ взялъ его и ранилъ Ѳедьку въ плечо, а послѣ ударилъ въ грудь и прорѣзалъ зипунъ. Около зимовья начался у якутовъ шумъ да крикъ: разсуждали видно о томъ, что не надо Русскихъ въ живыхъ оставлять. Съ надворья одинъ изъ воровъ выстрѣлилъ изъ лука по связанному Васькѣ, черезъ окончину, и поранилъ его въ спину.

Поговоривъ между собой, якуты опять вошли въ избу, съ палмами, и стали русскихъ всячески мучать и наругаться надъ ними. Ваську схватили за волосы, и одинъ якутъ занесъ уже топоръ—отрубить Васькѣ голову.

Зло взяло Ѳедьку: развязалъ онъ себѣ зубами руки, схватилъ съ шестка ножъ *кленикъ* *), которымъ прежде того квашни оскребывалъ, и, *боясь смерти, учалъ тѣмъ ножомъ тѣхъ якутовъ рѣзать.* Воры бросились изъ избы вонъ, онъ за ними: глядь—зимовье горитъ. Сталъ Ѳедька тушить пожаръ. Якуты, пока онъ въ избѣ связанный былъ, взяли кругомъ зимовья наклали дровъ да и зажгли. Ваську Ѳедька развязалъ и стащилъ на нагородку избы огонь гасить, но въ голову и безъ того слабаго отъ раны Васьки угодила якутская стрѣла, и онъ отъ этой новой раны упалъ въ зимовье. Полымя стало выбивать изъ оконъ; потолокъ провалился. Ѳедька, боясь горячей смерти, выбѣжалъ изъ зимовья въ одной рубахѣ и побѣжалъ подъ гору, къ плоту.

*) Такъ называется чеботарный ножъ и ножъ, которымъ рыбу чистятъ.

За нимъ въ погоню пустились трое якутовъ съ луками, и когда Өедька отпихивался отъ берега, ранили его подъ лѣвую пазуху желѣзницей. Отъ раны той онъ упалъ, и плотъ понесло теченьемъ. Якуты съ берега продолжали стрѣлять, и еще три раза ранили Өедьку въ ногу, отъ чего тотъ обмеръ и не помнитъ ужъ, что съ нимъ было.

Плотъ несло внизъ по рѣкѣ съ израненнымъ Өедькой до другого зимовья. Восемь человѣкъ, которые жили въ немъ, рѣшили взять земляка и внести въ избу. Только на другой день пришло извѣстіе, что якуты одно зимовье ограбили, на другомъ людей перебили. Испугались, должно-быть, промышленные люди, бросили въ зимовьѣ Өедьку замертво, одного, а сами ударились бѣжать вверхъ по Ленѣ.

Вылежалъ Өедька у того зимовья, въ лѣсу, цѣлую недѣлю, а очнувшись, пошелъ вверхъ къ другимъ промышленнымъ людямъ, и тѣ люди спровадили его въ лодкѣ къ пашенному мужику Сергунькѣ, и лежалъ онъ у этого Сергуньки всю зиму. Такіе случаи, какъ разсказанный, были не рѣдкость.

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало населеніе Сибири труднымъ подвигомъ, а путь Сибирью —*нужнымъ*, труднымъ путемъ.

Я уже говорилъ, что русскіе шли на югъ тоже по рѣкамъ, противъ воды. О немъ доходили слухи отъ инородцевъ къ казакамъ, а отъ казаковъ—къ городскимъ воеводамъ. Сибирскіе воеводы извѣщали Москву, посылали на него служилыхъ людей, давали имъ наказныя записи. Такъ, служилымъ людямъ—Максиму Телицину *съ товарищи* дана была якутскими воеводами запись, въ которой велѣно было „смотрѣть на-крѣпко,

которыя рѣки впали устьемъ въ море и сколько отъ которой рѣки, отъ устья до устья, ходу—парусомъ или греблей, и распрашивать про тѣ рѣки подлинно, какъ тѣ рѣки словуть (т.-е. называются) и откелева вершинами выпали, и какіе люди по тѣмъ рѣкамъ и по вершинамъ живуть и чѣмъ кормятся, и скотные ли люди и пашня у нихъ есть ли, и какой хлѣбъ родится, и звѣрь у нихъ соболи есть ли и ясакъ съ себя гдѣ платять, и въ которое государство и какимъ звѣремъ: соболыми, или бобрами, или лисицами,—и въ томъ государствѣ какой бой: лучной или огненный, и товары къ нимъ какіе приходять, и на какіе товары съ ними иноземцы торгуютъ...“

Придя въ землю, наказывалось говорить, что царь прислалъ на рѣку Лену стольниковъ *) и воеводъ. Если не будутъ слушаться, то велѣно пугать неясачныхъ людей присылкой большой рати и пушекъ.

Верховья Енисея и Лены съ ихъ притоками заводили русскихъ людей въ новыя мѣста. Около нихъ встрѣчали они и знакомыхъ уже тунгузовъ, и незнакомыхъ *Брацкихъ людей* (теперешнихъ бурятъ). Доводилось итти мимо высокихъ каменныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, и переправляться черезъ каменистыя рѣки. Вода въ ихъ берегахъ шла не такъ покойно, какъ на сѣверѣ, гдѣ однѣ равнины. Дорогу водѣ перебивали перекаты; въ иномъ мѣстѣ были большіе *падуны*, т.-е. вода падала съ какихъ-нибудь большихъ камней, ставшихъ поперекъ рѣки. Около такихъ падуновъ былъ сильный шумъ, вода высоко плескалась, ломала о камни казацкія суда, топила людей, подмачивала припасы.

*) Такъ назывались чиновные люди, которые прежде должны были прислуживать царю за столомъ.

Казацкому сотнику, Бекетову, съ трудомъ удалось объѣхать одинъ такой падунъ на Ангарѣ и обложить ясакомъ брацкихъ людей. Падунъ былъ большой—съ версту длины. Брацкіе люди не легко покорялись. Земля у нихъ была плодородная; на хорошихъ лугахъ можно было скотъ заводить. Кромѣ рыбы, которая шла въ кормъ сѣвернымъ сибирскимъ народцамъ, здѣсь были разные сорта хлѣба и мясо.

Стоя за свою волю, тунгузы и брацкіе люди нерѣдко отказывались платить ясакъ — подпимались. Въ нихъ земляхъ еще задолго до основанія Якутска поставлены были остроги: Илимскій и Брацкій. Въ случаѣ сильнаго непослушанія, служилыхъ людей посылали на инородцевъ *громить ихъ немалымъ разореньемъ*.

Въ 1641 году посланъ былъ служилый человѣкъ Василій Власьевъ на Брацкую землю, чтобы тунгузовъ и брацкихъ людей привести подъ государеву руку. Люди эти не давали ясака. Не зная, какъ пройти, Власьевъ ловилъ тунгузовъ въ вожи; поймалъ какого-то шамана и повелъ съ собой. Брацкіе люди, видя бѣду, рѣшили драться, сколько силъ хватитъ. Съ ними заодно были и тунгузы. Много было *куячныхъ* *) и конныхъ людей. Долго дрались брацкіе люди съ русскими; въ лѣсу они упорно отстрѣливались изъ-за деревьевъ. Сѣли отъ нихъ русскіе въ засѣку, и насилу отбились.

Послѣ Власьевъ доносилъ, что онъ ходилъ на брацкихъ *мужиковъ* и что Чепчугуевъ улусъ *погромили*, убили человѣкъ съ тридцать, а живкомъ взять ни одного не удалось, потому что тунгузы сѣли въ юрты, въ осаду. Уговаривали русскіе Чепчугуя, чтобы сдался, а

*) Куяки—все одно, что латы. Они были или чешуйчатые, или наборные изъ кованыхъ пластинокъ по сукну.

онъ кричалъ имъ въ отвѣтъ: „Живъ вамъ, казаки, въ руки не дамся!“ Силенъ былъ и ловокъ Чепчугуй: на комъ были куяки, онъ и куяки пробивалъ. Какъ ни стрѣляли русскіе, сколько пороху ни тратили, но сдѣлать съ нимъ ничего не могли. Взяли казаки да и зажгли Чепчугуеву юрту. Сплачь Чепчугуй сгорѣлъ въ ней съ своимъ сыномъ, а жену съ другими дѣтьми верхомъ выкинулъ. Писалось потомъ, сколько чего взято, что досталось.

Въ донесеніи Василія Власьева попадаются подробности о самомъ дѣлѣ: „*трехъ человѣкъ*, доносилъ казакъ, *схватали, и коня подъ мужикомъ схватали, и куякъ съ мужика сняли*“.

Посыланъ былъ еще на государевыхъ измѣнниковъ и непослушниковъ брацкихъ мужиковъ (т.-е. людей) казачій десятникъ Василій Бугоръ со 130-ю человѣками. Доносилось послѣ, что „*Божіею милостью и государевымъ счастьемъ отъ тѣхъ большихъ брацкихъ мужиковъ* (ихъ было больше 500) *государевы служилые люди устояли и государю служили и билися съ тѣми брацкими людьми, на томъ бою не щадя головъ своихъ*. Въ концѣ донесенія прилагался послужной списокъ тѣхъ казаковъ, которые бились *явственно*. Василій Бугоръ сѣлъ съ 80-ю человѣками въ обозѣ и бился оттуда; затѣмъ перечисляется по именамъ, кто и какъ бился: „*Посѣлко Осиповъ бился и мужика убилъ... Якушка Кудринъ бился и мужика ранилъ, а у него въ то время коня ранили... Гришка Ивановъ Тапуринъ бился, мужика убилъ, а его, Гришку, на томъ бою другой брацкій мужикъ изъ лука ранилъ въ рожу, пониже лѣваго глаза*“. Про другого писалось, что тотъ „*на темной дракѣ мужика срубилъ*“ и пр.

Отъ брацкихъ людей было на казаковъ три *напуска*.

Высчитывалось по порядку, кто въ какомъ напускѣ билея и что сдѣлалъ. Люди, какъ видно, дрались, разбирая съ кѣмъ, и больше всего въ рукопашную, „схватившись за руки“, какъ во времена Ермака. У брацкихъ людей бой былъ лучной, копейный и сабельный. Порохъ казакамъ былъ дорогъ и тратился въ крайности. Случалось, что брацкіе люди приходили подъ острогъ *всей землицей*, на коняхъ, *збруйны*, въ куякахъ и шишакахъ *).

Выводило изъ терпѣнья брацкихъ людей то, что казаки любили очень корыстоваться ихъ добромъ, брали вдвое и втрое противъ положеннаго. Такъ атаманъ Колесниковъ разъ самовольно разгромилъ ихъ, и они, не зная у кого найти на него расправу, взялись за свои стрѣлы и копья. Передъ этимъ только что былъ взятъ съ нихъ ясакъ, а тутъ вдругъ еще Колесниковъ пришелъ и требуетъ. Понятно, брацкимъ людямъ это не могло понравиться: „что жъ это, —говорили они,—отъ одного господина приходятъ къ намъ двойные люди?“

Не разъ придется намъ припоминать сказанное прежде о *темныхъ* людяхъ. Тамъ, гдѣ они считали себя господами, сильными, бывали примѣры жестокаго обращенія, звѣрской грубости. И теперь русскій народъ гдѣнибудь въ глуши свободно дерется на кулачки, находя въ этомъ удовольствіе; въ городахъ и селахъ часто можно видѣть также, какъ онъ бьетъ попавшагося вора—не на животъ, а на смерть, колотитъ свою жену, безъ пощады стегаетъ лошадь... Все это еще слѣды стараго темнаго времени и незнанія. Грубость, которую вскормило долгое невѣжество и за которую сильно ви-

*) Желѣзные наголовники, шлемы.

нить русскаго простого человѣка трудно, заставляла его иной разъ равнодушно смотрѣть даже на смерть своего ближняго, какъ на смерть какого-нибудь комара.

Въ одномъ донесеніи вотъ какъ описываются послѣднія минуты одного молодого князька изъ тунгузовъ, Айги: „И того Айгу настигъ казакъ Ивашко Матвѣевъ, и онъ Айга на него Ивашку изъ лука двою (два раза) стрѣлялъ, а Ивашко коня подъ нимъ подстрѣлилъ, онъ Айга и съ коня слѣзъ и стоитъ у дерева, а якутъ шаманъ на него Айгу вскричалъ: „сдайся великому государю и вину свою принеси!“ И онъ Айга не сдался, и казакъ Өедотко Калмакъ *пріѣхалъ со стороны изъ иной дороги* и того Айгу изъ лука стрѣлой стрѣлялъ же и ранилъ противъ сердца, и послѣ того онъ Айга лукъ и стрѣлы покинулъ и его Айгу поймали и посадили его Айгу на лошадь, и руки и ноги связали чуть жива. И *наѣхалъ* на него казакъ Степанъ Лаврентьевъ, пальмою утычь бросилъ и ранилъ его пальмою Айгу связана, на конѣ, чуть жива, и ножомъ его кололъ въ ногу, и тотъ Айга умеръ“.

V.

Слухи объ Амурѣ.—Василій Поярковъ.

Прежде чѣмъ подвигаться за казаками на югъ или сѣверо-востокъ Сибири и отмѣчать время, когда открыта такая-то земля и объясаченъ такой-то народъ, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что руководило казаковъ въ такихъ трудныхъ и дальнихъ походахъ, которые по всей правдѣ можно назвать подвигами.

Что ихъ завело въ Сибирь—мы знаемъ, а что вело по ней—можно догадаться.

Простому русскому человѣку часто приходится на своемъ вѣку быть въ дорогѣ. Идетъ онъ, хоть къ примѣру, въ Кіевъ, на богомолье, и идетъ въ первой. Родился и полвѣка прожилъ въ Вятской губерніи; итти довелось къ хохламъ, въ Кіевскую. Не даромъ вотъ сколько уже лѣтъ говорилось и говорится у насъ, что *языкъ до Кіева доведетъ*,—и идетъ странникъ да спрашиваетъ, какъ ему на такой-то городъ пройти. Отошелъ отъ роднаго мѣста съ сотню верстъ, глядь—и все кругомъ незнакомое, да и земля-то словно не та: вонъ вправо село какое-то, возлѣ села зеленѣетъ боръ; къ самому проселку подошла рѣчка, а влѣво, на горкѣ, виднѣются еще два села съ бѣлыми церквами,—отъ роду въ этихъ мѣстахъ не доводилось быть. „Гдѣ мнѣ, родимый, на столбовую выйти?“ спрашиваетъ странникъ какого-нибудь прохожаго.

„А вотъ этою самою дорогой ступай, никуда съ нея не сворачивай до третьяго перекрестка; а тамъ возьми влѣво. Сосновые выселки будутъ; отъ нихъ большая дорога вплоть: всякій укажетъ“, толкуетъ прохожій.

Выслушаетъ странный человѣкъ и побредетъ по указанному пути, съ котомкой за плечами. Отъ одного города доберется онъ до другого; много увидитъ новыхъ лицъ, новыхъ мѣстъ, новыхъ разговоровъ. Пристанетъ къ другимъ пѣшеходамъ-попутчикамъ и идетъ съ ними, а въ концѣ концовъ добредетъ до Кіева.

Незнающему и небывалому человѣку иначе и итти нельзя. Приходилось такъ подвигаться и сибирскимъ казакамъ. Грамотный, въ наше время, могъ бы еще пожалуй на картѣ посмотрѣть ту дорогу, по которой

ѣхать или итти приходится, а бывалый человѣкъ по памяти бы что ли сталъ соображать-припоминать видѣнныя мѣста. Въ тѣ времена, когда шли Сибирскою землей служилые темные люди, въ этомъ случаѣ и грамота была бы не въ прокъ. Карты снимаютъ со знаемыхъ, видѣнныхъ мѣстъ, а не бывавши въ землѣ, какую же карту можно написать? Много десятковъ лѣтъ прошло, какъ собрали всѣ сибирскіе чертежи, да ученые люди нанесли Сибирскія горы и рѣки на бумагу.

Памятовать можно только опять-таки о томъ, что пройдено и видѣно: и память въ новыхъ мѣстахъ была, значитъ, ни при чемъ. Приходилось разспрашивать и *сыскивать новыя землицы* не по своей, а по чужой памяти, по слухамъ и росказнямъ.

Шли казаки отъ одного привала до другого, отъ одного волока до слѣдующаго, лѣсомъ и чистымъ мѣстомъ, сухимъ путемъ и мокрымъ. Ставили они по дорогѣ жилыя мѣста, чтобы примѣтнѣе было, отъ котораго мѣста дальше пробираться и было куда собранное сносить.

Такъ намѣчались во всѣхъ концахъ сибирскіе пути. Когда случай заводилъ казаковъ не туда, куда слѣдуетъ, когда боялись долго проплутать, тогда ловили въ *вожи* какого-нибудь иновѣрца и разспрашивали, о чемъ надо. Заслышатъ о хорошихъ мѣстахъ, гдѣ прибыльно людей объясачить, и ищутъ ихъ, сядутъ въ лодки, поднимаются вверхъ по рѣкамъ. Днемъ идутъ по солнцу, примѣчаютъ, гдѣ полуденная, гдѣ полунощная сторона; ночью идутъ по яркимъ звѣздамъ. У знающихъ людей, для того чтобы въ лѣсу либо въ другомъ мѣстѣ не заблудиться, когда день пасмурный, моремъ ли, степью ли ѣдешь,—компасная стрѣлка есть. Куда

ни поставь ящичекъ съ этою стрѣлкой, вездѣ она однимъ концомъ укажетъ на сѣверъ, а другимъ на югъ. У русскихъ людей ничего тогда такого не было. Для памяти приходилось деревья тесать, когда лѣсомъ путь лежалъ, да по другимъ замѣткамъ итти.

Сухимъ путемъ такъ пробираться — еще туда сюда, а по морю—вовсе плохо: русскіе люди на немъ терялись.

Поднимались, говорю я, они по рѣкамъ, по Ленскимъ и Енисейскимъ притокамъ. Тянула ихъ близость болѣе теплыхъ мѣстъ, о которыхъ доходили до нихъ темные слухи. Въ теплыя мѣста тянетъ всякаго человѣка, особливо если онъ успѣлъ нахолодаться да наголодаться. На югѣ привольнѣе жить. Возьмемъ дерево: и то къ теплу, къ солнцу изъ холоднаго мѣста сучьями тянется; птица отъ стужи къ теплому югу летитъ. Не по одному тому гуще селились русскіе по южному краю Сибири, что югъ былъ непокойнѣе сѣвера, а и потому еще, что земля на немъ была получше, мѣста были хлѣброднѣе и больше укрыты отъ вьюгъ и вѣтровъ, которымъ было гдѣ разгуляться на тундрѣ. На сѣверѣ остановило казаковъ море,—итти было некуда; на югъ же они пробирались по рѣкамъ все дальше и дальше, безостановочно. Нѣтъ нужды, что приходилось итти на этотъ югъ бечевой, съ трудомъ, часто биться съ людьми, въ то время какъ на сѣверъ сама рѣка несла казаковъ,—хоть вовсе не работой въ веслахъ. Впереди сулила теплая сторона—много...

Дошли русскіе люди до Брацкой земли и до Восточнаго моря; еще чаще доходить стали слухи о богатомъ краѣ, что лежитъ по сосѣдству съ царствомъ Китай-

скимъ. Разсказывали, что, поднявшись по такой-то рѣкѣ, да переваливъ чрезъ высокія горы, можно было найти людей, которые укажутъ, гдѣ лежитъ благодатная сторона.

Горы, которыхъ на югѣ Сибири было много, наводили пришлыхъ казаковъ на мысль о золотой и серебряной рудѣ, скрытой подъ этими камнями, въ чащѣ зеленыхъ лѣсовъ. Изъ городовъ наказывалось спрашивать и развѣдывать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся руды серебряныя и другія, нѣтъ ли гдѣ соли и проч. Встрѣчные тунгузы разсказывали казакамъ про какого-то Батогу. „Живетъ онъ, говорили они, на Витимѣ рѣкѣ, юрты у него рубленыя и скота много всякаго, у того князца и соболя и серебро-де есть, и то-де серебро и камки покупаетъ онъ, Батога, на Шилкѣ рѣкѣ, у Ладкая“. Говорили еще тунгузы, что на Шилкѣ живутъ даурскіе конные люди и много хлѣба сѣютъ.

Василій Власьевъ, что громилъ брацкихъ мужиковъ, послѣ угощалъ и дарилъ полоненныхъ въ бою, только бы разсказали про море, про мугальскихъ людей: есть ли у нихъ города, какой бой; какою рѣкой въ Китай ходятъ и далеко ли Шилка, далеко ли Ладкай князь и хлѣбъ какой на Шилкѣ родится. За свѣдѣнія дарилъ онъ оловянныя блюдца, ножи, разныя мелочи.

Казакъ Максимъ Перфильевъ самъ видѣлъ у тунгузовъ круги и пуговицы изъ серебра. Отъ тунгузовъ, жившихъ по берегамъ Восточнаго моря (Ламы), казаки слышали разсказы про большую рѣку *Джи* (Зею). Разсказывали иновѣрцы, что ведутъ мѣновой торгъ съ тамошними людьми: отдаютъ за хлѣбъ своихъ соболей. Джи, по слухамъ, пала въ *Силькаръ*, а Силькаръ—въ *Мамуръ*, а эта рѣка пошла въ море.

Передавала народная молва и о другихъ людяхъ (натках), которые получали отъ кого-то золото и серебро, бисеръ и дорогое шелковое узорочье, мѣдные котлы... Въ Якутскъ такіе слухи доходили часто. О наказныхъ записяхъ, которыя давали воеводы служилымъ людямъ, уже была рѣчь.

Роспись о всѣхъ землицахъ и пройденныхъ рѣкахъ и *всякихъ мѣстъ чертежи*—все это подаваться должно было въ городской съѣзжей избѣ. Максимъ Перфильевъ, о которомъ я передъ этимъ говорилъ, *провѣдывалъ*, въ первой половинѣ шестисотыхъ годовъ (1638) рѣку Витимъ, притокъ Лены съ правой стороны. Шелъ онъ бечевой, провелъ на Витимѣ цѣлую зиму, попалъ въ небольшую рѣчку Цыпу и узналъ отъ тамошнихъ тунгузовъ про Силькаръ. На этой рѣкѣ, по разсказамъ, жили *дауры:* у нихъ два князя: Ладкай и Батога; *бой у нихъ лучной и огненный.* Скотъ, хлѣбъ и серебро даетъ даурскій народъ тунгузамъ, а отъ этихъ беретъ соболиные мѣха и отдаетъ ихъ какимъ-то другимъ людямъ за шелковыя матеріи. По *распроснымъ рѣчамъ* служилаго человѣка Максима Перфильева, который говорилъ, что одна серебряная руда, по слухамъ, лежитъ въ утесѣ, а другая въ водѣ, на рѣкѣ Урѣ, посланъ былъ изъ Якутска на Шилку и Зею рѣку (Джи) письменный голова *) Василій Поярковъ. Онъ долженъ былъ розыскать, провѣдать, нѣтъ ли серебряной, мѣдной и свинцовой руды, привести подъ цареву руку новыхъ людей.

По рѣкѣ Витиму, на югъ же, посланъ былъ еще Еналей Бахтеяровъ. Поярковъ поплылъ рѣкой Алданомъ,

*) Лицо, состоявшее при воеводѣ. На немъ лежали всѣ письменныя дѣла.

къ востоку отъ Витима, и вотъ что извѣстно изъ бумагъ о походѣ этого человѣка.

15-го іюня 1643 года, въ самый разгаръ сибирскаго лѣта, выступилъ Василій Поярковъ изъ Якутска послѣ разспросовъ о пути на рѣку Шилку. Было съ Поярковымъ служилыхъ людей 112 человѣкъ, 15 *гулящихъ людей*—охотниковъ, два цѣловальника, два толмача, два кузнеца, „*да для угрозы не мирныхъ землицъ пушка желѣзная, ядромъ полфунта, да на 100 выстрѣловъ и на запасъ, и служилымъ людямъ для службы 8 пудовъ 16 гривенъ зелья, а свинцу—тожъ*".

Изъ Якутска до устья Алдана шелъ Поярковъ внизъ двое сутокъ; по Алдану тянуться стали бечевой, и тянулись цѣлыхъ четыре недѣли до устья рѣки Учура. Дорогой вожами были тунгузы, которыхъ забирали съ собой то ласками, то угрозой. Кромѣ того, изъ Якутска отпущенъ былъ тунгузъ-проводникъ особо.

Чѣмъ дальше подымались казаки по рѣкѣ Учуру, тѣмъ тѣснѣе обступали и подвигались кругомъ каменные хребты. Черезъ 10 дней добрались до порожистой рѣчки Гономы. Долго на ней мучались: разбирали пороги (а ихъ было 42, да *шиверовъ* слишкомъ 20), запружали досками воду и шли. Одно судно у казаковъ заметало; свинецъ, который везли, свалился въ воду и достать его оттуда не могли. Все это отняло много времени. Зима была на носу. Не дошли казаки до одной рѣчки *) *шесть днищъ*, какъ надо было лѣсъ рубить, ставить зимнее жилье. На скорую руку ставились срубы или копались землянки. Не одинъ холодный мѣсяцъ приходилось выжить въ этихъ мѣстахъ.

*) Нюемки.

Занятій на зиму было вдосталь: понадобились парты для перевозки припасовъ и ѣзды; по лѣсамъ пошла охота за звѣрями, а тѣмъ временемъ спросы да развѣдки. Благодатная сторона съ Шилкой рѣкой была, по слухамъ, не далеко. Поярковъ былъ, какъ видно, нетерпѣливъ: прожилъ въ зимовьѣ только двѣ недѣли. Взявъ съ собой 90 человѣкъ, онъ покинулъ остальныхъ около судовъ и казны, наказавъ имъ итти весной съ запасами за волокъ, а послѣ плыть къ нему по Зеѣ; самъ же, проплывъ рѣчку, пошелъ волокомъ и сталъ подниматься на Камень *). Переходили, по обыкновенію, на лыжахъ; грузъ везли на партахъ. Переходъ черезъ *Камень* былъ не изъ легкихъ, потому что итти надо было по глубокимъ снѣгамъ, цѣликомъ. Двѣ недѣли шли казаки водою и волокомъ; насилу перевалились на ту сторону горъ, къ рѣчкѣ Бряндѣ, что пошла въ Зею. Ледъ еще не трогался. На берегу ея казаковъ ждала другая работа — строить суда. Они были готовы къ тому времени, какъ по рѣкѣ пошелъ ледъ, и Поярковъ спустился весной въ Зею. На одномъ изъ ея мелкихъ притоковъ поставили казаки острожекъ и стали дожидаться своихъ товарищей. Въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ увидали они даурскихъ людей, о которыхъ столько слышали прежде. Дауры (дагуръ) приняли ихъ хорошо — не такъ, какъ враговъ. Но это было только сначала. Скоро поняли иновѣрцы, что къ нимъ пришли не даромъ и не въ гости. Ѣду казаки получали отъ нихъ, но потомъ стали той ѣды даурскіе люди имъ не давать. Казацкая *нужа* росла, а припасовъ не подвозили. По разсказамъ самого Пояркова, служилые люди, числомъ

*) Теперешній Яблоновый или Становой хребетъ. Онъ идетъ съ юго-востока Сибири далеко на сѣверъ.

70 человѣкъ, отпросились изъ острожка въ поле, къ даурамъ, для ясачнаго сбора и корма. Отпустивъ ихъ къ двумъ иновѣрческимъ князькамъ, онъ наказалъ вызвать ихъ изъ *городка* лаской и взять въ заложники (аманаты). Велъ казаковъ какой-то Юшка.

За версту вышли встрѣчать русскихъ даурскіе князьки (Досій и Колпа). Въ *городокъ свой* они ихъ не пустили, говоря, что тамъ могутъ имъ *учинить какое дурно*, а отвели Юшкѣ съ казаками особыя юрты. Оба князька сѣли въ заложники. Съѣстныхъ припасовъ дали казакамъ довольно: привели *десять скотинъ*, отпустили 40 кузововъ овсяныхъ крупъ. Не послушались русскіе люди князьковъ: пошли разъ въ городокъ и ихъ съ собой взяли. Дѣло кончилось боемъ. Выдержалъ Юшка съ товарищами цѣлую осаду отъ дуарскихъ людей, потерялъ человѣкъ десять и *пошелъ въ отходъ*, къ Василію Пояркову. Дорогой кормились сосной да кореньями. Померло, говорилъ Поярковъ, отъ голода и болей разныхъ – человѣкъ сорокъ, потому что ѣсть было почти нечего: съ волока ничего не везли. Тянулись страшные дни.

Передъ этимъ Поярковъ разспрашивалъ у даурскихъ людей и про руду, и про синюю краску, и про дорогія камки. Они говорили, что этого у нихъ нѣтъ, но что получаютъ такія вещи черезъ торговлю съ *ханомъ*. На тѣхъ же людей, что съ нимъ въ торгъ не входятъ, посылаетъ, говорили они, ханъ на Зею и Шилку рѣку своихъ людей и воюетъ годомъ *подвожды и потрожды* (по два и по три раза), а приходитъ *Барбой* людно: тысячи по двѣ и по три.

Разсказывали про хана Барбоя, что онъ держитъ всѣхъ окружныхъ людей въ рукахъ, живетъ самъ въ большомъ городѣ, а около города стѣна деревянная и валъ.

Бой у хана и лучной и огненный. Ясакъ Барбой беретъ соболями, вино изъ хлѣба куритъ, и зовется то вино по-ихнему *аракъ*. Скота у хана много.

Наконецъ пришли служилые люди съ перваго зимовья и привезли припасовъ. Положеніе Пояркова съ казаками стало немного лучше. Скоро поплылъ онъ съ ними внизъ по Зеѣ, дальше. По берегамъ, среди холмовъ, укрытыхъ мѣстами лѣсомъ, виднѣлись даурскіе улусы—острожки, чернѣлась вспаханная земля; на лугахъ бродилъ и пощипывалъ траву разный скотъ. Дауры тутъ были народъ *сидячій*, осѣдлый, имѣли дома, пашню. Доплыли до устья Зеи, выплыли на широкую рѣку. По обѣимъ ея сторонамъ шли довольно ровные берега. Поярковъ такъ и думалъ, что это та самая Шилка *), на которую его послали. На самомъ же дѣлѣ онъ выплылъ въ Амуръ. Мѣста на немъ показались казакамъ раемъ. Увидали они здѣсь и груши, и много орѣшнику; разсказывали, что видѣли яблоки, овощь разную и проч. По Амуру жили разные народцы. Князьки ихъ были въ подданствѣ у сильнаго манджурскаго князя, а этотъ зависѣлъ отъ китайскаго хана. Русскихъ приняли амурскіе люди за лѣшихъ, потому что ихъ удивляли большія казацкія бороды и длинные волосы, а ростъ пришлыхъ людей казался черезчуръ высокимъ. Сами они, надо замѣтить, были больше все безбородые и малорослые. Огненный бой имъ былъ незнакомъ и они пугались выстрѣловъ. Три недѣли шелъ Поярковъ до устья другой большой рѣки *Шунгала* **). Скоро начались такъ-называемые *щеки*. Щеками и теперь въ Сибири зовутъ крутые каменные берега, между кото-

*) Или по-тогдашнему Силькаръ.

**) Теперь эта рѣка зовется Сунгари.

рыми приходится пробиваться рѣчной водѣ. Рѣка въ такихъ мѣстахъ сжата и теченіе быстро.

Верстъ двѣсти шли казаки такою тѣсниной до Шунгалскаго устья, которое было вправо. Съ этого мѣста, какъ думалъ Поярковъ, начинался Амуръ. Сдѣланъ былъ роздыхъ, стоянка. Зная, что Амуръ идетъ въ море. Поярковъ послалъ провѣдать соленую воду 25 человѣкъ изъ своей команды. Изъ нихъ вернулось только двое: остальные были убиты на ночевкѣ, на возвратномъ пути, *дучерами* (однимъ изъ приамурскихъ народцевъ). Дучери жили между рѣкой Шунгаломъ и другою рѣкой Усури, до которой казаки доплыли черезъ недѣлю. Усури впадала въ Амуръ тоже съ правой стороны. Неизвѣстно, что донесли уцѣлѣвшіе двое о морѣ и видѣли ли они его; только Пояркова не испугали неудачи: онъ поплылъ дальше.

Черезъ мѣсяцъ зазимовали смѣльчаки въ устьѣ широкаго, покрытаго островами, Амура. По дорогѣ, за дучерами жили, по описанію Пояркова, *натки*, а дальше, къ самому морю — рыболовы *гиляки*. Гиляковъ Поярковъ обложилъ ясакомъ; до этого же, какъ онъ говорилъ, никому они подвластны не были.

Голодъ ждалъ русскихъ и въ устьѣ Амура. Кормились по зимѣ отъ охоты да рыбной ловли, а по веснѣ рыли коренья луговыхъ травъ и ѣли.

Пришло и лѣто. Надо было ворочаться въ Якутскъ; но какимъ путемъ? Старымъ Пояркову не хотѣлось — опасно; выбрали новый путь — моремъ. Казаки, какъ извѣстно, добрались до Восточнаго моря (Охотскаго) около сороковыхъ годовъ (1636). Вотъ этимъ-то путемъ и разсчитывалъ Поярковъ дойти до Якутска, только бы переплыть море. За неимѣніемъ нужныхъ для морского

пути инструментовъ, надо было держаться какъ можно ближе къ берегамъ, не выпускать ихъ изъ виду. Обыкновенныя рѣчныя суда, съ плоскимъ дномъ, пущены были въ дѣло, а такія посудины вовсе непригодны для морского хода: ихъ того и смотри — что опрокинетъ. Только отчаянные, смѣлые люди могли рѣшиться, безъ всякихъ знаній и средствъ, на такой путь.

Что было съ казаками, чего они натерпѣлись кромѣ голода, трудно представить и страшно сказать. Ихъ носило по морю около двѣнадцати недѣль, занесло сначала на большой островъ, съ котораго они опять пустились въ море. Вѣтеръ ихъ далеко отбилъ отъ берега и игралъ, какъ щепками. Не скоро выбросило казаковъ на непривѣтный Сибирскій берегъ. Суда, понятно, разбились, а уцѣлѣвшіе пловцы—оборванные, голодные, еле волоча ноги, доплелись до устья маленькой рѣчки Ульи и нашли здѣсь старую зимовую избу. Кормились по дорогѣ чѣмъ придется, что выкинетъ на берегъ море.

Послѣ небольшого отдыха служилые люди подвязали лыжи и пошли опять черезъ *Камень* къ истоку рѣки Маи. Зачиналась весна: шли, чуть не цѣликомъ, двѣ недѣли. На берегу рѣки, къ которой вышли, пришлось строить новыя суда. До Якутска—путь знаемый. Работу кончили до вскрытія рѣкъ. Выплыли въ Алданъ, а изъ него на хорошо знакомую Лену.

Вернулся Поярковъ въ Якутскъ въ 1646 году: былъ, стало-быть, онъ въ отъѣздѣ три года. Привезъ Поярковъ съ собой двѣнадцать сороковъ соболей и нѣсколько гиляковъ. Говорилъ онъ, что Амуръ покорить не такъ трудно: стоитъ только взять три сотни людей, да выстроить три острожка и въ каждомъ посадить съ

полу-сотню народа, а остальные полтораста пусть ходятъ и объясачиваютъ. Складно и хорошо выходило у Пояркова, когда онъ говорилъ про *Пѣгую Орду* (такъ назывались тогда Приамурскія земли). Рѣкамъ сдѣланы были чертежи; слышанное и видѣнное описано. Погибло казаковъ далеко больше половины (80 чел.). Походъ Василья Пояркова былъ одинъ изъ самыхъ бѣдственныхъ, несчастныхъ походовъ. Вдобавокъ онъ былъ безполезенъ, потому что мы въ Приамурскихъ земляхъ не укрѣпились.

Что за человѣкъ былъ самъ Поярковъ? Кромѣ того, что это былъ, несомнѣнно, сильный, рѣшительный и смѣлый казакъ (трудности похода говорятъ за себя), не извѣстенъ ли онъ съ какой другой стороны? Хоть и мало знаемъ мы подробностей о сибирскихъ удальцахъ, все-таки кое-что удается и можно собрать о нѣкоторыхъ по слухамъ, да по бумагамъ.

Оказывается, что служилые люди, бывшіе подъ его началомъ, подали мірскую челобитную, жаловались на Пояркова, какъ на человѣка жестокаго. Разобравши дѣло, мы видимъ, что въ этомъ казакѣ-атаманѣ соединены были многія темныя стороны русскаго тогдашняго человѣка, о которыхъ мы уже говорили прежде. Горькая правда о Поярковѣ не отнимаетъ у него силы воли, смѣлости, славы совершеннаго труднаго дѣла; но она, какъ увидимъ, показываетъ также, чѣмъ могъ сдѣлаться *незнающій многаго* простой русскій человѣкъ *), получивъ надъ кѣмъ-нибудь власть. Не даромъ въ прежніе годы, когда было еще крѣпостное право, неволя, много, иной разъ даже больше, чѣмъ отъ чужого, терпѣли

*) Поярковъ былъ роду простого, только званіе его было выше обыкновеннаго служилаго человѣка.

крестьяне, когда попадалъ въ управители либо прикащики свой братъ—изъ мужиковъ.

Надо радоваться, что мы живемъ не въ тѣ времена, въ которыя былъ просторъ многимъ своевольствамъ, особливо на такихъ далекихъ краяхъ отъ Москвы. Тѣмъ, что хвалятъ *все* старое, не мѣшаетъ прочесть жалобы бѣдныхъ казаковъ на своего собрата. Вотъ онѣ:

„Служилыхъ людей Поярковъ билъ и мучилъ напрасно и, ограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ и велѣлъ имъ итти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасною смертью померетъ, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, и пріѣли человѣкъ съ 50. Иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: „не дороги они, служилые люди! Десятнику цѣна 10 денегъ, а рядовому — 2 гроша". Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зеѣ, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя русскихъ погаными людоѣдами. Когда весной въ устьѣ Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали коренъ травной копать и тѣмъ кормиться, но Поярковъ велѣлъ своему человѣку (Дениску) выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣной".

На допросѣ Поярковъ ни въ чемъ не сознался. Одинъ промышленный человѣкъ, уцѣлѣвшій послѣ посылки къ морю, разсказывалъ, что Поярковъ, выславъ изъ острожка около Зеи на дауровъ 70 человѣкъ казаковъ, ожидалъ, что они съ чѣмъ-нибудь придутъ.

— Что, съ добычей пришли?—спросилъ онъ, когда Юшка съ товарищами были ужъ у воротъ.

— Не то, что съ добычей, а и свое потеряли,—отвѣчали, будто бы, казаки.

Поярковъ пустилъ ихъ въ острогъ; но такъ какъ пищи было мало, а народу еще прибыло, то насталъ страшный голодъ. Люди стали умирать одинъ за другимъ.

„Кому не охота въ острогѣ съ голоду померетъ, пусть идетъ *на лугъ* къ убитымъ иноземцамъ и кормится, какъ знаетъ!“ отдалъ приказаніе Поярковъ. Выискалось такихъ охотниковъ всего 10 человѣкъ и въ томъ числѣ самъ разсказчикъ.

Такъ какъ у вышедшихъ былъ съ собой запасъ, то оставшіеся въ острожкѣ просили Пояркова, чтобъ онъ обыскалъ охотниковъ итти на лугъ и отобралъ у нихъ запасы, какіе были. У кого сыскалась гривенка *), у кого—двѣ, а у кого гривенокъ пять. Изъ тѣхъ, что мертвыми тѣлами кормились, иные поправились, ожили, а иные померли. Вотъ какъ дорого обошлось служилымъ людямъ первое знакомство съ Амуромъ, съ Пѣгой Ордой—съ благодатнымъ югомъ. Посмотримъ, удачнѣе ли былъ походъ другого человѣка.

VI.

Ероѳей Павловъ Хабаровъ.

Не далеко отъ Киренскаго острога, на рѣкѣ Ленѣ, жилъ въ описываемое нами время одинъ зажиточный человѣкъ, по имени Ероѳей (Ярко) Павловъ Хабаровъ. Родился онъ крестьяниномъ города Устюга Великаго **);

*) Фунтъ.
**) Уѣздный городъ нынѣшней Вологодской губерніи.

держалъ одно время соляныя варницы въ Сольвычегодскѣ, а потомъ, въ 1636-мъ году, переселился, съ братомъ Никифоромъ и сыномъ Павломъ, въ Сибирь, на Енисей, гдѣ сталъ землю распахивать, сѣять хлѣбъ. Хабаровъ слылъ за человѣка оборотливаго, *опытовщика*. На Енисеѣ долго онъ жить не остался: прошелъ слухъ о богатомъ соболиномъ промыслѣ на Ленѣ, и Хабаровъ переѣхалъ промышлять деньги туда. Было это чрезъ два года послѣ выхода изъ Руси.

Сборы на новыя мѣста были не малые. Нанялъ Хабаровъ 27 человѣкъ *покрученниковъ*, т. е. такихъ работниковъ, которымъ впередъ уплачено; взялъ изъ казны 2.000 пудовъ муки, сѣти для рыбной ловли, бархатные кафтаны, куски сукон, нѣсколько слитковъ мѣди, всего тысячи на двѣ рублей. Поселясь на Ленѣ, сталъ Хабаровъ торгъ вести, заниматься соболинымъ промысломъ. На охоту посылались покрученники, человѣка по десяти; расходились они по лѣсамъ и подстерегали осторожнаго пушистаго звѣрька.

Дѣла пошли хорошо, и Хабаровъ продолжалъ *пытать дѣло*, расширялъ его. Завелись у него пашни на рѣкѣ Илимѣ, возлѣ самого волока, на которомъ хабаровскіе люди занимались извозомъ до рѣки Лены. Это была тоже выгодная статья. Черезъ два года послѣ переѣзда на Лену, завелъ было Хабаровъ соловарню и пашни на устьѣ рѣчки Куты, но заводъ скоро отобрали въ казну. Хабаровъ однако не унывалъ. Въ 1641 году проѣзжалъ въ Якутскъ воевода Головинъ, и онъ подалъ ему просьбу о дозволеніи завести пашни около устья другой рѣчки (Киренги); онъ просилъ лишь объ одномъ льготномъ годѣ, послѣ котораго обѣщалъ давать казнѣ по десятому снопу. Можетъ статься, хаба-

ровскіе покрученники ходили до самой вершины рѣки Олекмы, что пала въ Лену, или заносились слухи отъ другихъ промышленныхъ людей, бродившихъ въ той сторонѣ, только Хабарову извѣстна была болѣе короткая дорога на югъ, къ князю Лавкаю. О богатствѣ земель, лежащихъ по рѣкѣ Шилкѣ, много ходило россказней послѣ Бахтеярова и Пояркова. Немудрено, что *старому опытовщику* запала въ голову новая мысль. Взяться за большое дѣло Хабарову было съ чѣмъ, а такого дѣла онъ искалъ давно. Одиннадцать лѣтъ выжилъ Ерофей Павловъ въ Сибири; на его глазахъ *пытали дѣло* казаки, ища *новыхъ землицъ*. Не приходилось такому дѣятельному и рѣшительному человѣку оставаться при старыхъ занятіяхъ на занятой уже русскими землѣ. Выгода и слава подсказывали ему итти въ Лавкаево царство, обложить его людей ясакомъ, добыть великую прибыль и царю и себѣ. И вотъ въ 1649 году подалъ Хабаровъ челобитную новому якутскому воеводѣ Дмитрію Францбекову. Въ ней онъ писалъ, что въ прежніе годы посланъ былъ на князя Лавкая казакъ Еналей Бахтеяровъ, который не зналъ прямого пути и плылъ не по той рѣкѣ. Онъ же, Хабаровъ, вѣдаетъ *прямой* (короткій) путь по Олекмѣ и проситъ дозволенія набрать человѣкъ съ полтораста или сколько доведется; содержать артель онъ берется на свой счетъ и дастъ ей денегъ, хлѣбныхъ запасовъ, судовъ, фузей (ружей), зелья и свинцу.

Какъ въ былые годы, промышленные люди Строгановы указывали царю Ивану IV-му на выгоды отъ покоренія Кучумова царства, такъ и промышленникъ Хабаровъ упоминилъ о великой прибыли царю Алексѣю, въ случаѣ ежели удастся объясачить *захребетныхъ госу-*

даревыхъ непослушниковъ. Въ *памяти*, данной Хабарову, наказывалось итти на непослушника Лавкая и его улусныхъ людей. Оружіе дозволялось пускать въ ходъ только въ крайности, подчиненныхъ наказывалось унимать отъ всякаго дурна, потому что ясачные люди частенько жаловались на русскихъ. На Шилкѣ Хабаровъ долженъ былъ поставить острожекъ и изъ него *ходить въ походы;* въ особую книгу—вписывать ясакъ и людей, принявшихъ присягу по своей вѣрѣ. Если выйдетъ безчинство какое или своеволіе, то просьбы слать въ Якутскъ, къ воеводѣ. Велѣно еще было, въ случаѣ если Лавкай и другіе князья покорятся охотой, обложить ихъ ясакомъ и оставить, какъ были, обѣщая государеву защиту. Вдобавокъ наказывалось описать всѣхъ живущихъ по рѣкѣ *людей* и представить *чертежи.*

Хабарову удалось набрать только 70 человѣкъ охотниковъ, и съ этою небольшою толпой пустился онъ Леной, къ устью Олекмы. Дѣло было весной 1649 года. Не миновалъ и Хабаровъ опасныхъ сибирскихъ падуновъ. Рѣка Олекма была быстрая; итти приходилось противъ теченья, а потому тянулись медленно. На порогахъ совсѣмъ изъ силъ выбились. Ероѳей Павловъ былъ грамотный, что великая рѣдкость въ то темное время, и вотъ какъ описывалъ онъ эту трудную бечеву: *„Въ порогахъ снасти рвало, слопцы *) ломало, людей ушибало; но Божіею помощью и государевымъ счастьемъ все кончилось благополучно“.* До устья рѣки Тугира, что пала въ Олекму съ лѣвой стороны, тянулись цѣлое лѣто; наконецъ добрались до Тугира и зазимовали. Когда по-

---

*) Такъ назывались корма и руль у судна.

дошелъ январь мѣсяцъ, казаки понадѣлали *нарты*, поклали на нихъ всѣ свои припасы и весь *борошенъ*, собираясь итти льдомъ до Становыхъ горъ. Волоклись казаки съ немалымъ трудомъ: на горахъ лежалъ глубокій снѣгъ, а на лыжахъ подниматься въ гору не такъ то легко. Хребетъ былъ изъ высокихъ; не разъ заставала въ горахъ непогода, не разъ задували вьюги, - того и гляди, что людей растеряешь, или въ какой оврагъ свалишься. Дорожные слѣды виднѣлись только позади, а передъ глазами—не тронутые бѣлые снѣга. Переваливъ черезъ *Камень*, хабаровцы скоро вышли и на Амуръ рѣку. Шелъ 1650-й годъ. Они угодили прямо къ улусамъ Лавкая, которые стояли на берегу небольшой рѣчки—Урки. Хабаровъ, какъ думаютъ, пошелъ лѣвымъ берегомъ (на немъ видны слѣды бывшихъ городковъ).

По дорогѣ встрѣтили казаки сряду пять большихъ поселеній. Это были настоящіе *города*, обведенные стѣной и окопанные рвомъ. Первый городъ былъ срубленъ изъ бревенъ и шелъ вокругъ него глубокій ровъ; въ стѣнѣ было пять башенъ и въ пятой—широкіе ворота; въ стѣнахъ понадѣланы были подлазы, для вылазокъ. Городъ стоялъ на мысу, между Амуромъ и его небольшимъ притокомъ; къ водѣ были сдѣланы *тайники* *). Дома за стѣной—все каменные; окна въ нихъ большія: вышиной въ два аршина, шириной въ полтора, а замѣсто слюды бумагой затянуты. Въ каждой такой свѣтлицѣ съ бумажными окнами могло помѣститься до шестидесяти и больше человѣкъ.

Не ожидали казаки такого хорошаго города; особливо

*) Потаенные выходы.

послѣ своихъ-то остроговъ да городовъ онъ имъ *знатнымъ* показался. Удивило только всѣхъ не мало, что въ первомъ городѣ не было живой души, во второмъ и въ третьемъ то же самое. Это напоминаетъ вступленіе Ермака въ пустой Искеръ. Въ третьемъ городѣ Хабаровъ остановился отдохнуть послѣ труднаго и долгаго пути. На всякій случай поставлены были караульщики, которые скоро оповѣстили, что къ городу ѣдутъ конные люди—пять человѣкъ. Стали съ подъѣхавшими разговоръ вести, черезъ толмача. Одинъ изъ конныхъ людей былъ самъ старикъ Лавкай, а остальные—два его брата, зять и холопъ.

— Что вы за люди и откуда пришли?—спросилъ Лавкай.

— Мы пришли съ вами торгъ вести; у насъ много подарковъ, отвѣчали казаки черезъ толмача.

— Зачѣмъ обманываешь насъ,—отвѣчалъ Лавкай:. мы казаковъ знаемъ: передъ вами былъ у насъ одинъ казакъ, такъ онъ сказывалъ, что васъ идетъ съ полтысячи, а слѣдомъ за вами еще люди. Вы насъ побить всѣхъ хотите, ограбить наше добро, а женъ съ дѣтьми полонить,—оттого мы и города бросили.

Хабаровъ спросилъ князя Лавкая, не хочетъ ли онъ итти русскому царю въ подданство.

— Платите ясакъ, и вамъ Русскій царь защиту будетъ давать,—соблазнялъ толмачъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Лавкай;—посмотримъ, что вы за люди.

Повернули иноземцы своихъ коней и ускакали. Только ихъ и видѣли. Послѣ этой встрѣчи Хабаровъ пошелъ берегомъ дальше. Цѣлое *днище* или до четвертаго города, который былъ тоже пустъ. На другой

день, когда солнце вышло на середку неба, вошли въ пятый брошенный городокъ. Только въ одномъ домѣ розыскали, говорятъ, старуху, сестру Лавкая. Стали ее, по тогдашнему обычаю, пытать на огнѣ, поджаривать, чтобы правду сказала, гдѣ братъ и что замышляетъ. Узнали, что Лавкай со всѣми родственниками, другими князьями и слугами, ждетъ русскихъ въ двухъ недѣляхъ ѣзды отъ города, въ которомъ живетъ богатый князь Богдой. У Богдоя городъ земляной, на стѣнахъ — пушки; въ городѣ торгъ по лавкамъ идетъ, и товаровъ много; хорошій ясакъ беретъ Богдой со всѣхъ *даурскихъ* *) князьковъ. У Богдоя, на его земляхъ, есть руды разныя — золотая и серебряная, камни дорогіе оружія многое множество: и пищали, и сабли — все съ золотой, дорогою насѣчкой. Про соболей и говорить нечего. Ѣстъ и пьетъ Богдой все на золотѣ да на чистомъ серебрѣ, и есть еще князь, которому самъ Богдой покоренъ.

Дальше пятаго города Хабаровъ идти не рѣшился; онъ вернулся въ первый и оставилъ въ немъ немного ратныхъ людей, самъ же поѣхалъ, въ маѣ 1650 года, въ Якутскъ. Донесъ онъ воеводѣ, что по Амуру живутъ даурскіе люди, что одни изъ нихъ землю пашутъ, другіе же — скотъ пасутъ; что въ рѣкѣ Амурѣ рыбы много, особливо осетровъ, которые крупнѣе волжскихъ, да и рыбы въ Амурѣ больше, чѣмъ въ Волгѣ. По берегамъ его большіе луга и поля, *лѣса темные, большіе,* и столько всякаго звѣря, что можно хорошій ясакъ брать съ даурскихъ людей. О хлѣбахъ доносилъ, что родится ячмень, просо, овесъ, греча, горохъ и конопля-

*) Дауры, жившіе по Амуру, были одного племени съ тунгузами и вели торгъ съ китайцами.

ное сѣмя. Хорошо отзывался Хабаровъ о Даурской землѣ, говорилъ, что мѣста по Амуру не то, что по Ленѣ рѣкѣ, что хлѣба у дауровъ много, и казаки не мало находили его по ямамъ. Какъ побѣжали иноземцы изъ своихъ городовъ, позабыли и про запасы, все бросили. Коли покорятся дауры, —доносилъ Хабаровъ, - и будутъ ясакъ платить, такъ въ Якутскъ казнѣ и хлѣба не надо будетъ присылать: отъ Лавкаева города до острожка, что я на Тугирѣ поставилъ, всего волоку сто верстъ, а изъ острожка до Якутска *по плаву* двѣ недѣли; Амуръ будетъ прибыльнѣе Лены, да и во всей Сибири такого мѣста *украшеннаго* и изобильнаго не найти.

Одна бѣда - людей мало,—добавилъ Хабаровъ воеводѣ въ своемъ донесеньи о рѣкѣ Амурѣ. Надо тысячъ шесть, тогда можно покорить всю Даурскую землю.

Такого войска, при сибирскомъ безлюдьи, набрать было нельзя. Пришлось опять собирать охотниковъ до приключеній, людей терпкихъ и готовыхъ итти, куда поведутъ, лишь бы пожива была. Набралось больше полутораста человѣкъ. Въ Якутскѣ и его окрестныхъ мѣстахъ многихъ расшевелилъ разсказъ объ амурскихъ угодьяхъ. Воевода отпустилъ съ Хабаровымъ, во второй походъ, 20 казаковъ, далъ три пушки и зелья со свинцомъ, обѣщая, въ случаѣ нужды, прислать подмоги, сколько можно будетъ.

Осенью 1650 года Хабаровъ вернулся на Амуръ. Пустыхъ городовъ онъ не нашелъ: дауры рѣшили отпоръ дать, не пускать въ свою землю казаковъ и ясакъ имъ не платить. Люди, оставленные Хабаровымъ на Амурѣ, выдержали не одну осаду: дауры имъ не давали покоя, только сдѣлать ничего не могли со своимъ лучнымъ боемъ. Недалеко отъ городка *Албазина* встрѣтилъ Хаба-

ровъ даурскихъ ратныхъ людей. Завязалась драка съ самаго полудня и кончилась только къ вечеру. 20 казаковъ было ранено, но русскіе выгнали дауровъ изъ городка и, найдя въ немъ много хлѣба, остались въ немъ. Албазинъ стоялъ неподалеку отъ того волока, по которому лежалъ русскимъ путь къ Амуру. Укрѣпленъ онъ былъ справно, стоялъ на удобномъ мѣстѣ.

За бѣжавшими изъ него даурами погнались на легкихъ стругахъ больше сотни казаковъ. Напуганные дауры бросали свое жилье, зажигали его, а сами спасались на коняхъ.

Встрѣчаясь съ ними, казаки забирали много скота, вездѣ одерживая верхъ. Зимой построилъ Хабаровъ городокъ *„въ угожемъ мѣстѣ, подъ волокомъ, гдѣ переходитъ русскимъ людямъ пѣшею ногою только два дни“*. Оставлено было въ немъ 50 человѣкъ, изъ коихъ 20 должны были пахать землю, а остальные—сбирать ясакъ. Городокъ этотъ былъ, какъ думаютъ, тотъ же Албазинъ, только Хабаровъ укрѣпилъ его получше и настроилъ въ немъ избъ.

Отъ полоненныхъ родственниковъ одного князька узнали хабаровцы, что по Амуру, начиная съ его истоковъ, живетъ девять владѣльцевъ. Всѣ они—данники Богдойскаго *) *Шамшагана,* а самъ Богдой—данникъ другого, у котораго имя еще мудренѣе.

Зимой Хабаровъ ходилъ на дауровъ самъ, съ казами и *нарядомъ* который везли на санкахъ. Въ десятый день пути привелось биться съ конными людьми съ утра до ночи. Бѣжали конные люди. Во всемъ была Хабарову удача, и *старый опытовщикъ* написалъ доне-

---

*) Т.-е. Китайскаго.

сеніе воеводѣ Францбекову о томъ, что сдѣлалъ въ Даурской землѣ. Завладѣть ею,—писалъ Хабаровъ,—можно, и будетъ тогда эта земля великому государю вторымъ Сибирскимъ царствомъ. Если что, такъ можно,—добавлялъ онъ,—послать большое войско и на Богдойскаго Шамшахана и на того, кѣмъ онъ въ ханы посаженъ. Прокормить въ Даурской землѣ можно хоть 20.000 людей. Шамшахана подвести подъ высокую государеву руку выгодно, потому что въ его царствѣ есть серебряная гора, и только 7 дней ѣзды до нея съ Амура; сторожей около горы стоитъ съ полтысячи. Жемчугу еще много у Шамшахана и дорогого каменья; только справа съ нимъ будетъ не такая легкая, какъ съ даурскими людьми, потому что у него каменные и деревянные города есть съ пушками, и на бой выходятъ съ копьями и кривыми саблями, не считая луковъ. Около истоковъ Амура, въ вершинѣ его, живетъ все народъ слабый, бѣжитъ онъ отъ русской силы къ нижнему Амуру, поближе къ сильнымъ людямъ, которые, слышно, ясака никому не платятъ.

Вѣсть о Хабаровѣ дошла до Москвы. Посланы были на Амуръ 132 человѣка изъ служилыхъ, охочихъ и промышленныхъ людей; дали имъ 30 пудовъ свинцу, зелья столько же, да еще стопу писчей бумаги (въ то время товаръ этотъ былъ на рѣдкость, потому что письменнаго дѣла меньше было); со стопой бумаги отправили къ Хабарову и писаря. Казачьи начальники должны были, сдавъ людей, везти отъ воеводы грамоту къ царю Шамшахану. Въ ней прописано было, что въ такомъ-то году подвластные ему князьки, Лавкай и другіе, хотѣли нашихъ ратныхъ людей побить, но что не могли устоять *противъ царской грозы и нашего бою*. Затѣмъ до-

бавлялось къ слову, что и Шамшахану противъ него не устоять и съ русскими не сладить; что лучше, не гнѣвя государя, прямо давалъ бы золота и серебра, и узорочья, каменьевъ дорогихъ и мѣховъ, сколько въ силу. *„А нашъ государь царь Алексѣй Михайловичъ силенъ и великъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ Сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, къ ратному дѣлу навычныхъ, и бьются они, не щадя головъ своихъ“.* Такъ стращала грамота. Посольство съ ней не дошло: дауры убили русскихъ дорогой.

На слѣдующее лѣто (1651 г.) Хабаровъ пошелъ опять внизъ по Амуру, только не берегомъ, какъ въ первый разъ, а на судахъ. Дорогой много виднѣлось по берегамъ сожженныхъ даурскихъ поселеній. Къ вечеру одного дня подошелъ Хабаровъ къ уцѣлѣвшему городку князя Гуйгудара. Княжескіе люди стояли у воды и не пускали казаковъ, а когда съ судовъ выстрѣлили по нимъ и многихъ убили, тогда они побѣжали въ свой городокъ и заперлись. Хабаровцы бросились за ними. Городъ былъ тройной; около одного земляного вала шелъ другой, а около этого еще третій. Стѣны были изъ дерева, двойныя, внутри землей набиты; подъ стѣнами—подлазы, а воротъ нѣтъ. Подлазы понадѣланы для того, чтобы можно было изъ одного городка въ другой переходить, коли понадобится. Кругомъ тройного города—два рва по сажени глубиной, и въ тѣ рвы—тоже подлазы, для напуска ратныхъ людей. Скотъ и *ясырь* *) стояли во рвахъ.

*) *Ясырями* прозывались невольники, купленные на деньги или вымѣненные на товаръ. Было время, когда ихъ продавали на базарахъ за небольшую цѣну: такъ, бабу *ясырку* можно было имѣть за 10 рублей и дешевле.

Въ толпѣ враговъ были и еще какіе-то люди; биться они не бились, въ городокъ не вошли, а стояли въ полѣ и смотрѣли. Были на нихъ надѣты дорогія шелковыя платья. Это ханъ Богдойскій прислалъ своихъ манджурскихъ людей. Князь Гуйгударъ хотѣлъ постоять за Даурскую землю и пустилъ такую тучу стрѣлъ, что казаки не могли подойти близко къ первому городку. Хабаровъ черезъ толмача уговаривалъ князя покориться и дать ясакъ.

— Мы даемъ ясакъ Богдойскому (китайскому) хану. Какого еще вамъ ясака? Хотите такого что ли, который мы бросаемъ своимъ послѣднимъ ребятамъ?—отвѣчалъ Гуйгударъ.

Начали казаки, по приказу Хабарова, палить изъ ружей и пушекъ. Пушки били въ башню, а ружья—въ стѣны. Около городка, въ полѣ, изъ даурскихъ стрѣлъ словно нива стояла насѣяна, по выраженію Хабарова; но *„свирѣпые дауры“* не устояли. Рано утромъ, когда еще солнце только показалось, пробили башенную стѣну. Первые ворвались въ городокъ кольчужники, а за ними и другіе казаки со щитами въ рукахъ. Дауры ушли и заперлись сначала во второмъ городкѣ, а когда ихъ выбили и отсюда, то въ послѣднемъ, третьемъ. Казаки и туда пробились. Стали драться на сабляхъ и копьяхъ, рукопашьемъ. Сколько ни было дауровъ, всѣ остались на мѣстѣ; а было ихъ, говорятъ больше шестисотъ человѣкъ. Хабаровъ не досчитался четырехъ казаковъ, да съ полсотни было раненыхъ. Въ городкѣ полонили русскіе много дѣвокъ и бабъ съ дѣтьми; скота всякаго захватили головъ съ тысячу.

Полоненные сказывали, что люди въ шелковыхъ платьяхъ съ нихъ ясакъ собираютъ. Присылаетъ ихъ Шам-

шаханъ, и живутъ они у нихъ каждый годъ человѣкъ по 50-ти. На другой день одинъ изъ манджуровъ пришелъ къ Хабарову для переговора. *„Платье у богдойскаго мужика* было *камчатное и малахай соболій“*, описывалъ послѣ Хабаровъ. Трудно было вести разговоръ съ иноземцемъ: языкъ былъ вовсе незнакомый, а переводить слова некому. Кое-какъ добились-таки смысла: царь Шамшаханъ не приказалъ воевать манджурскимъ людямъ съ русскими, велѣлъ только спросить ихъ, зачѣмъ они пришли въ эту землю. Отвѣтить Хабаровъ ничего вѣрнаго не отвѣтилъ, зато угостилъ посла и подарковъ ему далъ.

Полтора мѣсяца выжилъ Хабаровъ въ городкѣ. Въ подданство ему никого привести не удалось. Отъ *провѣдчиковъ* узнали казаки, что въ трехъ днищахъ пути съ лѣвой стороны впадаетъ въ Амуръ рѣка Зея и около ея устья стоятъ еще городки. Поплыли къ одному изъ нихъ и застали князей врасплохъ: сидѣли они на лугу, за городомъ, и пировали. Одинъ бѣжалъ, но двоихъ полонили; пришли въ городъ къ присягѣ за своими князьями и люди ихъ; принесли они съ собой только 60 соболей, но обѣщались русскимъ ясакъ платить. Мало принесли оттого, что не такъ давно Шамшахану много отослали, а за это время еще не наловили. Лучшихъ людей Хабаровъ отобралъ въ залогъ. Только мало времени спустя одни улусники отказались отъ подданства и побросали свои улусы. Князья ихъ были у Хабарова въ рукахъ, стало-быть, бояться нечего,—вернутся. Вышло не такъ. Когда стали князьковъ спрашивать, почему ихъ люди разбѣжались, тѣ сказали, что они и знать не знаютъ,—почему, что приказу такого они имъ не давали, „на то ихъ воля, а не наша“, от-

вѣчали князья; „чѣмъ намъ всѣмъ помереть (всему роду), такъ лучше мы одни помремъ за свою землю, когда ужъ къ вамъ въ руки попали“.

Пытали князьковъ на огнѣ, а добиться ничего не добились. Съ другими сибирскими народцами ничего такого прежде не случалось. Бывало, какъ возьмутъ князя въ залогъ, такъ весь родъ и платитъ ясакъ, покоренъ становится. Дауры же не столь за князя своего стояли, сколько за свою землю, да за самихъ себя.

Зазимовать въ покоренномъ городкѣ было нельзя: съ голоду умерли бы. Хабаровъ поплылъ съ казаками дальше, внизъ по Амуру, а городокъ зажегъ *и дымъ пустилъ*. По берегамъ виднѣлись мѣстами даурскіе улусы—въ пять, въ десять *юртъ* *). Четыре дня плыли смѣльчаки до крутыхъ каменныхъ утесовъ (щекъ), между которыми пробивался Амуръ къ морю. Больше двухъ *днищъ* плыли тѣми щеками, за которыми показались опять жилыя мѣста *дучерскихъ людей*. Все это время казаки только и дѣлали, что приставали къ берегу, выходили и дрались. Доплыли до устья большой рѣки Шунгала. Дучеры были народъ смирный, потому съ ними не трудно было ладить казакамъ. Улусы заставали они пустыми; зато можно было въ нихъ поживиться и скотомъ, и хлѣбомъ. Казаки всю дорогу кормились грабежомъ; удержать ихъ отъ этого было нельзя.

За дучерами пошелъ другой народъ—*ачаны*; потянулись ихъ улусы. Ачаны рыбачили и были похитрѣе да и похрабрѣе своихъ сосѣдей-пахарей. Они вездѣ давали отпоръ. Сентября 22-го Хабаровъ доплылъ до одного большого селенія и рѣшилъ провести въ немъ

*) Т.-е. жилищъ.

зиму. На скорую руку срубили городъ и перенесли въ него все, что было на судахъ. Ачаны вызвались платить русскому царю ясакъ, притворились покорными, а на самомъ-то дѣлѣ хотѣли они высмотрѣть, сколько русскихъ, какое у нихъ оружіе, ладно ли укрѣпленъ городокъ. Въ припасахъ у Хабарова оказалась недостача, и онъ отправилъ внизъ по Амуру сотню людей промыслить у ачанъ побольше рыбы. Народъ этотъ почитай-что одною рыбой и живъ-то былъ.

Послѣ отъѣзда казаковъ, рано, чуть свѣтъ, ачаны напали на русскій городокъ. Было ихъ сотъ восемь. Дучеры еще на подмогу пришли. Если бы не часовые, такъ русскіе и не услыхали бы ничего: спали крѣпко. Ачанамъ было на руку, что одна сотня нашихъ уѣхала рыбу *промышлять;* только страшно было итти на приступъ, лѣзть на стѣну: знали ачаны и дучеры про пищали и пушки. Принесли они съ собой соломы да разной суши и хотѣли подпалить русскихъ. Тогда вышло изъ города 70 человѣкъ казаковъ, и начали они ачанъ рубить и колоть, а со стѣнъ ядра кидали, изъ пищалей громили, „и напалъ на нихъ, собакъ-иновѣрцевъ, страхъ Божій и противъ царской грозы и нашего бою устоять не могли и побѣжали врозь, а мы за ними побѣжали и въ тылъ ихъ многихъ побили и *языковъ* *) многихъ перехватали, и въ струги они, иновѣрцы, побросались и на великую рѣку Амуръ отгребали, а струги у нихъ большіе и съ выходами, и крашеные, а въ одинъ стругъ садится по 50-ти, по 60-ти человѣкъ".

Такъ писалъ Хабаровъ.

---

*) *Языками* звались полоненные люди, у которыхъ можно было вывѣдать о непріятелѣ.

Прозванъ былъ городокъ *ачанскимъ* городкомъ. Посланные за рыбой вернулись благополучно, и казаки еще сильнѣе укрѣпили свое зимовье. Ачанъ видно не было; попадались только ихъ зимніе пути, по которымъ они ѣздили на собакахъ. Стали по этимъ путямъ слѣдить и поймали двухъ *важныхъ* людей. Ачаны снова понесли русскимъ свой ясакъ. Въ такихъ дѣлахъ прошла у хабаровцевъ и вся зима.

Можно догадаться, какъ вели себя казаки съ приамурскими людьми; ачанамъ, что называется, житья отъ нихъ не было. Хабаровъ былъ не виноватъ, что его люди дѣлали имъ разное лихо: углядѣть, какъ я говорилъ, за ними было нельзя, да и самъ *опытовщикъ*, какъ говорятъ, многое позволялъ себѣ, при своемъ горячемъ и подчасъ самоуправномъ характерѣ. При случаѣ онъ нещадно билъ провинившихся палкой, а то и просто расправлялся кулакомъ; сила же, по слухамъ, была у него порядочная. Не имѣя возможности справиться съ пришельцами, ачаны пошли къ манджурскому князю подмоги просить. Шамшаханъ велѣлъ князю *Исинею* собрать 2.000 конныхъ людей, взять съ собой 6 пушекъ, 30 ружей многоствольныхъ, только безъ замковъ, нѣсколько глиняныхъ, начиненныхъ порохомъ ядеръ, (пинардъ), *), для того чтобы стѣны рвать, и захватить русскихъ живьемъ.

Весной 1652 года подошло манджурское войско подъ Ачанскій городокъ, и хабаровцы проснулись отъ неожиданнаго страшнаго грома. То палили манджурскія пушки, только пушкари около нихъ были плохіе и никакого вреда не могли сдѣлать своими орудіями. Рус-

*) *„А въ тѣхъ пинардахъ порохъ кладенъ, а кладено пороху въ тѣхъ пинардахъ по пуду“*, писалъ Хабаровъ.

скіе въ первый разъ столкнулись съ людьми огненнаго боя. Вышелъ сильный переполохъ. Вотъ какъ красно описывалъ Хабаровъ битву подъ Ачанскимъ городкомъ:

„Марта, въ 24-й день, на утренней зарѣ, сверхъ Амура рѣки славныя ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ казаковъ, сила богдойская всѣ люди конные и куячные, и нашъ казачій есаулъ *) закричалъ въ городъ, Андрей Ивановъ, служилый человѣкъ: „братцы казаки! ставайте на скорѣ и оболокайтесь (одѣвайтесь) въ куяки крѣпкіе!“ И метались казаки на городъ въ единыхъ рубашкахъ на стѣну городовую, и мы казаки чаяли изъ пушекъ изъ оружія бьютъ казаки изъ города, ажно **) бьетъ изъ оружія и изъ пушекъ по нашему городу казачью войско богдойское. И мы казаки съ ними, богдойскими людьми, войскомъ ихъ дрались изъ-за стѣны съ зори до схода (всхода) солнца, и то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадутъ намъ казакамъ въ тѣ поры пройти черезъ городъ, а богдойскіе люди знаменами стѣну городовую укрывали. У того нашего города вырубили они, богдойскіе, люди тризвѣ на стѣны сверху до земли. И изъ того ихъ великаго войска богдойскаго кличетъ князь Исиней царя богдойскаго и все войско богдойское: не жгите и не рубите казаковъ, емлите (берите) ихъ, казаковъ, живьемъ! И толмачи наши тѣ рѣчи князя Исинея услышали и мнѣ, Ярофейку, сказали, и услыша тѣ рѣчи у князя Исинея, оболокали мы казаки всѣ на ся (на себя) куяки и язъ (я), Яро-

*) Небольшой чинъ въ казачьихъ войскахъ.
**) А на мѣсто того.

фейко, и служилые люди и вольные казаки *), помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и Угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою прощались и говорили то слово язъ, Ярофейко, и есаулъ Андрей Ивановъ и все наше войско казачье: умремъ мы, братцы казаки, за вѣру крещеную и постоимъ за домъ Спаса и Пречистыя и Николы Чудотворца и порадѣемъ мы казаки государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руссіи и помремъ мы казаки всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы казаки въ руки имъ богдойскимъ людямъ не дадимся. И въ тѣ стѣны проломленыя стали скакать тѣ люди богдоевы, и мы казаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную и почали изъ пушки по богдоескому войску бити и изъ мелкаго оружія учали стрѣляти изъ города и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити-жъ стали по нимъ богдойскимъ людямъ. Тутъ и богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божіею милостью и государевымъ счастіемъ и нашимъ радѣньемъ (стараньемъ), ихъ, собакъ, побили многихъ. И какъ они богдои отъ того нашего пушечнаго бою и отъ пролому отшатились прочь и въ ту пору выходили служилые и вольные охочіе казаки сто пятьдесятъ шесть человѣкъ въ куякахъ на вылазку богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ, и какъ мы къ нимъ Богдоямъ на вылазку вышли изъ города, и у нихъ богдоевъ тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и, Божіею милостью и государевымъ счастіемъ, тѣ двѣ пушки мы казаки у нихъ богдойскихъ

*) Сибирское казачье войско составилось изъ потомковъ товарищей Ермака, на рѣкѣ Иртышѣ.

людей и у войска отшибли и у которыхъ у нихъ богдойскихъ людей у лучшихъ воитиновъ (ратныхъ людей) огненно оружье у нихъ взяли. И нападе на нихъ богдоевъ страхъ великій, покажись имъ сила наша несчетная и всѣ достальные Богдоевы люди отъ города и отъ нашего бою побѣжали врозь. И кругъ того Ачанскаго города смѣкали мы, что побито: богдоевыхъ людей и силы ихъ шестьсотъ семьдесятъ шесть человѣкъ наповалъ, а нашіе (нашей) силы казачьи отъ нихъ легло отъ богдоевъ десять человѣкъ, да переранили насъ казаковъ на той дракѣ семьдесятъ восемь человѣкъ".

Хоть и осилили казаки *богдоевыхъ людей* и не въ привычку этимъ людямъ было, какъ видно, обращаться съ *народомъ*, только плыть дальше внизъ по Амуру показалось Хабарову не безопаснымъ. У богдойскаго царя *) войска много, казаковъ онъ въ господа на своей землѣ не пуститъ, вышлетъ ежели войска еще болѣе прежняго,—что тогда? Отъ полоненныхъ узнали, что царю Шамшахану, который былъ *намѣстникомъ* у китайскаго государя, была на казаковъ жалоба. „Русскіе насъ бьютъ и грабятъ, женъ съ дѣтьми отнимаютъ, говорили дучеры, а сдѣлать противъ нихъ мы ничего не можемъ". И на самомъ дѣлѣ казаки не имѣли жалости къ иновѣрцамъ: они смотрѣли на нихъ какъ на рабочую скотину, глядѣли какъ бы побольше пользы отъ нея добыть.

Говорили еще полоненные въ бою, что въ походѣ они были три мѣсяца, что къ востоку отъ Шамшахановыхъ земель лежитъ еще земля и есть въ ней золотыя и се

*) У китайскаго богдыхана.

ребряные руды, а по рѣкамъ жемчугу много, и ломають тѣ руды желѣзными ломами. И шелкъ есть, и бумага хлопчатая въ той землѣ: дѣлають изъ шелка—атласы, а изъ бумаги—кумачи.

Безъ малаго черезъ мѣсяцъ послѣ осады Хабаровъ поплылъ съ казаками вверхъ по Амуру, назадъ. Было это весной, въ апрѣлѣ 1652 года. Тянулись хабаровцы на шести дощаникахъ.

VII.

Приключенія Нагибы.—Возвращеніе Хабарова.—Онуфрій Степановъ.

Долго не было вѣстей отъ Хабарова, и изъ Якутска послали ему небольшую подмогу. Не сразу нашла она смѣлаго *опытовщика*. Трепка Чичегинъ, который велъ казаковъ, послалъ весной одного изъ нихъ, Ивана Нагибу, съ товарищами, искать Хабарова по Амуру. Вотъ чѣмъ кончились Нагибины поиски: какимъ-то случаемъ Иванъ Нагиба разъѣхался съ тѣми, кого искалъ. По островамъ, которыхъ очень много на Амурѣ, онъ оставлялъ замѣтки или записки, на всякій случай, а самъ съ товарищами плылъ по рѣкѣ все дальше и дальше. Много было приключеній дорогой. Разъ его окружили со всѣхъ сторонъ дучеры и натки и не давали имъ, казакамъ, ни къ берегу пристать, ни на островъ выйти. По берегу ѣздили иновѣрцы на коняхъ, а по рѣкѣ—на стругахъ. Струговъ было больше двадцати и въ каждомъ сидѣло человѣкъ 40, а то и больше. На этотъ разъ дуарскіе люди не напали, а послѣ были съ ними бои; *напускали дуры изъ острожковъ по дважды и по трожды, скрадывали* въ ночное время людей.

Надо полагать, что и въ этотъ разъ, несмотря на свою малую силу, казаки, плывя по Амуру, хозяйничали, потому что просили Нагибу плыть дальше, внизъ къ самому устью. Нагибѣ же велѣно было плыть не больше десяти дёнъ.

Черезъ три недѣли послѣ описанной встрѣчи съ даурами, Нагиба плылъ уже Гиляцкою землей, близко отъ моря. „*Иноземцы*, говорится въ донесеніи, *сконъу чинили во многихъ стругахъ и со щитами отъ улуса до улуса провожали*". Кто-то сказалъ казакамъ, что Хабаровъ—въ Гиляцкой землѣ, и за это ложное извѣстіе Нагиба съ товарищами чуть не поплатился жизнью. Въ одномъ мѣстѣ онъ былъ *обсаженъ* гиляками со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ. Пришлось выстоять середи рѣки двѣ недѣли. Инородцы были не изъ храбрыхъ: ровно четырнадцать дней смотрѣли они на небольшое казачье судно, которое, съ горстью казаковъ, стояло на якорѣ, и не рѣшались напасть. Гиляки были въ своихъ рыбачьихъ лодкахъ, на водѣ; когда казацкіе припасы всѣ вышли и насталъ голодъ, нужда заставила смѣльчаковъ собраться съ послѣдними силами и пробиться за кормомъ на берегъ. Смѣлость города беретъ, а тутъ еще въ подмогу ей порохъ съ свинцомъ, и пробился Нагиба съ своими къ берегу, человѣкъ 30 уложилъ, выкралъ у гиляковъ много провѣсной рыбы (изъ-за нея и бой-то весь былъ) и опять—на воду. Расправа съ иновѣрцами была у казаковъ обычная: „*мужиковъ съ улусу сбили и юрты съ конца зажили*", писалось въ одномъ донесеніи; „*и мы ихъ въ пень рубили*", говорилось въ другомъ.

Дня черезъ три выплылъ Нагиба къ морю, въ широкое устье Амура. Хабарова съ казаками нигдѣ не бы-

лось имъ было ворочаться назадъ. Старою дорогой смѣльчакамъ ѣхать не хотѣлось. Смастерили казаки новое судно и порѣшили плыть Охотскимъ моремъ до рѣчки Ульи. Казацкая нужа въ походѣ Пояркова во время его плаванія по непривѣтной соленой водѣ—ихъ видно не испугала. Передъ отплытіемъ еще разъ довелось отбиваться отъ гиляковъ, которые кинулись на русскихъ въ своихъ легкихъ лодкахъ. Одну изъ нихъ казакамъ удалось пробить; человѣкъ сорокъ иновѣрцевъ легло на мѣсты.

На морѣ ждала Нагибу съ товарищами новая бѣда. Никуда она отъ казаковъ не уходила во время развѣдки да расчистки обширной Сибири. О морской нужѣ осталось донесеніе такого рода: „И оттуда (изъ устья) мы, холопи государевы, пошли по морю на гребяхъ (на веслахъ) и выгребли изъ губы *) на море, и понесло насъ, холопей государевыхъ, во льду на море и носило насъ во льду 10 дней и принесло на берегъ, на пустое мѣсто, и тутъ насъ, холопей государевыхъ, къ берегу льдомъ (притерло), раздавило судно, и судно потонуло, и мы, холопи государевы, на берегъ пометались душею да тѣломъ. Хлѣбъ, и свинецъ, и порохъ потонулъ, и платье все потонуло, и стали безъ всего. И оттуда мы, холопи государевы, пошли пѣши, подлѣ моря, и шли мы, холопи государевы, пѣшею ногой, подлѣ моря, 5 день, а питалися мы ягодами и травою и находили на берегу по край лося **) битаго, звѣря морского *нерпу* ***)

---

*) *Губа*—небольшой заливъ. Здѣсь же надо подъ губой разумѣть широкое устье Амура.

**) *Лось*—звѣрь изъ породы оленей, только много крупнѣе, съ широкими и большими рогами. Жить любитъ въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ.

***) *Нерпой* зовется въ Сибири тюлень.

да моржа, и тѣмъ мы душу свою оскверняли, нужи ради пигалися, и дошли мы, холопи государевы, до рѣчки и тутъ мы стали судишко дѣлать и пошли по морю".

Изъ этого видно, что Нагиба первою неудачей не пронялся и опять пустился моремъ, *на-авосъ*, отыскивая рѣчку Улью. Вѣтеръ на этотъ разъ не унесъ казаковъ отъ берега, и полунагіе плаватели, голодные и перемерзшіе добрались до какой-то другой рѣчки. Дорогой они отнимали у тунгузовъ рыбу. Казаки, видно, мало походили на людей, потому что пугали поморцевъ и не встрѣчали у нихъ отпора. На рѣчкѣ Нагиба провелъ осень, *остановалъ*. Отсюда съ великимъ трудомъ добрался до *Камня* (Становыхъ горъ), перевалился черезъ него, на вершинѣ одной рѣки построилъ опять судно и воднымъ путемъ вышелъ въ Лену. Шли казаки черезъ волокъ больше мѣсяца.

Не мало служилыхъ людей терпѣло такія мытарства, какъ Иванъ Нагиба, не мало еще намъ встрѣтится ихъ впереди, а о сколькихъ казакахъ не доходили вѣсти, сколько именъ пропало вмѣстѣ съ бумагами, въ которыхъ описывалась казацкая нужа.

Подмогу, высланную изъ Якутска, хабаровцы встрѣтили, пройдя амурскія *щеки*. Но не велика была помощь отъ небольшой горсти людей да одной пушки; вернуться внизъ нечего было и думать: тамъ, по словамъ Хабарова, вся земля была *въ скопѣ*. Около самаго устья Шунгала ждало ихъ больше манджурское войско, тысячъ въ шесть, съ пушками и ружьями. Не подуй вѣтеръ-попутникъ, не избыть бы Хабарову бѣды. На счастье, подулъ, да еще сильный, и казаки, на всѣхъ парусахъ прошли серединой Амура. Дорогой забирали кое-кого изъ иновѣрцевъ и слышали отъ нихъ недо-

брыя вѣсти: кто говорилъ, что собирается на русскихъ войско въ 10.000, а кто—и еще того больше. По слухамъ, Шамшаханъ хотѣлъ вовсе выгнать казаковъ изъ своей земли и набиралъ для этого людей —ни мало, ни много 40.000. Полопенныхъ пытали и вывѣдали отъ нихъ, что даурскіе люди ясака платить не хотятъ. Жаловались дауры также, какъ и брацкіе люди, что ясакъ казакамъ отдашь, а казаки все-таки грабятъ. „Соберемъ войско тамъ, гдѣ они зимовать станутъ, тысячъ десять, либо больше, и *давомъ ихъ задавимъ*, говорили дауры.

1-го августа 1652 года Хабаровъ остановился около устья рѣки Зеи и сталъ казаковъ спрашивать, гдѣ бы городъ поставить. Вышла разноголосица: одни отвѣтили: „гдѣ будетъ годно и гдѣ бы государю прибыль учинить, тутъ и городъ станемъ дѣлать“, а другіе разохотились грабить—„*радѣть своимъ зипунамъ и нажиткамъ*“; сѣли на три посудины, а на судахъ была казна государева, пушки, порохъ, свинецъ, куяки казацкіе, и уплыли внизъ по Амуру. Перемашили непослушники-*воры*, а можетъ-статься и силкомъ взяли человѣкъ 30 вольныхъ казаковъ; двѣ пушки кинули: одну на берегъ, другую — въ воду: часть казны тоже покидали. Всѣхъ уплывшихъ было 136 чел. Два казака, не желая быть заодно съ бѣглыми, кинулись съ судна въ воду и выплыли на берегъ, къ товарищамъ. Хабаровъ остался съ какими-нибудь двумя сотнями. Полтора мѣсяца пробылъ онъ на Зеѣ рѣкѣ и сзывалъ инородцевъ; только не шли они, не давали русскимъ людямъ вѣры, не глядѣли и на то, что аманаты были у нихъ въ рукахъ. „Вы все насъ обманываете,—говорили инородцы:—вотъ и теперь ваши люди уплыли и наши земли громятъ“.

Бѣглые казаки много повредили хабаровскому дѣлу.

Ероѳей Павловъ, не зная, какъ выйти изъ бѣды, послалъ четверыхъ въ Якутскъ -донести воеводѣ, что *воры учинили государевой службѣ поруху, иновѣрцевъ отогнали и земли смяли.* Посланцы должны были сказать, что людей у Хабарова мало и съ ними взять землю силъ нѣтъ: людей на землѣ живетъ много; опять же у которыхъ и бой огненный есть, а безъ царскаго указа Хабаровъ уйти не смѣетъ.

Казаки тѣмъ временемъ подвигались вверхъ по Амуру и собирали, гдѣ можно, ясакъ. Послѣдній разъ получена въ Якутскѣ вѣсть о Хабаровѣ отъ 5-го августа 1652 г. Онъ просилъ подмоги. Если повести на дауровъ шесть тысячъ войска, такъ можно всякую даурскую силу погромить, доносилъ Хабаровъ. Неизвѣстно, что послѣ этого дѣлалъ онъ въ Пріамурскомъ краѣ и гдѣ провелъ зиму; въ бумагахъ якутскихъ ничего объ этомъ не найдено.

Вѣсть о дальнѣйшихъ подвигахъ устюжанина Ероѳея Хабарова уже давно успѣла дойти до Москвы. Изъ нея велѣно было отправить на Амуръ 3.000 стрѣльцовъ и воеводу. Напередъ послали дворянина Зиновьева, наказавши раздать смѣлымъ казакамъ не одну сотню золотыхъ денегъ, 50 пудовъ пороху и привести людей. Кромѣ того, долженъ онъ былъ узнать, велика ли вражья сила, приготовить мѣсто для стрѣльцовъ и позаботиться объ ѣдѣ. Изъ Москвы до Якутска—годъ ходу. За это время широко прошла молва про амурскія богатства. Около ленской вершины и рѣки Илима жили русскіе переселенцы. На далекое разстояніе другъ отъ друга разбросаны были по обширнымъ пустырямъ ихъ поселенья, въ какія-нибудь двѣ-три избы. У русскихъ людей за привычку стало *землицъ искать* только бы

земли были хлѣбородныя. Немудрено, что какъ только заслышали они про Амуръ, такъ и припала имъ охота переселиться на него. На Ленѣ житье было плохое: и холодно, и не сытно. Иные взяли женъ съ дѣтьми, побросали свои избы и ушли на Амуръ. Посылали за ними людей въ погоню остановить; но посланцы зачастую пропадали и сами, или заодно съ бѣглыми все туда же. Вышелъ приказъ—на Олекмѣ заставу устроить и людей на Амуръ не пускать.

Дорогой дворянинъ Зиновьевъ нашелъ такихъ бѣглыхъ человѣкъ со сто. Они промышляли тѣмъ же, чѣмъ въ старые годы товарищи Ермака и самъ Василій Тимофеевъ. Нашелъ Зиновьевъ Хабарова около устья Зеи. Много довелось старому опытовщику вынести отъ московскаго посланца. Зиновьевъ бранился, дралъ Хабарова за бороду, говорилъ, что онъ казну утаилъ, даже велѣлъ ему ѣхать въ Москву. Говорятъ, что будто даже везъ его до нея скованнаго по рукамъ и ногамъ. Неизвѣстно, насколько виноватъ былъ Хабаровъ; но причины обвиненія могли быть разныя: Зиновьевъ просто изъ зависти могъ начать цѣлое дѣло. О Хабаровѣ онъ слышалъ какъ о человѣкѣ не знатномъ, но богатомъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Хабаровъ жилъ въ свое удовольствіе, любилъ пышно одѣваться: кафтаны носилъ бархатные, шапки изъ дорогихъ соболей; онъ ни въ чемъ не любилъ себѣ отказывать и былъ, что называется, полнымъ господиномъ на Амурѣ. Поперекъ сказанное слово могло разсердить царскаго посла, а Хабаровъ, какъ извѣстно, былъ изъ горячихъ.

Казакамъ Зиновьевъ не понравился. Пороху со свинцомъ онъ имъ не привезъ (зарылъ гдѣ-то по дорогѣ), роздалъ 320 золотыхъ денегъ, и больше отъ него каза-

ки никакой милости и ласки не видали. Велъ себя съ ними Зиновьевъ самовластно, отдавалъ строгіе приказы, а это было вольнымъ казакамъ не по вкусу. Такъ, велѣлъ онъ имъ три острожка поставить и землю пахать. До этого казаки хлѣбъ у дауровъ брали, а тутъ работай: паши, да еще строй. Обращеніе Зиновьева съ атаманомъ имъ тоже не было по сердцу.

Пріѣхалъ Хабаровъ въ Москву зимой 1655 года. Пошелъ судъ, и стараго опытовщика признали невиннымъ. Пожалованъ былъ Ероѳей Павловъ *сыномъ боярскимъ* и сдѣланъ государевымъ *прикащикомъ* *) надъ поселеніями по Ленѣ, но на Амуръ его не воротили. Умеръ Хабаровъ, кто говоритъ въ Верхне-Илимскѣ **) а кто—въ *Хабаровкѣ, на Ленѣ*, недалеко отъ городка Киренскаго,—дѣло темное. Хабаровъ оставилъ по себѣ память у сибирскихъ поселенцевъ и много чудныхъ разсказовъ о своихъ подвигахъ; но, пока не нашли его отписей къ воеводѣ, многіе изъ ученыхъ людей думали, не сказки ли ходятъ о какомъ-то Хабаровѣ, и не вѣрили даже, жилъ ли онъ когда на свѣтѣ. Потомки его есть въ Сибири и теперь.

Послѣ отъѣзда стараго опытовщика въ Москву, ясакъ переданъ былъ Онуфрію Степанову, который сдѣланъ былъ *приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура—новой Даурской земли*. Мало впереди хорошаго видѣлъ Степановъ: дѣла на четвертой великой рѣкѣ Сибири не были приведены въ порядокъ; иновѣрцы должны были плохо принять новыхъ гостей. Въ верховьяхъ Амура не было ни хлѣба, ни лѣсу; чтобы промыслить и того и другого, Степановъ уплылъ внизъ. Доставъ хлѣба

*) *Прикащикъ*—управляющій, исполнитель воеводскихъ приказовъ.
**) Теперь заштатный городъ Иркутской губерніи.

на устьѣ Шунгала, онъ поплылъ дальше и зазимовалъ у дучеровъ, съ которыхъ собиралъ обычный ясакъ. Въ 1654 году, лѣтомъ, онъ опять поплылъ къ Шунгалу за хлѣбомъ и 6-го іюня встрѣтилъ большое богдойское войско, со всякимъ огненнымъ боемъ, и на коняхъ, и на стругахъ. Какъ ни палили богдойцы въ русскихъ, послѣдніе-таки *выбили* ихъ изъ лодокъ на сухопутье. На берегу непріятель засѣлъ въ крѣпкомъ мѣстѣ, окопался. Казаки пытались взять его приступомъ, но ихъ отбили, и Степановъ, не доставъ хлѣба, побѣжалъ спасаясь отъ богдоевъ, вверхъ по рѣкѣ.

Начались неудачи, и пошли онѣ одна за другой. Полоненные иновѣрцы разсказывали, что богдойскій царь отрядилъ 3.000 ратныхъ людей, съ тѣмъ чтобъ они три года стояли около устья Шунгала и не пускали русскихъ. Кромѣ того, главная бѣда была еще та, что богдойскій царь положилъ иноземцамъ запретъ— сѣять по берегамъ Амура хлѣбъ и отдалъ приказъ переселиться на другую рѣку, южнѣе. Онуфрій Степановъ поднялся до устья Камары и зазимовалъ здѣсь, въ полуразвалившемся острогѣ, вмѣстѣ съ подошедшимъ сотникомъ Петромъ Бекетовымъ. Осенью начали укрѣплять *городокъ*. Насыпанъ былъ валъ съ четырехъ сторонъ: по угламъ вала поставлены *быки* (батареи). Земляныя работы были тяжелы: морозъ такъ заковалъ землю, что приходилось растаивать ее кострами, потомъ рубить кирками и *наваливать*. Ровъ былъ въ сажень глубины и двѣ—ширины. Около него поле было усѣяно *чеснокомъ* *). Изнутри города сдѣлано было воз-

*) *Чеснокъ*—желѣзныя, шестиногія колючки. Если бросить на землю то тремя ногами онѣ вонзались въ нее, а другими тремя торчали кверху. Дѣлали *чеснокъ* изъ непріятельскихъ стрѣлъ и прикрывали рыхлою землей и листьями.

вышеніе, отъ котораго шли раскаты на четыре стороны. На немъ стояли пушки, хватавшія черезъ валъ, въ поле; на случай пожара, шли желоба отъ вырытаго неподалеку колодца; по валу тянулся частоколъ, внутри котораго насыпанъ былъ крупный песокъ. Ночью стѣны освѣщались горящими лучинами.

Не напрасно поставилъ Степановъ такую справную крѣпость: 13-го марта 1655 года подступили къ ней манджуры; ихъ было 10.000. Много навезли манджуры огненнаго *наряда*. Кромѣ пятнадцати пушекъ были съ ними еще лѣстницы, багры, дрова, солома, деготь, щиты, обитые войлокомъ и кожей, да длинные-предлинные (сажень по двадцати) мѣшки, въ оглоблю толщиной, набитые порохомъ. Русскихъ было 500 человѣкъ. Поставили манджуры два укрѣпленія и съ утеса рѣчного стрѣляли, только ничего не сдѣлали. Чтобы зажечь острогъ, пускали на стрѣлахъ *огненные заряды*, а 24-го марта пошли на приступъ на всѣ четыре стѣны разомъ. На каждую приходилось, выходитъ, чуть не по 3.000 человѣкъ. На телѣгахъ повезли къ городу большіе деревянные щиты и лѣстницы, которыя на одномъ концѣ были съ колесами, а на другомъ съ палками и желѣзными гвоздями, чтобы можно было за стѣну чѣмъ задѣть. Много было всякихъ *приступныхъ мудростей*. Били по острогу изъ пушекъ и день и ночь. 4-го апрѣля непріятель отошелъ, потому что ничего не могъ сдѣлать. Миновала грозившая бѣда, но другая была уже за плечами: скоро оказался недостатокъ въ самомъ нужномъ—въ припасахъ, въ хлѣбѣ. Пріамурскіе жители были разорены ясакомъ и разными поборами казаковъ. Дорогой попадались одни сожженные улусы. Чтобы не умереть съ голода, надо было

самимъ пахать землю. Воровскія, разбойничьи шайки грабили по Амуру, что попадалось (такъ, у Сорокиныхъ было подъ началомъ человѣкъ 300 головорѣзовъ). Русскимъ приходилось вовсе плохо. Берега Шунгала опустѣли. Степановъ радъ былъ бросить Амуръ: ѣсть было почти нечего. Отсылая ясакъ съ полусотней казаковъ, онъ писалъ, чтобъ ихъ ему не возвращали, потому что нечѣмъ кормить. Пришла изъ Москвы къ Степанову милостивая грамота, но положеніе казаковъ не стало отъ этого лучше. Казаки, недовольные нуждой, стали не слушаться и разбѣгаться. Что было дѣлать Онуфрію Степанову? Помощи ждать неоткуда. Царкіе переговоры съ богдойскимъ ханомъ ни къ чему не привели. Ниже устья рѣки Шунгала 30 іюня 1658 г. манджуры, на 47 лодкахъ, окружили Степанова. Храбрости у казаковъ убыло: одни бѣжали, другіе сдались, оставшіеся же 270 человѣкъ погибли вмѣстѣ съ самимъ Степановымъ безъ вѣсти, — вѣроятно, въ жаркой схваткѣ. Русскіе были разбиты, что называется, на голову. Изъ казаковъ, бывшихъ у Степанова подъ началомъ, успѣли какъ-то спастись съ небольшимъ 200 человѣкъ. Собольный ясакъ попалъ въ руки богдоямъ—китайцамъ. Уцѣлѣвшіе казаки разбрелись розно: нѣкоторые изъ нихъ попали въ Якутскъ и Москву.

Амурскія дѣла кончились несчастно, якутскіе походы не удались, и великая рѣка, послѣ гибели Степанова, была до времени оставлена. При тогдашнихъ силахъ и тогдашнемъ порядкѣ, съ китайцами тягаться намъ было мудрено, хотя въ Москвѣ и не теряли надежды пробраться на Амуръ съ верховья Шилки, гдѣ были поставлены русскими новые городки.

VIII.

На рѣкахъ сѣверо-востока.—Походы Бузы, Бугра, Катаева и Стадухина.—Тимоѳей Булдаковъ на Ледовитомъ морѣ.

Меньше было помѣхи казакамъ итти по сѣверной окраинѣ Сибири, и покореніе, или скорѣе занятіе земель, шло тамъ успѣшнѣе. На болѣе плодородномъ югѣ, гдѣ населеніе инородцевъ было гуще, сильные сосѣди китайцы не дали русскимъ людямъ ходу, и племена съ *лучнымъ боемъ* нашли, какъ намъ извѣстно, защиту у народа, который зналъ порохъ и пушки. Племенамъ, жившимъ около Байкальскаго*) озера и по берегамъ Амура, было все-таки на кого надѣяться въ случаѣ нужды, и вотъ почему на югѣ русскимъ пришельцамъ съ запада было труднѣе укрѣпиться, несмотря на то, что ратныхъ и всякихъ людей было на немъ больше, чѣмъ на противоположномъ концѣ Сибири. Хабаровъ не пошелъ внизъ по Амуру, говоря, что около устья вся Даурская земля была *въ скопѣ*; изъ чего видно, что даурцы, напримѣръ, дѣйствовали при случаѣ дружно, не врозь. Не то мы видимъ на сѣверномъ поморьѣ: тамъ, по обширнымъ равнинамъ и лѣсамъ *бродило* и *сидѣло* не густое, разбросанное населеніе, между которымъ много было ссоръ и всякой розни изъ-за разныхъ кормовыхъ мѣстъ, женъ и многаго другого: больше было нужды. Еще Ермакъ умѣлъ пользоваться такими несогласіями. Сильныхъ сосѣдей у

*) Байкалъ — цѣлое море *сладкой* воды; оно длиной 600 верстъ, ширины различной—отъ 30-ти до 80-ти. Въ иныхъ мѣстахъ до 800 саженъ глубины. Принимаетъ нѣсколько рѣкъ. Чистыя, прозрачныя воды его окружены красивыми горами.

племенъ Сибирскаго сѣверо-востока, на подмогу которыхъ можно бы разсчитывать, не было. Ледовитое море, на чей неумолчный шумъ сбѣгались съ высокихъ южныхъ хребтовъ широкія, многоводныя рѣки, давало береговымъ жителямъ кормъ —и только; оно не выступало на смѣлыхъ пришельцевъ изъ своихъ границъ и метала, перетирало плохія казацкія суда, лишь когда они сами забирались въ его ледяныя владѣнія. Спастись дикарямъ отъ русскихъ съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе, потому что казаки пробирались берегомъ все дальше, переходили съ одной рѣки на другую. Куда было уйти дикарю? На сѣверъ—вездѣ вода безъ конца, по которой не заносило къ нему ни одного человѣка; на югъ—тамъ сильные люди съ деревянными и каменными городами, оружіемъ и всякимъ обзаведеньемъ, и чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ народъ все сильнѣе, поселенъ гуще. Опять же кто захочетъ уйти отъ стараго промысла и обсиженныхъ изстари мѣстъ?

Казаки тѣснили инородцевъ съ каждымъ годомъ все больше, ставя ихъ въ то невыгодное положеніе, въ которомъ бываютъ весной зайцы, когда охотникъ прижметъ ихъ въ самый конецъ затопленной кругомъ *гривы* *). Казацкая пищаль дѣлала свое дѣло—покоряла дикарей подъ высокую руку царя, а дикари, видя свое безсиліе, пускали въ ходъ все, что имѣетъ подъ руками болѣе слабый человѣкъ: и обманъ, и убійства и поджоги. Въ иныхъ далекихъ краяхъ необъятной Сибири, гдѣ русская жизнь только что начинала заводиться и была особенно малолюдна, жить приходилось по-

*) *Гривой* зовется высокое мѣсто на рѣчномъ островѣ, рѣдко затопляемое полою водой.

стоявшіе на-сторожѣ, на-чеку. Не платя до прихода казаковъ дани ни одному изъ болѣе сильныхъ народовъ, дикари сѣверо-востока, заброшенные въ далекую глушь Сибири, сначала сопротивлялись, какъ и всѣ, а потомъ понемногу теряли свою волю, вымирали, уступая свои мѣста болѣе сильному и способному племени. Подробнѣе объ этомъ я поговорю послѣ, когда рѣчь пойдетъ о томъ, что за народцы жили по лицу Сибирской земли, а теперь буду разсказывать дальше, собственно про казацкіе походы и открытія новыхъ земель на сѣверо-востокѣ. Если на югѣ казакамъ было мудрено пробраться въ иныя мѣста по случаю болѣе густого и дружнаго населенія да сильнаго соседа, то на далекомъ сѣверѣ, при русскомъ малолюдьи, были еще страшные морозы съ пронизывающимъ вѣтромъ, ничѣмъ не защищенныя, открытыя мѣста, нужда въ самомъ необходимомъ, по случаю трудности подвоза, и частыя, какъ увидимъ, несчастія на непривѣтномъ морѣ. Это— главное; остальное будетъ видно изъ разсказа.

Путь, какъ всякій казацкій путь, начался и лежалъ по рѣкамъ. Изъ нихъ на сѣверо-востокѣ главными были (считая вправо отъ Лены): Яна, Индигирка, Колыма и Анадырь. Знакомство съ этими холодными мѣстами началось почти въ одно время съ движеніемъ русскихъ на рѣку Шилку и дальше.

Въ 1636 году былъ отправленъ изъ Енисейска казачій десятникъ Елисей Буза съ приказомъ осмотрѣть рѣки, текущія въ Ледовитое море, и справить обычную казачью службу. Съ Бузой пошло всего десять человѣкъ, но послѣ зимовки въ Олекминскомъ острогѣ *)

*) Острогъ этотъ поставленъ енисейскими казаками за годъ до этого (въ 1635 г.), на притокѣ Лены—Олекмѣ.

набралось промышленныхъ людей до сорока, и полусотня русскихъ двинулась дальше. Изъ этого видно, что путь Бузы лежалъ водой, по Ленѣ. Въ тотъ же годъ вышелъ на сѣверныя рѣки еще другой отрядъ казаковъ, подъ началомъ Ивана Поспичка, другимъ путемъ, черезъ горы, что были между Леной и Яной рѣкой: но мы на немъ не остановимся, потому что о походѣ Поспичка извѣстій меньше.

Въ двѣ недѣли Буза дошелъ до западнаго устья Лены, а изъ него поплылъ моремъ и черезъ сутки былъ уже въ устьѣ Оленька, что̀ течетъ по лѣвую сторону отъ Лены. По этой рѣкѣ Буза сталъ подниматься *своею силою* и вернулся послѣ перваго похода съ небольшимъ ясакомъ въ пять сороковъ, который собралъ съ жившихъ по тѣмъ мѣстамъ тунгузовъ. Прозимовавъ въ инородческой сторонѣ, Буза нашелъ болѣе короткую дорогу на Лену — не водой, а сухопутьемъ, что было удобнѣе: переходъ былъ какихъ-нибудь сто верстъ, не больше. Черезъ два года (1638) Елисей (*Елеса*) Буза пустился водой, на двухъ кочахъ, провѣдывать новыя земли. Отъ устья Оленька до того мѣста, гдѣ Яна вливалась въ море, шелъ онъ при попутномъ вѣтрѣ всего пятеро сутокъ. Отъ устья русскіе стали тянуться вверхъ, зная напередъ, что на большой прѣсной водѣ должны быть люди и промыслы. Три недѣли шелъ Буза по Янѣ и опять вернулся съ ясакомъ, напавъ на якутовъ, которые, надо думать, были здѣсь переселенцами съ юга. Третій походъ Бузы былъ въ слѣдующемъ 1639 году. Изъ Якутска дана была ему наказная запись итти на Индигирку и искать новыхъ людей. Поплылъ Елисей Буза на четырехъ кочахъ, которые выстроилъ на знакомой Янѣ, и по одному изъ ея рукавовъ вышелъ къ

великому озеру; которое узкимъ протокомъ соединялось съ моремъ. Здѣсь казаки встрѣтили новыхъ людей — юкагировъ; объ этомъ народѣ шелъ до того времени одинъ слухъ. Буза ихъ объясачилъ, при чемъ напугалъ, говорятъ, не мало своими лошадьми, которыхъ сѣверные дикари-юкагиры никогда не видали. Въ 1640 году было поставлено на Индигиркѣ первое русское зимовье. Съ ясакомъ былъ посланъ въ Якутскъ одинъ изъ казаковъ, а самъ Буза пробылъ у юкагировъ еще около трехъ лѣтъ и вернулся въ воеводскій городъ только въ 1642 г. (за годъ до похода Пояркова на Шилку). Онъ привезъ съ собой трехъ юкагирскихъ аманатовъ и такія вѣсти: „есть-де рѣка именемъ Нерога и прилегла она своею вершиной близко къ Индигиркѣ, съ которой ходу до нея будетъ съ недѣлю, коли на оленяхъ ѣхать безъ вьюковъ. Къ вершинѣ Яны та рѣка Нерога тоже *прилегла*; отъ Янской вершины до нея ходу будетъ на оленяхъ цѣлый мѣсяцъ. Пала Нерога устьемъ въ море и много въ ней рыбы, которою тамошніе люди и кормятся. Живутъ они на высокомъ рѣчномъ юру, въ землянкахъ, все люди *пѣшіе*; нѣтъ у нихъ ни оленей, ни лошадей, за то много серебра. Руда серебряная, доносилъ Буза, лежитъ въ горѣ, не далеко отъ моря, въ утесѣ, а повыше отъ устья, по рѣкѣ, руды той немного“.

Таковъ былъ прошедшій между русскими слухъ о богатой рудѣ, когда мѣховъ стало перепадать меньше; дорогой звѣрь оттѣснялся человѣкомъ и вымиралъ, а Камчатка еще не была открыта. Добыть серябряной руды казаки приложили бы все стараніе: не даромъ писались якутскому воеводѣ Дмитрію Францбекову такія слова: „И тебѣ бы, Дмитрію, однокончно государю

службу и радѣніе свое показать, про ту рѣку Нерогу провѣдывать *накрѣпко* у всѣхъ иноземцевъ, *всякими мѣрами*, впрямь и *заводомъ* (обманомъ), *изъ ума выводя* и *жестоко* распрашивать, есть ли такая рѣка Нерога"... „И буде (если) на ней люди небольшіе, и на милость Божью и на государево счастье нынѣ надѣясь, мочно надъ тѣми людьми *промыслить*, прося у Бога милости", —добавлялось къ совѣту. Но никакой серебряной руды на Нерогѣ казаки не нашли.

Уже нѣсколько знакомый намъ Василій Бугоръ, громившій брацкихъ людей, тоже ходилъ съ казаками на сѣверо-востокъ для ясачнаго сбора. Любопытна причина, которая заставила его двинуться на поиски изъ Якутска. Изъ оставшейся челобитной, гдѣ Бугоръ съ товарищами испрашиваетъ у государя прощенье за самовольную отлучку изъ воеводскаго города, видно, что казаки терпѣли много и отъ воеводъ. Одинъ изъ нихъ сильно билъ Василья Бугра за его челобитье о государевомъ хлѣбномъ жалованьи, о крупахъ, толокнѣ и *высоротѣ*. „*Терпѣли мы и отъ прежняго воеводы*, писали казаки, *терпѣли напрасно и кнутъ, и огонь, и всякій позоръ, наготу и голодъ*". У того воеводы, на котораго Василій Бугоръ подавалъ государю челобитную, батоги были, по описанію, въ полтора аршина длины, а толщиной въ ручной палецъ: „*какъ учнетъ кого бить батоги* ¹), *безъ вины изменяючи сердце свое, и товарищи его учнутъ бить челомъ и онъ пуще бьетъ*".

Убоясь неправды и бѣды отъ характернаго воеводы, часто срывавшаго гнѣвъ и *измѣнявшаго сердце свое*, казаки ушли на рѣки Яну, Индигирку и Колыму, изъ

¹) Т.-е. батогами.

которыхъ послѣдняя была открыта не задолго до этого Стадухинымъ. Ушли казаки, наскоро захвативъ мало одежонки и теплой обувки, отчего сильно нахолодались дорогой и одного товарища покинули на Янѣ, потому что онъ озпобилъ себѣ ноги. На Индигирку перешелъ Бугоръ партами, и дорого обошлась бѣглымъ казакамъ путина. Подъемъ стоилъ каждому по 30 рублей; а сколько еще денегъ ушло на парты, да на собакъ, лыжи, собачій кормъ и порохъ со свинцомъ! Жаловались казаки и на своихъ товарищей, на тѣхъ, что очень солоно пришлись: такъ, какой-то Пашка Заварза все озоровалъ, ссорился, хвалился смертнымъ убойствомъ, стрѣлялъ въ казаковъ съ берега, дрался и пр. Добавлялъ Бугоръ въ своей повинной отписи, что въ сибирскихъ городахъ нигдѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ *Сибирь настала*, не было государю отъ казаковъ никакой измѣны, ничего *опричь службы и крови*; „да и въ насъ, государь, писали казаки, тебѣ измѣны не будетъ“.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ поднялись, жившіе между Яной и Индигиркой, юкагиры. Для ихъ усмиренія былъ посланъ казакъ Вторка Катаевъ. Уцѣлѣло описаніе, какъ защищались сѣверные дикари и какъ дѣйствовали русскіе. Всѣхъ измѣнниковъ, по донесенію Катаева, было человѣкъ съ двѣсти *большихъ* (взрослыхъ) *мужиковъ*, да еще были съ ними малолѣтки, которые не умѣли стрѣлять изъ лука. Нашелъ Вторка юкагировъ, поднявшись по одной рѣчкѣ (Алазеѣ), что течетъ въ море между Индигиркой и Колымой. Жили юкагиры въ острожкѣ, который былъ довольно великъ: *въ обѣ стороны человѣку добру* (сильному) *изъ лука стрѣлять можно*. Въ острожкѣ этомъ собраны были и всѣ олепьи стада—богатство тѣхъ мѣстъ. Казаки пришли

подъ инородческую крѣпость и, прося у Бога милости, поставили свой острожекъ въ сорока саженяхъ отъ ихняго. Дѣло было зимой. Работы кончились поздно вечеромъ и ужъ на другое утро начали ставить русскіе другой острожекъ поближе, всего въ двадцати саженяхъ отъ юкагирскаго. Дѣлалось это для того, чтобы, прикрываясь щитами, можно было подойти ближе къ непріятелю.

Увидавъ приготовленіе казаковъ, юкагиры начали стрѣлять изъ пищалей и луковъ. Какъ видно, до нихъ дошелъ огненный бой казачьихъ ружей, несмотря на отданный до этого приказъ не показывать инородцамъ огнестрѣльнаго снаряда и какъ изъ него стрѣляютъ — не толковать.

Казаки, поставивъ ближній острожекъ, стали бить въ юкагировъ сверху и перерапили многихъ оленей. Это такъ напугало дикарей, что они скоро бросили стрѣлять, видя, что имъ нельзя тягаться съ русскими, которые изъ своихъ пищалей клали ихъ наповалъ, въ то время какъ ихъ стрѣлы наносили не тяжелыя раны, а то не вредили и вовсе. Юкагиры рѣшили отсиживаться. Въ построенномъ наскоро острожкѣ Вторка Катаевъ провелъ съ казаками ночь, а утромъ другого дня приказалъ дѣлать 6 большихъ щитовъ. Выкатили ихъ казаки передъ острожкомъ и поставили вплоть къ непріятельской загороди, такъ что юкагиры, увидавъ *надъ собой такую невзгоду,* что нельзя отъ русскихъ отсидѣться, начали изъ острожка кричать: „не убивайте насъ: мы станемъ вамъ ясакъ платить, дадимъ аманатовъ; только соболей у насъ теперь нѣтъ, потому что васъ, казаковъ, боялись и на охоту не выходили!“

Юкагиры вегавали не въ первый разъ: въ 1645 году

ихъ поднялъ князекъ (Пелева) съ товарищами; онъ убилъ русскихъ служилыхъ людей, *выхватилъ* аманатовъ, но былъ усмиренъ Горѣловымъ и тѣмъ же Второй. Такъ укрѣплялись русскіе по берегамъ Яны и Индигирки. Рѣка Колыма (Ковыма), лежащая подальше на востокъ, была открыта въ 1645 году. Вотъ что сообщалъ увидавшій ее въ первый разъ *Михалко* Стадухинъ, послѣ двухлѣтняго на ней пребыванія:

„Колыма рѣка велика, съ Лену будетъ *), идетъ въ море, подъ тотъ же вѣтръ, подъ востокъ и подъ сѣверъ; живутъ по ней иноземцы колымскіе мужики, свой родъ (племя), *оленные и пѣшіе сидячіе многіе люди*, и говорятъ на своемъ языкѣ. Если по Колымѣ плыть въ море, то на лѣвой рукѣ будетъ островъ; лежитъ онъ весь на виду, такъ что пади **), горы снѣжныя и ручьи *знатны всѣ****). Островъ этотъ длинёнъ, и зимой чукотскій народъ (чукчи) переѣзжаетъ на него оленями въ одинъ день, и бьютъ на томъ островѣ морского звѣря моржа, отъ котораго привозятъ головы со всѣми зубами". Головамъ этимъ, сообщалъ Стадухинъ, они по своему молятся; самъ онъ у чукчей моржоваго зуба не видалъ, а были люди, которые видѣли, что концы у чукотскихъ санокъ изъ него подѣланы. Узналъ еще воевода, что соболя у чукчей нѣтъ, потому что мѣста студеныя, открытыя тундры, безъ сучечка; за то по Колымѣ въ изобиліи водится хорошій черный соболь.

Стадухинымъ были поставлены на этой рѣкѣ первое зимовье и острожекъ. Про островъ, что противъ Ко-

---

*) На самомъ дѣлѣ Колыма течетъ всего 1.500 верстъ, а Лена больше *четырехъ тысячъ*.

**) Падь—глубокая долина, оврагъ.

***) Т.-е. видны всѣ.

лымскаго устья, велѣно развѣдывать: нѣтъ ли звѣря на немъ какого; велѣно собирать моржовые клыки, что у звѣря спереди торчатъ, и не брать, если клыкъ меньше фунта вывѣситъ. Черезъ это открылся новый промыселъ. Михалко Стадухинъ доносилъ еще, что по морскимъ и рѣчнымъ берегамъ собиралъ онъ кость *рыбій зубъ* *) вмѣстѣ съ своими товарищами, и такъ много лежало ея на берегу, что можно бы этою костью нѣсколько судовъ нагрузить. *Рыбій зубъ* былъ не дешевъ: 5 пудовъ 33 фунта стоили на тогдашнія деньги 226 рублей. Звалась еще эта кость *заморной костью*.

Путь съ Лены къ сѣверо-восточнымъ рѣкамъ былъ не долгій, за то трудный, и можетъ съ той поры, какъ казаки ознакомились съ сѣвернымъ моремъ, чаще стала повторяться пословица: „*Кто на морѣ не бывалъ, тотъ горя не видывалъ*“. Есть подробное описаніе путешествія и приключеній одного казака, который вытерпѣлъ страшную *нужу* на Ледовитомъ морѣ. Относится оно къ началу второй половины семнадцатаго вѣка, и рѣчь о бѣдахъ ведется въ немъ просто, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ. Случись теперь съ кѣмъ-нибудь изъ мореплавателей такое несчастіе, сколько было бы разговоровъ и описаній, похвалъ смѣлости и терпѣнію, а тогда было меньше средствъ и больше перевѣдокъ съ непривѣтною сѣверной природой, и такія приключенія, какъ слѣдующее, считались заурядными.

Въ 1649 году посланъ былъ Тимоѳей Булдаковъ, служилый человѣкъ Якутскаго острога, на рѣку Колыму;

*) Такъ назывались тогда, по незнанію, кости очень крупныхъ звѣрей, изъ породы слоновъ, — звѣрей, которые жили въ этихъ мѣстахъ многія тысячи лѣтъ назадъ и давно уже вымерли. Зовутъ ихъ „мамонтами“. „Рыбій зубъ“, выходитъ все одно, что слоновая кость, только долго лежавшая въ землѣ.

съ нимъ было нѣсколько человѣкъ казаковъ. Въ одно лѣто доѣхать до Ленскаго устья ему не удалось: вѣтеръ стоялъ все противный вплоть до самыхъ морозовъ. Зимнее время заставило Булдакова остановиться въ Жиганскѣ *), который лежалъ отъ Якутска на многія сотни верстъ. Прошла суровая сѣверная зима съ сорока-градусными морозами, и опять поплылъ Тимоѳей Булдаковъ съ казаками внизъ по Ленѣ. Рѣка эта была не быстрая; по сторонамъ тянулись ровные, болотистые берега, и только 2-го іюня доплыли казаки до устья. Сильный вѣтеръ, дувшій съ моря (моряна), не пускалъ ихъ дальше: выстояли по милости *прижимныхъ вѣтровъ* цѣлый мѣсяцъ. Какъ только задули попутные, *пособные вѣтры*, такъ Булдаковъ съ товарищами побѣжалъ въ открытое море и добѣжалъ до Омолоевой губы **). Въ ней ожидала казаковъ первая бѣда: вездѣ былъ ледъ и носило ихъ на немъ восемь дней моремъ, при чемъ сильно поломало кочъ, прибивъ его подъ конецъ къ берегу неизвѣстнаго острова. На морозѣ, при сильномъ леденящемъ вѣтрѣ, просѣкались казаки съ *съ великою нужею* цѣлыхъ два дня. Островъ лежалъ не далеко отъ устья Лены и простоять пришлось около него съ недѣлю: льды все не пускали. Приведемъ для образчика Тимоѳеева описанія нѣсколько строкъ: „А въ тѣ поры тянули,—писалъ онъ,—отдерные и прижимные вѣтры и тотъ ледъ, показалось, отнесло отъ земли прочь, и мы, Тимошка съ служилыми людьми, у Бога милости учали прошать, побѣжали за Омолоеву губу

*) Теперь Жиганскъ—крошечный *городокъ* на лѣвомъ берегу Лены, Якутской области. Жителей въ немъ всего 20 человѣкъ; самъ городъ безъуѣздный.

**) Рѣчка Омолой впадаетъ въ Борхойскую губу Ледовитаго моря, между Леной и Яной, къ югу отъ Янскаго залива.

и въ той губѣ набѣжали: ледъ ходитъ большой и въ томъ льду носило 4 дни, и мы съ великою нужей изъ того льду выбивались и просѣкались назадъ день, потому что ледъ впередъ не пропустилъ и отъ того льду бѣжали къ усть (устью) Ленѣ рѣкѣ....“ и т. д. Въ немъ стояли кочи служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, которые были посланы изъ Ленскаго острога (Якутска) въ прошломъ еще году. Кочей было восемь штукъ; они ждали попутнаго вѣтра, и когда задулъ *отдерный* (отъ земли), Тимофеевъ кочъ пошелъ вмѣстѣ съ ними на море, опять на Омолоеву губу.

Шли между большими льдами *съ великой нужей*, на силу продирались: а когда перебѣжали губу, протокъ, бывшій между льдомъ и землей, замерзъ: надо было опять просѣкаться. Общими силами удалось пробиться къ землѣ, и шли казаки возлѣ берега по заледью цѣлыя сутки *своею силой*. Подвигаясь протокомъ, встрѣтили они русскихъ людей, что шли съ рѣкъ Колымы и Индигирки и везли соболиную казну. Было у нихъ четыре коча. До Янскаго устья бѣжали казаки сутки, между льдами, *съ великою нужей*, и когда пробѣжали Янское устье, вѣтеръ перемѣнился, сталъ прижимать кочи къ землѣ, вовсе льдомъ задавилъ, притиснулъ къ берегу. Долго пришлось, въ который уже разъ, пробиваться Тимофею Булдакову *съ товарищи* сквозь ледъ, итти около самаго берега до Святого носа *), къ которому стали выбираться въ концѣ августа мѣсяца.

Отъ Святого носа бѣжали сутки до Хромой губы, которая была покрыта льдами; увидали смѣлые плава-

---

*) Выступающій въ Ледовитое море узкій лоскутъ земли между рѣками Яной и Индигиркой. Вообще *носомъ* звался небольшой острый мысъ.

тели, что и *въ морѣ далече льды стоятъ большіе*... Начались *почемержи*, т. е. вода, бывшая между обоими льдами, мерзла, покрывалась тонкою ледяной корой. Поднявъ паруса на своихъ кочахъ, казаки прорѣзались сквозь нее, и много кое-чего тѣмъ тонкимъ льдомъ потерло и попортило у ихъ посудинъ. Противъ устья рѣки Хромой *) море снова очистилось... Настала темная ночь, и на другое утро его затянуло льдомъ. Это не мало удивило казаковъ, потому что до этого въ тѣхъ мѣстахъ почемержей не было.

Дѣлать было нечего: кочи, числомъ пять, стали на протокѣ вмѣстѣ: глубина воды была сажень и рукой подать берегъ. Три дня простояли, не трогаясь съ мѣста, казацкія суда. Ледъ тѣмъ временемъ успѣлъ сдѣлаться толщиною въ ладонь. „И хотѣли,—писалъ Булдаковъ,—волочиться на землю, на партахъ, и въ Семеновъ день, волею Божіею, потянули вѣтры отдерные отъ земли, и насъ со льдомъ вмѣстѣ отнесло въ море, и къ земли (землѣ) прихватиться не можно, и несло насъ со льдомъ въ море пятеры сутки, и ледъ на морѣ остановился, и море стало, и замерзло одною ночью".

Дня черезъ два ледъ сталъ поднимать человѣка, и казаки пустились провѣдывать, въ которой сторонѣ земля; начали, не боясь смерти, ходить по человѣку, и по два, и по три. Послѣ розысковъ найденъ былъ кочъ служилаго человѣка Андрея Горѣлова. Булдаковъ не могъ проѣхать до него на своемъ кочѣ и потому пришлось итти съ торговыми и промышленными людьми по льду. Всѣхъ пѣшеходовъ было, считая съ нимъ,

*) Хромая—довольно значительная рѣка между Яной и Индигиркой.

десять человѣкъ. Спрашивали казаки, въ которой сторонѣ земля, и Андрей Горѣловъ сказалъ на это, что *домъчается онъ земли* подъ лѣтомъ (на югъ). Булдаковъ послалъ двухъ человѣкъ провѣдать, и тѣ ходили цѣлый день съ утра до поздняго вечера *подъ лѣто*, а земли не нашли.

У Андрея Горѣлова оставлены были два человѣка съ тѣмъ, чтобы сыскивали землю, Булдаковъ же самъ воротился на государевъ кочъ и сталъ дѣлать парты, чтобы свозить казну на берегъ. Въ небольшемъ каравапѣ изъ пяти кочей много было всякихъ людей, и Тимоѳей расспрашивалъ у *бывальцевъ* и у вождей, куда ему волочить государеву казну: на берегъ или къ кочу Андрея Горѣлова. Казны было много: ружья, порохъ, хлѣбъ и деньги на жалованье казакамъ. Люди, бывалые на морѣ, сказали, что лучше волочить къ Горѣловскому кочу, чѣмъ на землю, потому что тотъ кочъ къ берегу ближе, стоитъ подъ лѣто и ходу до него всего какой-нибудь день, а до земли отсюда Богъ вѣсть. Въ случаѣ если ледъ разломаетъ, говорили бывальцы, ни казаки, ни казна не пропадутъ. Кромѣ двухъ провѣдчиковъ, что были оставлены съ Горѣловымъ, послали со всѣхъ кочей еще трехъ человѣкъ искать землю.

Послѣ ихъ ухода, на утро слѣдующаго дня, казаки уложили казну на легкія санки вмѣстѣ со своимъ борошномъ, и только было расположились поѣсть на дорогу, какъ съ моря, на грѣхъ, прибыла вода и стала ломать ледъ, который былъ уже въ полъ-аршина толщиной... Понесло казака Булдакова съ товарищами со льдомъ скорѣе чѣмъ на парусахъ; кочи переломало и носило по морю пять сутокъ. Вѣтры послѣ этого стихли, начались опять *почемержи*, стало опять затягивать

воду льдомъ. „Какъ только, писалъ Тимоѳей Булдаковъ, тонкій ледъ сталъ подымать человѣка, мы съ товарищами, не хотя напрасною смертью помереть, безъ дровъ и безъ харчей—съ соленой морской воды перецынжали, а въ морѣ ледъ ходитъ по водамъ безъ вѣтру и затираетъ заторы большіе; выносили мы запасы хлѣбные изъ кочей на ледъ“.

Призвалъ Булдаковъ торговыхъ и промышленныхъ людей съ четырехъ кочей и говорилъ имъ, чтобъ они сволокли государеву казну на землю. Тѣ отказались: *мы де и сами перепропали въ конецъ и земли не вѣдаемъ, въ которой сторонѣ выпадемъ и на которое мѣсто, и будемъ ли живы или нѣтъ*“. Просили послѣ торговые и промышленные люди сроку. Въ тотъ же день пришли они на кочъ, прося дать имъ государевой казны только по фунту на человѣка. Больше, говорили они, нести намъ не подъ силу: не знаемъ сами, что впереди, будемъ ли живы. Передъ этимъ служилые люди, которые были съ Булдаковымъ, взяли каждый по три фунта на брата. Говорилъ Тимоѳей служилымъ людямъ, что государевой казны (пороху, свинцу и мѣди) осталось еще на кочѣ довольно и наказалъ не покидать ее. Отвѣчали ему на это служилые люди: „*Идемъ де мы другой годъ и государево жалованье и харчъ дорогой съѣли, безъ дровъ и харча въ морѣ перецынжали, а прежде такого тѣсна Божія не бывало и не слыхали ни отъ кого изъ бывалыхъ на морѣ людей; въ такомъ заносѣ и больше трехъ фунтовъ государевой казны волочь намъ не въ мочь, потому что нартъ и собакъ нѣтъ; далеко ли, близко ли земля—не знаемъ*“.

Самъ Булдаковъ взялъ казны волочить полпуда, а кочъ государевъ оставилъ въ морѣ. Онъ былъ помятъ и

поломали; якорь и паруса, вся судовая спасть, лодки и хлѣбные запасы, свинецъ, порохъ и товары остались на немъ. Когда казаки пошли къ землѣ, по морю заходили льды и стали ломать остальные кочи, разнося на себѣ казацкіе запасы. „И мы,—писалъ Булдаковъ,—на партахъ и веревкахъ другъ друга перетаскивали и ндучи по льду кормъ и одежу дорогой пометали, а лодокъ не взяли отъ кочей, потому что идучи моремъ оцынжали, волочь не въ мочь, на волю Божію пустились, а отъ кочей шли по льду до земли девять дней и, вышедъ на землю, подѣлали партишка и лыжишка и шли до устья Индигирки къ ясачному зимовью, къ Уяндинѣ рѣкѣ съ великою нужей, холодны и голодны, наги и босы“.

Дальше изъ донесенія Тимоѳея Булдакова видно, какъ умѣли торговые люди пользоваться казацкою нуждой. Сказалъ Тимоѳею какой-то промышленный человѣкъ Хухарка, что торговецъ Стенька Ворыпаевъ, у котораго хлѣбныхъ запасовъ было пудовъ пятьсотъ, муку до нихъ, казаковъ, перепряталъ и у иноземцевъ кормъ выкупилъ и соболей прежде государева ясака. Услыхалъ Ворыпаевъ видно отъ кого-нибудь, что казаки голодны. Служилые люди Булдакова просили Стеньку, чтобъ онъ продалъ имъ муки въ долгъ, по пять рублей за пудъ, и *кабалы* *) на себя давали. Ворыпаевъ не согласился. Давали служилые люди деньги, платье съ себя скидали, весь свой *заводишко*, говорили, что согласны на какую хочетъ цѣну за пудъ, онъ все

*) Когда человѣкъ, не имѣя чѣмъ заплатить другому человѣку, дѣлался изъ вольнаго подневольнымъ, это называлось *давать кабалы*, *закабалить себя*. Службой давшему въ долгъ платились проценты. Была кабала *срочная* и *вѣчная*.

не давалъ, „хотѣлъ насъ поморить голодною смертью“, писалъ Булдаковъ.

Муки больше ни у кого не было; рыбнаго корму—тоже. Тимоѳей, видя близкую бѣду, послалъ къ Стенькѣ пятидесятника, чтобы тотъ на самомъ дѣлѣ не вздумалъ поморить съ голоду государевыхъ людей; согласенъ былъ Булдаковъ дать за пудъ муки десять рублей. Хоть „Стенька продалъ служилымъ пяти человѣкамъ, что со мною, Тимошкой, посланы были, по $1\frac{1}{2}$ пуда на человѣка муки, а взялъ за пудъ 5 рублей, а мнѣ, Тимошкѣ, не далъ ни полпуда; и мы, Тимошка, со служилыми людьми жили на Индигирской рѣкѣ до великаго поста и ѣли лиственничную *) кору и у промышленныхъ людей, у кого выпрошаешь юколишка и рыбенки небольшое мѣсто, и тѣмъ, живучи, питались“.

У всѣхъ казаковъ была цынга и отняла послѣднія силы. Великимъ постомъ послалъ Тимоѳей Булдаковъ съ торговыми и промышленными людьми двухъ человѣкъ искать государевъ кочъ, казну и запасы, и велѣлъ, если сыщутъ, тащить ихъ на землю общими силами, а когда пойдутъ торговые и промышленные люди на рѣку Колыму, то итти съ ними, разложивъ казну по кочамъ. Самъ Булдаковъ пошелъ на Колыму черезъ горы, партами, и шелъ до рѣки Алазейки **) цѣлый мѣсяцъ, питаясь по дорогѣ корой, отъ чего чуть съ казаками вмѣстѣ съ голоду не померъ.

Съ Алазейки до Колымы шелъ онъ еще недѣлю и,

---

*) Дерево это похоже на ель: на немъ такія же темно-зеленыя иголки; но разница въ томъ, что иголки эти (хвои) на зиму опадаютъ. Кедръ и лиственница очень часто встрѣчаются въ Сибири.

**) Алазея, рѣка сѣв.-вост. Сибири, течетъ 560 верстъ, по болотистой мѣстности, глубока и богата рыбой. Впадаетъ въ Ледовитое море пятью устьями.

придя въ ясачное зимовье, принялъ его у боярскаго сына Василья Власьева, вмѣстѣ съ аманатами и государевой казной, и выдалъ служилымъ людямъ государево жалованье за прошлый (1650) годъ и впередъ за 1651.

Не одного Булдакова непривѣтно встрѣчало Ледовитое море; о морской бѣдѣ осталось еще нѣсколько донесеній: такъ, десятникъ Тарховъ, около того же времени (въ началѣ пятидесятыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка) доносилъ, что его море тоже не пропустило, потому что былъ ранній морозъ и сквозь льды нельзя было пройти. Тархова послали изъ Якутска въ Индигирскій острожекъ; суда его всѣ пропали на морѣ, а служилые люди перехворали цынгой и *поволоклися* подлѣ моря искать Индигирскаго устья, при чемъ чуть всѣ не померли съ голоду.

Гораздо позже, въ 1668 году, Семенъ Сорокоумовъ съ товарищами писалъ якутскому воеводѣ о своемъ плаваніи по Ледовитому морю, отъ Колымы до Индигирки, какъ ихъ затерло въ большіе льды и стоять пришлось въ заторѣ *шесть недѣль*, потомъ бросили и кочъ, добрались съ казной до лѣсовъ, гдѣ и поставили для нея амбаръ.

Долго еще горькій опытъ не научилъ русскихъ строить суда получше и не пускаться *на-авось* въ море: все время, пока они подвигались на сѣверо-востокъ, ледяныя горы и волны не переставали при случаѣ затирать и разметывать ихъ плохія суда, топить людей и припасы.

———

IX.

За Становымъ хребтомъ.—Семенъ Дежневъ и Михайло Стадухинъ.—На берегу Охотскаго моря.

На востокъ отъ рѣки Колымы, далеко къ сѣверу, шелъ длинный хребетъ Становыхъ или Яблоновыхъ горъ. Намъ извѣстно, что южнѣе казаки переходили черезъ него не разъ; но чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ все суровѣе погода, тѣмъ обнаженнѣе каменныя горы... Кому охота итти въ такія мертвыя мѣста, гдѣ, какъ говорится, „звѣрь не прорыскивалъ и птица не пролетывала?“ Ходили слухи (говорили погромленные дикари), что не такъ далеко, за *Камнемъ*, есть рѣка Анадыръ, что подошла она близко къ вершинѣ Ануя, а рѣка Ануй текла съ того же Камня и сливалась въ Колымское широкое устье. Нашлись охотники искать новую захребетную рѣку, гдѣ люди жили и не знали про казаковъ и ясакъ. Охочихъ людей повелъ Семенъ Мотора, но соперникомъ ему явился уже знакомый намъ *Михалко* Стадухинъ: онъ сталъ тоже собираться на рѣку Анадыръ. Ни Семену Моторѣ, ни Михалкѣ Стадухину не удалось, однако, открыть ее, увидать въ первый разъ: въ 1648-мъ году открылъ рѣку Анадыръ казакъ Семенъ Дежневъ. Не задолго до этого ему съ Никитой Семеновымъ и товарищами удалось взять въ аманаты какого-то чукча, Ангара, который и разсказалъ про захребетную рѣку. Дежневъ поставилъ на Анадырѣ острожекъ, и это маленькое казачье поселенье стало до поры до времени самымъ крайнимъ изъ русскихъ владѣній на востокѣ: до Москвы было тысячъ десять верстъ, либо больше. Попалъ Семенъ Дежневъ на Анадыръ случаемъ: 20-го іюня 1648 года разнесло его на морѣ

съ купцомъ Өедоткой безъ вѣсти: долго носило по морю смѣльчака, выплывшаго изъ устья Колымы за поисками новыхъ землицъ, носило послѣ Покрова, по словамъ Дежнева, *всюду неволей* и выбросило на берегъ въ передній конецъ, за Анадыръ рѣку.

Всѣхъ казаковъ въ кочѣ было 25 человѣкъ. Пошли они въ гору, не зная дороги, натерпѣлись холоду и голоду и оборвались всѣ. Шелъ Семенъ (Семейка) Дежневъ съ товарищами до Анадыра ровно *десять недѣль*, и попали на рѣку около устья, недалеко отъ моря *); хотѣли рыбы достать, да не могли; лѣсу тоже не было, а потому и разбрелись казаки съ голоду врозь. Вверхъ по Анадыру пошло двѣнадцать человѣкъ: ходили они двадцать дёнъ, никого не видали дорогою, даже тропъ никакихъ не нашли. Вернулись казаки, но, не дойдя за *три днища* до стана, *обночевались* и стали копать въ снѣгу ямы. Промышленный человѣкъ Өомка Пермякъ сталъ ихъ уговаривать, чтобы не ночевали тутъ, потому что до стана не такъ далеко. Соблазнясь совѣтомъ Өомки, пошелъ съ нимъ одинъ промышленный человѣкъ, Сидорка, а остальные остались въ пустынѣ, потому что были слабы и не могли съ голоду шагу сдѣлать. Өомкѣ они наказали попросить у Дежнева *постеленко спальное и парки **) худые*, да ѣды какой-нибудь, чтобы можно было имъ добрести до стана. Өомка съ Сидоркой дошли до Дежнева и сказали ему о пропадающихъ казакахъ. Дежневъ, какъ самъ говоритъ, отослалъ имъ свое послѣднее *постеленко и одья-*

*) Предъ этимъ ходили слухи о рѣкѣ Погычѣ, и Анадыръ принятъ былъ Дежневымъ за эту рѣку. Стадухинъ позже тоже искалъ Погычи, но безъ успѣха.

**) Сибирское платье изъ оленьихъ шкуръ, шерстью наружу.

лишко; но когда посланные пришли, казаковъ уже не было: можетъ статься ихъ успѣли за это время похоронить снѣжныя вьюги холодной Сибири. Двинувшись въ путь съ остальною дюжиной, Семенъ Дежневъ повстрѣчался на Анадырѣ съ Семеномъ Моторой, который дошелъ до *захребетной рѣки* сухимъ путемъ. Дежневъ и Мотора пошли вмѣстѣ. Стадухинъ шелъ позади, слѣдомъ, и грабилъ тѣхъ дикарей, которые уже дали ясакъ Дежневу. Изъ-за этого выходили у послѣдняго со Стадухинымъ ссоры и ругань.

Разъ, на глазахъ дикарей, сидѣвшихъ въ своемъ острожкѣ, Семенъ Дежневъ говорилъ Михайлѣ Стадухину, что онъ дѣлаетъ не *гораздо* (т.-е. неладно), безъ разбору грабитъ и побиваетъ иновѣрцевъ. Стадухинъ отвѣчалъ, что иновѣрцы, которыхъ онъ громилъ, люди не ясачные, не покорные; а если,—говорилъ Стадухинъ,— они ясачные, такъ иди и возьми съ нихъ ясакъ.

Дикари все сидѣли въ острожкѣ, не выходили къ казакамъ; Дежневъ сталъ ихъ звать; говорилъ, чтобы не боялись и давали ему мѣха. Когда одинъ изъ дикарей согласился и началъ передавать Дежневу соболиныя шкурки, Михалко Стадухинъ, которому стало завидно, бросился на Дежнева, вырвалъ у него ясакъ и сталъ бить по щекамъ. Не было покоя отъ жаднаго Стадухина: быть Дежневу вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ стало невтерпежъ, и, укрываясь отъ его *изгони*, онъ ушелъ съ товарищами искать рѣку Пянжину *). Три недѣли искалъ ее, такъ и не нашелъ. На Анадырѣ дюжина удальцовъ встрѣтила анаульскихъ людей, и завязался бой. У анаулей понасажены были

*) Небольшая рѣка, текущая къ югу, въ Пенжинскую губу Охотскаго моря, между Становымъ хребтомъ и Камчатскими горами.

на палкахъ топоры и ножи; ранили они одного казака въ лобъ, другого въ переносицу, кого изранили на съемномъ бою кольями... Все-таки подъ конецъ Дежневъ отбился и взялъ съ анаулей небольшой ясакъ.

Михайло Стадухинъ тѣмъ временемъ не оставлялъ его въ покоѣ: это былъ просто разбойникъ, который прямо грабилъ, *перенималъ* людей на дорогѣ и захватывалъ, что попадалось: кормъ, оружіе, платье и собакъ съ партами. Товарищи Дежнева и такъ были голодны; получше кормили только аманата, потому что боялись гнѣва государева, въ случаѣ если помретъ, сами же питались корой кедровой, да чѣмъ Богъ пошлетъ; а тутъ еще нагрянулъ Стадухинъ и обобралъ дежневцевъ дочиста, пограбя у нихъ всѣ запасы, съ которыми они шли на подмогу казакамъ въ ясачное зимовье.

Какъ видно, Дежневъ нѣсколько разъ бывалъ на морѣ, и въ тѣ шесть лѣтъ, которыя онъ пробылъ на Анадырѣ, занимаясь промысломъ, часто бывалъ и по ту, и по другую сторону Камня. Въ эти шесть лѣтъ Семену Дежневу удалось перебывать въ разныхъ далекихъ мѣстахъ. Такъ, разсказывалъ онъ послѣ, что доходилъ до *Большого Носа* *), а Стадухинъ, который тоже говорилъ про него и похвалялся этимъ, не доходилъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Семенъ Дежневъ прибавлялъ, что вышелъ Большой Носъ далеко въ море и противъ него есть острова, а на нихъ *зубатые* люди, которыхъ онъ самъ видѣлъ. Прозваны они такъ за то, что продѣваютъ въ носъ два *немалыхъ* костяныхъ

*) Нынѣшній сѣверо-восточный мысъ, вытянувшійся къ сосѣднему американскому материку. Дежнева забросило въ 1648 году именно въ эти мѣста.

зуба *). А по дорогѣ къ Носу,—говорилъ Дежневъ,—живутъ чукчи и коряки. Послѣднихъ онъ даже *громилъ* съ дюжиной своихъ товарищей. Сидѣли коряки въ крѣпкомъ острожкѣ изъ четырнадцати юртъ, а въ каждой юртѣ семей десять. Былъ бой. Казаки шли на лучниковъ не боясь; искусство было на ихъ сторонѣ. „*Пашку*,—писалъ Дежневъ,— *ранили изъ лука, а Пашка убилъ мужика изъ пищали въ високъ*".

Изъ отрывочныхъ донесеній Семена Дежнева, причемъ навѣрное не извѣстно даже, въ какое время гдѣ онъ былъ, видно, что широкій проливъ, отдѣляющій Сибирь отъ недавней Русской Америки, былъ открытъ имъ. Лѣтъ восемьдесятъ спустя ученый путешественникъ Берингъ, родомъ датчанинъ, искалъ на далекомъ сѣверѣ пролива между азіатскимъ и американскимъ материками. Поиски удались: онъ нашелъ его, и проливъ окрестили его именемъ.

Разница между сказанными двумя открытіями та, что Дежневъ даже и не думалъ, что открылъ что-нибудь важное, потому что и не зналъ, есть ли какая-нибудь Америка, или нѣтъ; Берингъ же на самомъ дѣлѣ открылъ, а не *наткнулся*, потому что *искалъ*, пользуясь при этомъ разными знаніями. Дежневъ завелъ рѣчь о своихъ мытарствахъ около Большого Носа, потому что Стадухинъ ужъ очень хвасталъ, выдавалъ себя за бывальца.

Что за рѣка была Анадыръ, по сосѣдству съ которою былъ ужъ не конецъ ли полно обширной Сибирской земли? По описанію того времени, она была не лѣсна и соболей по ней немного: съ вершины—неболь-

*) Это своего рода украшенье у дикарей, какъ у насъ серьги, кольца, бусы и пр.

ной листвякъ, днищей на шесть, либо на семь, и никакого чернаго лѣсу, кромѣ березы, да осины. Есть еще кое-гдѣ тальникъ, *а лѣсу отъ береговъ не широко,*—все тундра, да камень. Много бѣдъ и лишеній избыли служилые и промышленные люди на этой далекой рѣкѣ. При недостаткѣ припасовъ занять даже было не у кого, потому что кругомъ не было ни одного *заводнаго* человѣка. Хлѣба не было вовсе и ждать нечего: приходилось перебиваться рыбнымъ кормомъ, опуская въ рѣку *пущальницы* съ крутыхъ каменистыхъ береговъ. Подняться, жаловались служилые и промышленные люди,—съ государевой казной нечѣмъ, потому что *„голодны, кормомъ нужны, ѣдимъ заморную рыбу кету“ *)*. Изъ Якутска посланъ былъ на открытую Семеномъ Дежневымъ Анадыръ рѣку стрѣлецкій сотникъ. Позже Стадухинъ доносилъ о той же рѣкѣ, что онъ ходилъ на море съ Юшкой Селиверстовымъ, что былъ у коряцкихъ людей, обходился безъ хлѣба и чуть съ товарищами не померъ. Съ великою нужей достали казаки лѣсу для судовъ, *съ боемъ и за кровью.* Какъ пошли съ Анадыра моремъ, видѣли довольно *нужы и бѣдности:* отъ иноземцевъ много приняли ранъ и смертнаго убойства, а отъ моря приняли много потопу.

Всѣ казаки, заходившіе на сѣверо-востокъ Сибири, собирали на берегу моржовую кость. Такъ, Дежневъ промышлялъ четыре раза и видѣлъ въ Анадырскомъ устьѣ много моржей, на цѣлую версту, да въ гору саженъ на сорокъ. Промышляли и Василій Бугоръ и Юшка Селиверстовъ, каждый на своей *коргѣ **)*. Юшка,

---

*) *Кета* или *койку*—рыба изъ семейства лососей (семги), въ родѣ пеструшки (форели). Ея много въ Охотскомъ морѣ.

**) *Корга* или *карга*—береговая каменистая розсыпь, отмель.

отписывая о моржовомъ промыслѣ, говоритъ, что *упромышлялъ* на коргѣ пятьдесятъ пудовъ моржоваго зуба. Дежневъ, по словамъ Юшки, не пускалъ его на свою коргу собирать заморныя кости. По отзыву Селиверстова, рѣка Анадыръ—*нужная* рѣка и рыбы *кеты* на ней много. Идетъ эта рыба изъ моря вверхъ и назадъ не ворочается; тѣломъ худа, не жирна, а на каждаго человѣка, чтобы ловить ее, надо *пущальницъ* десять.

Почти во всякомъ донесеніи казаки на что-нибудь жаловались: либо на недостачу, либо на безпорядокъ жаловался подъ конецъ и Юшка Селиверстовъ на какого-то Данилу Филиппова. „Охочій служилый человѣкъ, Данило Филипповъ,—писалъ онъ,—пришелъ въ приказъ и сталъ меня, Юшку, бранить и за бороду драть, и половину бороды выдралъ, и къ дверямъ меня за бороду сволокъ...“ и т. д. Такія жалобы были тогда зауряд.

Спустимся теперь на югъ отъ Анадыра, вдоль той захребетной стороны, которая тянется узкою полосой по берегу Охотскаго моря, гдѣ сбѣгаетъ въ него много быстрыхъ небольшихъ потоковъ. Здѣсь русскіе долго не могли укрѣпиться. Въ началѣ второй половины шестисотыхъ годовъ Иванъ Аѳанасьевъ съ товарищами бралъ Охоту *) *за большимъ боемъ:* тунгузовъ было больше тысячи человѣкъ, а казаковъ всего пятьдесятъ четыре! Тунгузы да якуты, жившіе по сосѣдству съ ними, то и дѣло вставали на русскихъ, чаще все изъ-за того, что сибирская управа и порядки были дурны, а Москва, изъ которой шли указы о людскомъ обращеніи

---

*) Движеніе русскихъ къ *Охотѣ* началось около сороковыхъ годовъ семнадцатаго вѣка, въ одно время съ движеніемъ на югъ—къ Байкалу и Амуру.

съ иноземцами, была за тридевять земель *). Да будь она и ближе, трудно было бы все-таки что-нибудь подѣлать тамъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ была корысть и нажива, покорявшія самыя глухія мѣста далекаго востока. Не даромъ же, какъ мы видѣли, наказывалось какому-нибудь десятнику съ цѣловальникомъ и служилымъ людямъ *не корыстоваться* государевыми соболями и мягкою рухлядью. Значитъ, былъ грѣхъ. Ну, казной корыстоваться, думали въ Сибири, грѣшно и страшно, а отъ нехристя отчего же не попользоваться?.. И брали втрое.

Когда дикарей такъ тѣснили, они подымались, примѣры чего мы видѣли прежде и еще увидимъ впереди.

Такими же притѣсненіями казаковъ недовольны были и на рѣчкѣ Охотѣ; а такъ какъ русскихъ людей была на ней какая-нибудь горсть, то нападенія дикарей становились все чаще и смѣлѣе. Приведемъ нѣсколько донесеній изъ тѣхъ мѣстъ. Они любопытны еще и потому, что нерѣдко въ нихъ кое-что объясняется о тогдашней жизни и сибирскихъ порядкахъ.

Служилый человѣкъ Семенъ Епишевъ доносилъ о томъ, какъ онъ принялъ охотскій острожекъ въ свое вѣдѣніе и какъ дѣйствовалъ противъ иновѣрцевъ—*ламутовъ* **). Писалъ Епишевъ, что вышелъ съ Лены на знакомую уже казакамъ захребетную рѣчку Улью; что Улья—рѣчка быстрая и *убойныхъ* мѣстъ на ней много: плавать трудно, за то коротка очень: въ одинъ день можно до моря доплыть. Не разъ бросало казаковъ на камень, а ихъ было не мало, и особенно стра-

*) Сибирь была изъ такихъ мѣстъ, про которыя говоритъ извѣстная русская пословица: *до Бога высоко, до царя далеко.*

**) Отъ слова *лама*—вода, т.-е. люди, жившіе возлѣ воды, *приводные.*

шенъ былъ „*Большой Боецъ*“, около котораго разбило одного служилаго человѣка. Енишевъ вышелъ въ море устьемъ Улья и поплылъ на Охоту рѣку, что была сѣвернѣе. Говорилъ *Сенька* поднявшимся иновѣрцамъ, чтобъ они *дурость свою покинули*, что иначе будетъ плохо. Въ тѣ далекія, темныя времена имъ въ Сибири на самомъ дѣлѣ приходилось дорого расплачиваться за свои *скопы* и поднятія, которыя Сенька называлъ *дуростью*. Тѣлесное наказаніе и пытка, изъ которыхъ послѣдней теперь нѣтъ и въ поминѣ, а первое оставлено только для нѣкоторыхъ случаевъ, были въ семнадцатомъ вѣкѣ въ полномъ ходу. Поднимавшихся дикарей вѣшали, пытали, жгли и засѣкали. Темное допетровское время клало на все свой грубый оттѣнокъ. Изъ тогдашнихъ дѣлъ видно, что особенно сильно поплатились за свое поднятіе якуты (въ сороковыхъ годахъ). Ревностнымъ исполнителемъ воеводскихъ приказовъ, которые шли часто въ разрѣзъ съ указами царя: *поступать лаской, а не жесточью* и не тѣснить ясачныхъ людей,—мы видимъ знакомаго казака Василія Пояркова. Извѣстно, что позволялъ онъ себѣ дѣлать съ земляками,—такъ была ли у него жалость къ иноземцамъ. Но пора вернуться къ Енишеву. Онъ, справившись съ тунгузами, погромивъ ихъ, взялъ ясырю 17 бабъ да одного парнишку *), кромѣ разныхъ вещей. Дальше сообщалъ о распорядкахъ въ охотскомъ острожкѣ и о казачьей управѣ, или скорѣе самоуправствѣ. Оказывается, что аманатовъ держали въ такой угарной и крошечной *казенкѣ* **), что ихъ зачастую вытаскивали

*) Дѣти цѣнились при продажѣ дешевле бабъ: за нихъ давали три, четыре рубля.

**) *Казенка* собственно значитъ тюрьма, клѣтушка.

оттуда *займорты*; а извѣстно, что аманатовъ (лучшихъ людей изъ туземцевъ) берегли, и поэтому не трудно догадаться, что у самихъ казаковъ жилье было если и не хуже, то и не лучше аманатской казенки. Въ Охотскомъ острожкѣ была во многомъ нужда и недостача: надобились мелочи разныя: замокъ съ пробоемъ на амбаръ, желѣзо, бумага, *одекуй* (бисеръ) для подарковъ и торгу. Перечислялъ Епишевъ, сколько убыло людей: кто убитъ, *кто собой померъ*. Изъ домашнихъ дѣлъ доносилось о своевольствѣ казаковъ, которые его (Епишева) не слушались и хотѣли посадить въ воду. Между собой служилые люди тоже не ладили: вымогали другъ у друга нажитое добро, дрались. Одного служилаго человѣка били товарищи съ утра до полудня палкой по ногамъ; другого хотѣли за что-то *разоровать* *).

Бѣжали разъ служилые люди съ устья Охоты на *Мотыхлей* рѣку моремъ, подлѣ берега, на парусахъ, и бѣжали цѣлые сутки до моржоваго мыса. „*На томъ на моржовомъ мысу*, говорили казаки, *версты на пять и больше звѣря моржу лежитъ на берегу добре много*. На Мотыхлеѣ рѣкѣ, куда они шли, били тунгузы пришельцевъ украдомъ, всячески старались поджечь зимовье. Бились съ ними казаки и послѣ боя забрали много тунгузскаго оружія и снаряда: 40 луковъ, 4 рогатины, 24 *откаса*, 10 костяныхъ куяковъ, да 17 шишаковъ тоже костяныхъ, 65 лыжъ, 10 костяныхъ крюковъ съ двумя желѣзными баграми зимовье разволакивать. Одинъ изъ аманатовъ, доносили казаки, *видя надъ на-*

*) Такая казнь была у русскихъ въ употребленіи съ очень давнихъ поръ. Еще и теперь сохранилась угроза: „*Я бы его по ногѣ растащилъ*“.

ми милость Божью, что роду его, тунгузовъ, много побито, въ казенкѣ сидя, *съ сердца умеръ*; а другой аманатъ тоже умеръ сидя въ казенкѣ, *съ сердца на спицу накололся*. Жаловались русскіе, что имъ отъ иноземцевъ житья нѣтъ, что очень иноземцы жестоки, и просили государя пожаловать чѣмъ-нибудь за службу, за кровь и за раны. На Охотѣ казакамъ жить было *не въ силу*, потому что ламуты то и дѣло сговаривались выгнать ихъ: а ратныхъ людей въ острожкѣ было немного: какимъ-нибудь двумъ десяткамъ случалось отбиваться и отсиживаться за стѣнами чуть не отъ всего племени. Въ 1654-мъ году ламутамъ удалось сжечь Охотское укрѣпленіе до тла, такъ что новые, высланные изъ Якутска люди должны были выстроить новое жилье на безпокойномъ восточномъ побережьи Въ 1665 году одинъ важный тунгузъ, Зелемей, объявилъ начальнику Охотскаго острога, что пришли неясачные люди и ясачныхъ *въ шатость призываютъ*. Ему повѣрили, и выслано было изъ-за стѣнъ 50 казаковъ звать въ острогъ неясачныхъ людей лаской, а не *жесточью*. Казаковъ Зелемей съ товарищами подстерегъ и убилъ на дорогѣ. Послѣ сталъ подучать земляковъ подняться на русскихъ.

— Чего вы смотрите,—говорилъ онъ имъ? Перебьемъ всѣхъ казаковъ на Охотѣ, а послѣ того и на другихъ рѣкахъ, и станемъ платить небольшую дань *богдоямъ* (китайцамъ). Давно ждутъ къ себѣ казаки большихъ людей въ подмогу, да вотъ все нейдутъ они: а если что, такъ мы заляжемъ на дорогѣ и ихъ перебьемъ. Ведите съ казаками дѣла, какъ я веду, и вамъ будетъ ладно.

Тунгузы не рѣшались напасть на острогъ, потому

что въ немъ были ихъ аманаты. Какъ-то удалось казакамъ захватить нѣсколько человѣкъ и допросить, и разсказали пойманные, что замышляли ихъ земляки.

Пущинъ, начальникъ острога, велѣлъ поправить ветхое Охотское укрѣпленіе и поставить на стѣнѣ для страха *деревянную* пушку (другихъ не было). Дѣло кончилось на этотъ разъ мирно; только для страха же повѣсили нѣсколькихъ тунгузовъ. Въ семидесятыхъ годахъ тунгузы воровски перебили ясачныхъ сборщиковъ. Оправдывали они себя тѣмъ, что побили ихъ по случаю сильныхъ обидъ и налоговъ Юрья Крыжановскаго, прикащика Охотскаго острожка. Бралъ у нихъ Юрій соболей и оленей силой и плевалъ имъ въ глаза, говоря, что мало носятъ, выискивалъ самыхъ малыхъ ребятъ и требовалъ съ нихъ ясакъ.... Собралось 8 человѣкъ тунгузовъ: Годниканко да Некрунко, съ братьями Бѣшкой да Лидуткой, да Конашанко съ сыномъ, да Ивганко, да Оладьица, и пришли они всѣ ночью къ Охотскому острожку, крадучись. Была на одномъ казачьемъ дворѣ баба ясырка (Мареуткой звали); увели ее тунгузы вмѣстѣ съ другой наемной дѣвкой землячкой, и спрашивалъ Некрунко, сколько въ острогѣ казаковъ. Разсказала баба, что здоровыхъ немного: всего десятка съ два: есть увѣчные, слѣпые да кривые и хворые—такіе, что и изъ пищали выстрѣлить не могутъ. Пошелъ Некрунко на острожекъ Охотскій всѣмъ родомъ и Зелемейко съ нимъ и много другихъ князьковъ-родовичей. Пришли иновѣрцы подъ острогъ въ куякахъ и шишакахъ, въ *нарыщняхъ* и со щитами. Было это дѣло 7-го января, на зарѣ. Увидали русскіе, какъ они обходили казачьи дворы, стоявшіе за острогомъ, и выслали къ нимъ толмача, а съ толмачемъ

шесть казаковъ, на разговоръ. Перекликался толмачъ съ Землемейкой:

— Что васъ больно много пришло? Зачѣмъ вокругъ острога стали?

Звалъ толмачъ Землемея въ острогъ, къ казакамъ.

— Не пойду, отвѣчалъ Землемей;—а зачѣмъ мы подъ васъ пришли—сами узнаете.

Тѣмъ временемъ тунгузы крались берегомъ, хотѣли вышедшимъ изъ острога казакамъ дорогу отрѣзать; но тѣ успѣли вернуться за частоколъ. Начался приступъ и тунгузы обсадили дворъ Юрія Крыжановскаго, выбили у избы окна и огонь развели подъ стѣной; зашли въ казачьи дворы и начали изъ нихъ стрѣлять по острогу изъ луковъ, и *стрѣлъ на острогъ полетѣло со всѣхъ сторонъ, что комаровъ.* Юрій сталъ кричать, просить выручки. Вышли казаки въ бой и *отшатили* тунгузовъ съ немалымъ трудомъ.

Разсерженные дикари вездѣ караулили казаковъ: на дорогахъ и въ лѣсу, на промыслахъ и около зимовыхъ избъ. Хотѣли тунгузы дощаники всѣ пожечь и по одинокимъ ясачнымъ зимовьямъ перебить всѣхъ служилыхъ людей. Долго сидѣли русскіе въ Охотскомъ острожкѣ, въ осадѣ и страхѣ, и день и ночь караулили и на башняхъ, и на стѣнахъ, не ходили ни по дрова, ни по рыбу, потому что людей было мало, а запасу и того меньше. Убивъ какого-нибудь казака, тунгузы и другіе иновѣрцы радовались и всячески издѣвались надъ трупомъ. Пониже юрты одного изъ тунгузовъ подняли тѣло казака толмача. Убитъ онъ былъ по приказу Некрунки. „Если ты, грозилъ онъ тунгузу, не убьешь его, такъ я тебѣ обрѣжу носъ и губы, а то и вовсе убью самого!“ Колотили тунгузы раненаго толмача пал-

ками, ремень на шею накинули и додавили, вдоволь наругавшись. Часто находили русскіе мертвыя тѣла своихъ товарищей. Тѣла эти были не рѣдко страшно изуродованы, и въ донесеніи говорилось, что такому-то казаку *грудь спороли, сердце вынимали*, или *ругались; руки обсѣкли и брюхо пороли, горло перерѣзали, глаза выкопали*. Такъ мстили сибирскіе дикари.

Перебираясь отъ устья одной рѣчки до устья другой (путь берегомъ былъ труднѣе), казаки все больше и больше знакомились съ *захребетною* стороной восточной Сибири, на краю которой надвигался и расходился этотъ хребетъ къ морю, образуя другой *Каменный Поясъ*, далеко длиннѣе покинутаго казаками Урала. *Чертежи*-описанія всѣхъ рѣчекъ и потоковъ, сбѣгавшихъ по крутымъ склонамъ въ Охотское море, кромѣ Анадыря съ притоками, ушедшаго на сѣверъ, составлялись *землепроходцами* старательно. Кромѣ описанія дороги попадались въ описяхъ и другія подробности. Вотъ небольшой отрывокъ изъ одной: „*И отъ той рѣчки итти возлѣ утеса день своею силой, а камени тому имя Евакинъ, а конецъ того камени у губы, и въ губу пала рѣчка Шелканта и отъ той неподалеку другая рѣчка имя Мана, а отъ той рѣчки моржовый мысъ видѣнъ и до того мыса итти день своею силой, имя тому мысу Мотосу, и на томъ мысу моржи ложатся и становье есть. Пройдя моржовый мысъ—губа не велика, а отъ той губы итти до рѣчки Петушковой полдня. На устьѣ той рѣчки стоитъ островокъ каменный, а на томъ островкѣ плодятся пѣтушки морскіе* *), *имя той рѣчки*

*) Такъ зовутся турухтаны, небольшія птицы изъ той породы, про которую есть русская поговорка: *куликъ—у него носъ великъ*. Отличка турухтана самца—грива изъ перьевъ около шеи.

Укаль и рыба въ ту рѣчку лазитъ съ моря, а отъ той рѣчки до рѣки Томляки съ день ходу, парусомъ тихій поносъ; а отъ той рѣчки итти день до рѣчки Шукилканъ, а рыба въ ту рѣку лазитъ. а отъ той рѣчки итти день водлѣ озера, край моря, и озеро велико, и рыба въ немъ есть, а сшитъ та рыба въ озерѣ свився, что змія и т. д. Еще около 40-го года семнадцатого вѣка русскіе увидали на востокѣ край Сибири и взглянули на Охотское море: но на югъ отъ Анадырскаго острога, по доходившимъ давно слухамъ, тянулось много земли, не на одну сотню верстъ. Лишь подъ исходъ шестисотыхъ годовъ была открыта, какъ увидимъ, эта новая сторона.

X.

Владиміръ Васильевъ Атласовъ и Данило Анцыфоровъ.

Въ числѣ бѣдныхъ крестьянскихъ семей, которыхъ нужда заставила переселиться за Уральскія горы, была и семья Атласовыхъ. До этого Атласовы проживали въ Устюгѣ, но видно заработки были плохіе, и потому въ извѣстіяхъ о сынѣ Василья Атласова, Владимірѣ, сказано прямо, что они выѣхали въ Сибирь „*отъ скудости*". Когда семья переселилась на новыя мѣста, Владиміру было еще не много лѣтъ. Свои молодые годы онъ прокочевалъ по Восточной Сибири, перебывалъ во многихъ ленскихъ городахъ, потомъ записался въ якутскіе казаки и началъ справлять государеву службу.

Переходя до этого изъ города въ городъ, молодой Атласовъ искалъ такой работы, которая была бы прибыльнѣе. Сибирскому взрослому поселенцу не приходилось, какъ въ сказкахъ говорится, „*отъ дѣла лы-*

тать",—вѣдь не одна добрая воля подымала въ Сибирь съ стараго дѣдовскаго мѣста.

На службѣ Атласову посчастливилось дойти до званія пятидесятника, а въ 1695 году его послали изъ Якутска въ Анадырскій захребетный край прикащикомъ тамошняго глухого острога. Пославшій его воевода (Арсеньевъ) отрядилъ съ нимъ 13 казаковъ и наказалъ собирать старательно ясакъ съ живущихъ по тѣмъ мѣстамъ коряковъ и юкагировъ, развѣдывать о сосѣдяхъ, и ежели услышитъ про кого, итти покорять. Весной 1695 года выступили изъ Якутска 14 служилыхъ людей. Лѣса, болота да камень — вотъ что вперемежку виднѣлось по сторонамъ и подъ ногами во всю долгую дорогу. Цѣлыхъ пятнадцать недѣль шелъ Атласовъ до Анадырскаго острога. Пробирались и пѣшкомъ, и на лошадяхъ, и на оленяхъ, а то водой сплывали, гдѣ надо. Когда лѣто пошло на исходъ, кончилась трудная путина.

Усердно сталъ выполнять Атласовъ данные воеводой наказы. Можетъ статься, много помогло этому его прежняя бродячая жизнь, нужда, которую онъ терпѣлъ съ дѣтства, и долгое исканье подходящаго дѣла. Жить прикащикомъ въ далекомъ острогѣ было выгодно, а подъ бокомъ еще, слышно, не открытая, незнаемая земля: можно, выходитъ, и царю и себѣ порадѣть. Очутясь съ горстью подручныхъ людей на самомъ краю сѣверовосточной Сибири, Владиміръ Атласовъ сталъ полнымъ господиномъ, потому что Якутскъ былъ далеко, а Москва еще дальше. На первыхъ порахъ онъ началъ собирать вѣсти и слухи отъ коряковъ и юкагировъ, которые бродили здѣсь со своими стадами оленей, о томъ, есть ли на самомъ дѣлѣ, по близости къ югу, большая и богатая мѣхами сторона.

Слухи о ней ходили давно и пошли въ первый разъ отъ смѣлаго бывальца Семена Дежнева. Еще въ 1654-мъ году услыхалъ, говорятъ, онъ отъ какой-то бабы-ясырки, что не подалеку отъ Колымы лежитъ богатая земля Камчатка, что много въ ней соболей и рыбы всякой. Отъ того же Дежнева слышали, что первому удалось побывать въ ней гостю Ѳедоту Алексѣеву. Его занесло сильною бурей на незнакомый берегъ, а плылъ, по слухамъ, Ѳедотъ на семи кочахъ изъ устья рѣки Колымы. Суда покидали, и привелось зазимовать на неизвѣстной землѣ.—Нужные припасы нежданные гости отнимали у коряковъ силой, а ружейнымъ боемъ навели на нихъ такой страхъ, что дикари долгое время боялись подойти къ *огненнымъ* людямъ. На грѣхъ, между русскими вышла изъ-за чего-то драка и одинъ человѣкъ былъ убитъ. Коряки были сильно удивлены: они до этого вѣрили, что люди закинутые бурей—безсмертны, потому что стрѣла и копье не могли съ ними ничего сдѣлать, теперь же эта вѣра рушилась. Смерть одного изъ русскихъ порѣшила судьбу остальныхъ. Ѳедотъ Алексѣевъ сложилъ свою голову недалеко отъ рѣчки Тагили; его люди были всѣ перерѣзаны коряками. До Якутска вѣрные слухи о Камчатской землѣ дошли только въ 1690-мъ году, въ то время, когда на русскомъ престолѣ сидѣлъ молодой царь Петръ, а пять лѣтъ спустя дѣла сѣверо-востока перешли, какъ намъ извѣстно, на руки казаку Атласову.

Старые слухи о Камчаткѣ подтвердились новыми слухами, и Владиміръ Васильевъ, не мѣшкая, отправилъ разузнавать о ней Луку Морозко съ 15-ю служилыми людьми. Морозко зашелъ съ товарищами дальше, чѣмъ было наказано, побывалъ на рѣкѣ Тагили и взялъ ясакъ

съ одного коряцкаго острожка. До рѣки Камчатки оставалось всего какихъ-нибудь четыре дня пути, но Морозко не пошелъ впередъ, а вернулся къ Атласову съ пріятными вѣстями, ясакомъ и какой-то непонятою бумагой, которая вся была написана не нашими словами. Бумага эта была взята вмѣстѣ съ другимъ добромъ въ объясаченномъ острожкѣ. По сердцу были Атласову принесенныя вѣсти: впереди виднѣлась уже богатая нажива, новый край, полнымъ господиномъ котораго будетъ опять-таки не кто другой, какъ онъ, *Володимеръ Отласовъ* *). Лука Морозко, думалось ему, съ горстью людей и то зашелъ далеко, а если взять людей побольше, тогда навѣрняка можно будетъ пройти всѣмъ краемъ и покорить его. И вотъ весной слѣдующаго (1697) года Атласовъ собралъ 120 человѣкъ, изъ которыхъ половина была изъ русскихъ, а половина изъ юкагировъ, и выступилъ изъ Анадырскаго острога.

Скоро послѣ этого имя Атласова сдѣлалось извѣстнымъ. Дѣла пошли успѣшно: три коряцкихъ селенья выплатили ясакъ безъ боя; одни камчадалы заупрямились и стали биться съ русскими, при чемъ Атласовъ потерялъ 5 человѣкъ, но битву выигралъ. Въ память этой первой кровавой встрѣчи съ туземцами Владиміръ Васильевъ поставилъ высокій деревянный крестъ, на которомъ были, говорятъ, написаны такія слова: „*7205-й годъ отъ сотворенія міра, или 1697 годъ по Рож. Христовомъ, іюля 13-го дня поставилъ сей крестъ пятидесятникъ Володимеръ Отласовъ съ товарищи 53 человѣкъ*".

Дорога, которою шли казаки, была гористая; на югъ уходилъ покрытый лѣсами каменный хребетъ и не

---

*) Такъ писалось въ то время его имя.

извѣстно, далеко ли шелъ; по ту и по другую сторону не широкой полосы Сибирской земли разстилалось море. Отъ рѣчки Капучи, около которой поставленъ былъ деревянный крестъ (теперь отъ него, понятное дѣло, и слѣдовъ никакихъ нѣтъ), Атласовъ велѣлъ двинуться двумъ отрядамъ. Горы, что шли серединой, не позволяли видѣть того, что за ними, и одна часть служилыхъ людей пошла съ Морозкой вдоль берега Восточнаго моря, а другую повелъ самъ Атласовъ берегомъ Пенжинскаго *).

Онъ съ своимъ отрядомъ чуть не попалъ въ большую бѣду: юкагиры, бывшіе съ нимъ, взбунтовались и неожиданно бросились рѣзать казаковъ. Убить имъ удалось только троихъ, а ранить человѣкъ пятнадцать, въ томъ числѣ и Атласова. Справившись съ измѣнниками юкагирами, русскіе, не боясь убыли, пошли дальше къ югу. На рѣкѣ Тагили Морозко и Атласовъ встрѣтились, потому что рѣка эта пробивалась между горами, отъ востока къ западу, и по ней-то сплыли казаки къ своимъ товарищамъ. Отсюда оба отряда пошли вмѣстѣ. По всей дорогѣ Атласовъ собиралъ ясакъ и дошелъ до самой крайней изъ западныхъ рѣчекъ—Камчатки-Озерной. Не далеко было то мѣсто, гдѣ кончался серединный хребетъ и пускалъ отъ себя въ море широкій и плоскій мысъ—Лопатку, конецъ Камчатскаго полуострова. Море шумѣло и направо, и налѣво, и впереди. На обратномъ пути въ одномъ Камчадальскомъ поселеньи на рѣчкѣ Ичѣ захваченъ былъ какой-то чужеземецъ. Разсказывалъ онъ, что два года назадъ выкинула его въ эти мѣста буря; что до этого жилъ онъ въ прекрасной и плодородной землѣ *Узакинской* **). Чужеземецъ былъ

*) Заливъ Охотскаго моря, въ который течетъ рѣка Пенжина.

**) Японской.

у камчадаловъ ясыремъ. Атласовъ взялъ его и повезъ съ собой, называя *„полонянникомъ Узакинскаго государства“*. На рѣкѣ Камчаткѣ русскіе заложили острожекъ, назвали его Верхне-Камчатскимъ и оставили въ немъ 15 казаковъ. Дѣло закрѣпленія земли шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Участь оставшихся была, однако, не изъ веселыхъ: туземцы стали такъ безпокоить этихъ новыхъ поселенцевъ, что тѣ рѣшили бѣжать и бросить все. Разбѣжавшись въ разныя стороны, казаки попали, что называется, изъ огня да въ полымя, и всѣ до одного были перебиты озлобленными коряками. Атласовъ видѣлъ, что малымъ числомъ людей Камчатку удержать не въ мочь.

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ Владиміръ Васильевъ Атласовъ ступилъ на эту новую землю. Оставивъ въ Анадырскомъ острогѣ 28 человѣкъ, онъ лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, 1700-го года прибылъ въ Якутскъ доложить о покореніи Камчатки и богатствахъ этого края. Край могъ приносить новые доходы казнѣ да и холодовъ въ немъ такихъ не было, какъ гдѣ-нибудь около Якутска, на Ленѣ, а это дѣло не послѣдней важности.

Атласовъ былъ отправленъ съ добытою казной въ Москву, куда и пріѣхалъ на слѣдующій годъ. Въ русской столицѣ много было разныхъ *приказовъ*, *) въ томъ числѣ и Сибирскія дѣла. Въ него-то долженъ былъ Атласовъ сдать собранный по Камчаткѣ ясакъ. „Въ *Сибирскомъ приказѣ объявилъ* (говорится про него въ тогдашнихъ бумагахъ) *камчатскаго ясака не малое число*“. Было 80

*) Приказы можно сравнить съ теперешними министерствами: одинъ приказъ вѣдалъ военныя дѣла, другой сношенія съ иностранными государствами, третій—дворцовыя и т. п. дѣла.

черныхъ соболей, 7 лоскутьевъ бобровыхъ, 70 лисъ сиводушекъ, 191 красная, да парка соболиная. Милостиво приняли Атласова и пожаловали въ казацкіе головы. Отпустили съ нимъ изъ Москвы ратныхъ людей; даны пушки съ пищалями, нѣсколько пудовъ свинцу да зелья. Въ Тобольскѣ обѣщали запасу прибавить, а подъ начало Атласову, покорителю Камчатки, дать 30 боярскихъ дѣтей и барабанщика съ сиповщикомъ (трубачемъ). До сихъ поръ рѣчь шла о подвигахъ и походахъ устюжанина Атласова, о томъ, какъ онъ справлялъ государеву службу; но въ дорогѣ случилось съ нимъ одно происшествіе, которое можетъ объяснить и многое другое. Такъ какъ нѣтъ прямыхъ извѣстій о томъ, что за человѣкъ былъ Владиміръ Васильевъ до пріѣзда въ Москву и мы ничего объ этомъ не говорили, то все, что будетъ сейчасъ разсказано, пожалуй, покажется страннымъ: человѣкъ вѣдь не можетъ же сдѣлать что-нибудь неподходящее своему характеру, *такъ—ни съ того, ни съ сего*. Дѣло въ томъ, что, идучи на судахъ по рѣкѣ Тунгузкѣ, Атласовъ *разбилъ* (ограбилъ) дощаникъ гостя Логина Добрынина, нагруженный китайскимъ товаромъ. Сдѣлалъ это Атласовъ *„по духу храбрости своей“*. Прикащикъ гостя подалъ на него челобитную въ Якутскъ, и Владиміра Васильева съ главными заводчиками (числомъ 10 человѣкъ) посадили въ тюрьму, гдѣ и пришлось ему, говорятъ, высидѣть лѣтъ пять. Если Атласовъ не задумался разбить судно богатаго русскаго гостя, то можно сказать навѣрняка, что во время своихъ камчатскихъ походовъ онъ удачнѣе обдѣлывалъ свои дѣла и велъ себя если не хуже, такъ и не лучше. Бояться, я говорилъ, было не кого. Пять лѣтъ просидѣть въ тюрьмѣ не шутка, и не дай Богъ попасть туда

неповинному человѣку: мало ли чему онъ тамъ научится да чего наглядится,—вѣдь въ острогѣ всякій людъ сидитъ. Про Атласова же совсѣмъ другая рѣчь. Долгое сидѣнье въ четырехъ стѣнахъ, подъ стражей, и тоска по волѣ—все это могло его только озлобить: портить было нечего. Въ 1706 году выпустили Атласова и опять по-старому назначили прикащикомъ въ Камчатку, помня его распорядительность и управу.

Дано ему было не малое число служилыхъ людей, двѣ мѣдныя пушки и приказано при нуждѣ казнить инородцевъ смертью, а подначальныхъ за провинности бить батогами и даже кнутомъ *). Дана была, однимъ словомъ, надъ служилыми полная власть. На Атласова надѣялись, что онъ заслужитъ свой прежній разбой новыми удачными походами, наказывали ему *оказать крайнюю ревность* въ отысканіи земель и людей, не чинить послѣднимъ обидъ и налоговъ, не быть жестокимъ, если можно что-нибудь сдѣлать лаской и проч. За жестокое обращеніе грозили даже Атласову казнью: посылавшіе, видно, знали про его характеръ; можетъ-быть, получали уже на него и жалобы. Въ Камчаткѣ ничего, почитай, не было устроено; камчадалы подымались то и дѣло: надо было послать туда человѣка строгаго, котораго бы боялись, а для этого, видно, лучше Атласова не нашли.

Безъ него за пять лѣтъ много перемѣнилось въ покинутой сторонѣ: смѣнилось не мало прикащиковъ, не мало легло и служилыхъ казаковъ. Туземцы, особливо коряки, убивали которыхъ по дорогамъ, которыхъ по острожкамъ. Такъ, на Бобровомъ морѣ убитъ былъ

---

*) Жестокое тѣлесное наказаніе, отмѣненное лѣтъ пятьдесятъ назадъ.

ясачный сборщикъ и бывшіе съ нимъ пять человѣкъ: были случаи и въ другихъ мѣстахъ. Уйти русскимъ изъ Камчатки было трудно, опасно: кругомъ чужой народъ, а камчадалы давно рѣшили избавиться отъ нихъ, думая, что пришлые люди -не больше, какъ бѣглые, и что ихъ мало. На каждомъ шагу надо было остерегаться, какъ бы врасплохъ не напали да не перерѣзали. Заселенье и закрѣпа Камчатки шли туго, хоть и выростали кое - гдѣ по рѣчкамъ казачьи зимовья. Русскимъ удалось разъ пробраться и на Курильскіе острова, что длинною полосой тянутся на югъ отъ Камчатской Лопатки вплоть до Японскихъ островов. Десятка два курильцевъ выплатили ясакъ, а остальные разбѣжались. Прочнаго въ этомъ ясакѣ ничего не было, а было пока одно удальство—и только. Въ такомъ положеніи долженъ былъ Атласовъ принять камчатскія дѣла.

Еще не успѣлъ, однако, доѣхать онъ до Анадырскаго острога, какъ почти всѣ служилые, надъ которыми дана ему была такая власть, подали на него челобитныя въ Якутскъ и въ нихъ жаловались на безвинные побои и разныя обиды. Челобитныя эти не помѣшали Атласову доѣхать до Камчатки въ 1707 году и принять два тамошнихъ острога — Верхне и Нижнекамчатскъ. Пора было *усмирять* непокорныхъ туземцевъ, и въ августѣ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ прибытія въ Камчатку, Атласовъ послалъ къ Бобровому морю казака Таратина съ 70-ю товарищами, а князьку одному (Капачѣ) пригрозилъ, что и на него немедля пошлетъ другой отрядъ.

У Авачинской губы *) встрѣтилъ Таратинъ—кто го-

*) Заливъ на восточной сторонѣ Камчатскаго полуострова.

воритъ тысячу, а кто и больше—камчадаловъ. Русскихъ они хотѣли захватить живьемъ и припасли на этотъ случай не мало крѣпкихъ ремней. Сошлись съ ними казаки на рѣкѣ Большой: хотѣли въ ихъ лодки сѣсть и уплыть, да не успѣли: камчадалы поджидали на берегу, въ лѣсу, кинулись изъ своей засады, и начался бой. Долго бились. Таратинъ потерялъ 6 человѣкъ, а все-таки одолѣлъ: полонилъ трехъ важныхъ людей и выкупу взялъ за нихъ 10 соболей, 4 лисы да бобровъ 19 штукъ. За первымъ отрядомъ Атласовъ выслалъ другой, на Канačу. Князекъ этотъ успѣлъ приготовиться, зная атласовскія угрозы, и собрать камчадаловъ. Казаки отступили, потерявъ въ бою трехъ товарищей. Между тѣмъ Атласовъ не перемѣнилъ своего жестокаго обращенія со служилыми людьми. За непомѣрную строгость и звѣрскую жестокость его ненавидѣли.

Слѣдовало быть на самомъ дѣлѣ страшнымъ человѣкомъ, чтобы такъ долго держать въ рукамъ такихъ людей, какими были казаки. Но всему есть мѣра: въ концѣ 1707 года у Атласова была отнята власть. Казаки не хотѣли слушаться, схватили своего прежняго прикащика и посадили въ *казенку*, а послѣ этого отобрали все добро, сказавъ, что берутъ его въ государеву казну. Добра у Атласова, по описи, было много: 1,235 соболей, 400 красныхъ лисъ, 14 сиводушекъ, да 75 бобровъ морскихъ *). Въ Якутскъ послали служилые люди новую челобитную. Писали они въ ней, что Атласовъ не давалъ имъ ѣсть, что выпустилъ разъ

*) Одинъ изъ очень пушистыхъ, дорогихъ звѣрковъ сѣверо-восточной Сибири. И соболь и бобръ часто поминаются въ русскихъ пѣсняхъ и русской рѣчи. „Поймалъ бобра!“—говорятъ въ насмѣшку тому, кто ошибся и замѣсто хорошаго взялъ дурное.

аманатовъ изъ корысти, отчего у туземцевъ *шатость учинилась*, что кололъ палашомъ безо всякой вины служилаго человѣка Данилу Бѣляева, а когда казаки сказали ему: „наказывай насъ по цареву указу“,—Атласовъ говорилъ, что государь ему въ вину не поставитъ даже, если бъ онъ ихъ и всѣхъ переколол.

Обвиняли еще Атласова въ томъ, что онъ, желая отомстить казакамъ, подговорилъ на нихъ камчадаловъ, которымъ сказалъ, что русскіе перебить ихъ хотятъ, а женъ съ дѣтьми и всякимъ добромъ между себя подѣлить.

Послѣ этого,—писали казаки,—собралось много камчадаловъ, устигли они нашихъ въ тѣсномъ мѣстѣ и троихъ убили. Жалобамъ конца не было: все, что накопилось за нѣсколько лѣтъ,—все вышло наружу. Если вѣрить только половинѣ того, въ чемъ обвинялся Атласовъ, такъ и того довольно, чтобы сказать, каковъ это былъ человѣкъ.

Писали въ челобитныхъ, что Атласовъ извелъ на себя (растратилъ) подарочную якутскую казну, такъ что бисера съ оловомъ осталось у него на Камчаткѣ не больше полупуда, а мѣдь на винокуренную посуду передѣлалъ, да еще будто у новокрещенаго камчадала вымучилъ чернобурую лису, что была въ казну припасена. Въ чемъ только не винили: и въ крупномъ воровствѣ, и въ жестокости, и мелкой кражѣ.

Плохо ли стерегли Атласова приставленные люди, либо имѣлъ онъ пріятелей, которые ему порадѣли, только Атласовъ изъ тюрьмы бѣжалъ. Укрылся онъ въ Нижнекамчатскомъ острогѣ, гдѣ жилъ безъ дѣла, потому что не смогъ получить въ свои руки прежнюю власть. Тѣмъ временемъ до Якутска дошли и были

прочитаны первыя челобитныя казаковъ, посланныя изъ-подъ Анадырскаго острога. Обо всемъ было донесено въ Москву, а въ Камчатку посланъ на мѣсто Атласова сынъ боярскій Чириковъ. Ему поручили произвести слѣдствіе. Съ Чириковымъ шло 50 *рядовыхъ*, 1 пятидесятникъ и 4 десятника; въ отрядѣ было двѣ пушки, сотня ядеръ, 5 пудовъ свинцу да пороху 8 пудовъ. Не успѣлъ прибыть Чириковъ и начать розыски и слѣдствіе по другимъ челобитнымъ, какъ изъ Якутска пришелъ еще новый прикащикъ—пятидесятникъ Мироновъ и съ нимъ 40 человѣкъ.

Все это только подзадоривало казаковъ: они видѣли, что въ Якутскѣ побаивались, а настоящаго дѣла не дѣлали. Начались убійства, разбои, всякое буйство. Мироновъ, пріѣхавшій въ 1709 году, былъ зарѣзанъ въ январѣ 1711-го, а Чирикову велѣно готовиться къ смертному часу. Казацкая сила послѣ долгаго подневольнаго житья при Атласовѣ кутила и бушевала безъ удержу.

Къ Владиміру Васильеву, который какъ ни старался воротить власть, но не могъ и проживалъ въ Нижне-Камчатскѣ, не забыли отрядить нѣсколько человѣкъ. Люди эти стали въ полуверстѣ отъ острога, *въ прикрытіи*, чтобы не видно было; выбрали троихъ посмѣлѣе и послали съ ними письмо Атласову. Велѣно было его убить сейчасъ же, какъ только письмо развернетъ и станетъ читать. Знали казаки, что дѣло придется имѣть съ сильнымъ и отчаяннымъ человѣкомъ, потому и дѣло такъ осторожно, съ оглядкой вели.

Посланные, говорятъ, застали Атласова дома; онъ спалъ. Письмо не пригодилось, и Владиміръ Васильевъ былъ зарѣзанъ сонный. Такое извѣстіе находимъ въ

одной изъ рукописей того времени. Въ томъ же году утопили Чирикова. Это было въ мартѣ, а въ апрѣлѣ казаки показали въ Якутскъ на себя сами, не помянувъ, однако, объ убійствѣ Атласова, изъ чего можно думать, что онъ умеръ въ Камчаткѣ своею смертью.

Главными зачинщиками были двое: Анцыфоровъ и Козыревскій. Первый сдѣланъ былъ атаманомъ казацкой шайки, а второй—есауломъ. Прежде всего Данило Анцыфоровъ разграбилъ все, что было у Атласова, и подѣлился съ товарищами, которыхъ было 75 головорѣзовъ, готовыхъ на все. У собравшейся шайки была своя казацкая управа и свое знамя.

По Данилину приказу заковали и утопили Чирикова въ Верхнекамчатскѣ и пограбили всѣ тамошніе припасы и снасти; по его же приказу послана была въ Якутскъ казацкая повинная. Камчадалы все еще стояли за свою волю, и Анцыфоровъ двинулся на Большую рѣку громить ихъ. На ней онъ засѣлъ въ одномъ изъ туземныхъ остроговъ; его окружила цѣлая толпа дикарей: были тутъ и камчадалы, и курильцы. Въ концѣ мая мѣсяца Анцыфоровъ сдѣлалъ вылазку и для страха пустилъ въ густую толпу нѣсколько винтовочныхъ пуль. Многіе упали отъ этихъ выстрѣловъ, и русскіе, увидавъ, что непріятель дрогнулъ, кинулись въ копья, чѣмъ и рѣшили дѣло въ свою пользу.

Покореніе Камчатки пошло успѣшнѣе: скоро дорога была расчищена вплоть до Курильскихъ острововъ; Большерѣцкіе остроги покорены; самый ближній къ Камчаткѣ островъ—объясаченъ. Въ то время, какъ казаки управлялись по-своему и занимались грабежомъ, изъ Якутска пріѣхалъ новый начальникъ Василій Щепеткій. Онъ ничего еще не зналъ о злой участи быв-

шихъ до него прикащиковъ и принялся старательно собирать ясакъ по рѣкѣ Камчаткѣ. Анцыфорова въ этихъ мѣстахъ уже не было: онъ тѣмъ временемъ тоже ясакъ собиралъ въ Большерѣцкѣ. Собравши ясакъ, онъ съ большою толпой казаковъ привезъ его къ Щепеткову, изъ удальства. Взять Анцыфорова и посадить въ казенку было нельзя: охрана хороша, такъ что Щепеткій казну принялъ и оставилъ Данилу сборщикомъ по-прежнему.

На обратномъ пути въ Большерѣцкъ Анцыфорову удалось еще покорить камчадаловъ, жившихъ по Пенжинскому морю. Наступилъ 1712-й годъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ атаманъ съ 25-ю казаками пошелъ за сборомъ въ Авачу, гдѣ камчадалы приняли его очень хорошо, какъ почетнаго гостя. Для Анцыфорова съ товарищами былъ отведенъ, какъ разсказываютъ, особый большой балаганъ съ подъемными дверями; камчадалы авачинцы надарили подарковъ, обѣщаясь платить ясакъ, и дали лучшихъ аманатовъ... Все это былъ одинъ обманъ, отместка за старое: на другую ночь подожгли балаганъ, и Анцыфоровъ съ казаками и аманатами умеръ страшною смертью. Аманаты горѣли и кричали своимъ, что скованы, что выйти имъ нельзя, но что пусть ихъ жгутъ, только бы искоренить злыхъ казаковъ. Вотъ до чего не любили камчадалы русскихъ пришельцевъ. Зачинщиковъ бунта ждала казнь, и оставшіеся въ живыхъ послѣ авачинскаго пожара поплатились кто головой, а кто спиной. Бывшій есаулъ Анцыфорова, Козыревскій, побывалъ въ слѣдующемъ (1713) году на двухъ Курильскихъ островахъ и провѣдалъ о Японскомъ царствѣ. Кромѣ небольшого ясака онъ привезъ извѣстія, что на самые дальніе изъ нихъ пріѣз-

жаютъ торговые люди изъ города Мацмая и продаютъ желѣзо, чугунные котлы, деревянную лаковую посуду, сабли да матеріи разныя: бумажныя и шелковыя.

Не скоро еще успѣли завести въ Камчаткѣ порядокъ и твердую управу: своевольничали казаки, поднимались не разъ камчадалы, а приказчики, которыхъ высылали туда, только наживались. Дошло извѣстіе о богатствѣ одного изъ нихъ, по которому оказывается, что у него (Петриловскаго) кромѣ собольихъ и лисьихъ шубъ было одной рухляди больше 140 сороковъ (5.600) соболей, 2.000 лисъ, 207 бобровъ и 169 выдръ *). Въ короткое время своего приказчичества онъ успѣлъ награбить больше того, что было собрано въ Камчаткѣ въ два года. Приказчики мѣнялись въ ней каждый годъ, и чтобы такъ нажиться, надо было просто разбойничать, несмотря на богатство края, который все-таки давалъ хорошіе доходы казнѣ. Не попусту сложилась въ то время поговорка, что *на Камчаткѣ можно семь лѣтъ прожить, что ни сдѣлаешь; а семь лѣтъ прожить—кому Богъ велитъ.* Край лежалъ *за горами*, а извѣстно, что за горами, то далеко. Длинный Яблоновый хребетъ отрѣзывалъ Камчатку отъ остальной Сибири, точно такъ же, какъ Уральскія горы отдѣляли Сибирь отъ коренной Руси.

Отъ начала покоренія далекаго востока донскимъ казакомъ Васильемъ Тимоѳеевымъ и до конца этого долгаго пути черезъ Сибирь, при Атласовѣ, прошло далеко больше ста лѣтъ. За это время многое перемѣнилось въ Русскомъ царствѣ. Молодой Петръ, глядя на За-

*) Хищный звѣрокъ изъ одной семьи съ хорькомъ. Онъ хорошо плаваетъ, потому что лапы у него, какъ у утки, съ перепонками питается онъ рыбой. Мѣхъ выдры поддѣлываютъ подъ бобровый.

падъ, перестраивалъ почитай все сызнова, а далекая покоренная Сибирь, доживавшая долго старую, до-петровскую жизнь, раскрыла новыя богатства въ горахъ, которыя дали намъ средства завести много хорошаго *).

XI.

Въ поискахъ за добычей.

Рука объ руку со службой шелъ въ Сибирской землѣ и звѣриный промыселъ. Въ то время, какъ служилые люди шли по рѣкамъ, да тащились волоками, ища встрѣчи съ новыми мѣстами и людьми, промысловые забирались въ частые лѣса слѣдить дорогого звѣря. Казакъ бралъ съ собой кремневое, *огненное* ружье; звѣроловъ шелъ съ лукомъ, съ тенетами, рылъ ямы, ставилъ западни. Больше всего охотился онъ на соболей, потому что мѣхъ былъ цѣнный, много давали за него по ту сторону Уральскаго хребта; и звѣрковъ этихъ, особливо сначала, было съ избыткомъ, такъ что слухъ прошелъ въ Московскую Русь, будто въ Сибири бабы ихъ коромыслами бьютъ.

Пушныхъ богатствъ доставало и казнѣ, и инородцамъ, и поселенцамъ съ Руси. Охотники оттѣсняли звѣря все дальше и дальше на востокъ, въ самыя глухія мѣста. Не щадили его, какъ увидимъ, ни туземцы, ни пришлые люди. Тамъ, гдѣ сибирскій дикарь уходилъ живымъ, покорялся, платясь только добытымъ

*) Почина разработкѣ рудъ Восточной Россіи положили Демидовы, изъ которыхъ старшій, Никита, былъ при Петрѣ кузнецомъ въ Тулѣ. Сынъ его, Акинфій, кромѣ разработки желѣза на Уралѣ, занимался добываніемъ мѣди въ Алтайскихъ горахъ (на югѣ Сибири) и нашелъ въ нихъ серебро.

на охотѣ,—пушной звѣрь платился жизнью и теплымъ мѣхомъ, который шелъ въ Русь согрѣвать достаточныхъ людей въ лютые морозы.

Я говорилъ прежде, что промышленники перѣдко прокладывали первыя тропы, указывали дорогу царскимъ служилымъ людямъ,—потому-то, разсказывая о русскихъ *землепроходцахъ*, молчать о нихъ не слѣдъ. Есть и еще причина: уходя надолго изъ дома, промышленники жили особой, лѣсною жизнью; жизнь эта была схожа съ инородческою, полукочевою, была близка къ природѣ, о которой мы еще такъ мало говорили.

Я поведу теперь рѣчь о соболиномъ промыслѣ, какъ самомъ прибыльномъ и значительномъ; къ тому же о немъ дошло довольно много извѣстій, больше чѣмъ о другихъ *).

Августъ мѣсяцъ на исходѣ. Съ десятокъ крытыхъ лодокъ (каючковъ) стоитъ на водѣ у одного изъ немногихъ витимскихъ поселеній. Артель звѣролововъ-промышленниковъ, человѣкъ въ тридцать, толпится на берегу, собираясь грузить въ эти лодки нужные припасы. Каждую изъ нихъ строили сообща трое, либо четверо промышленниковъ, потому что такъ меньше траты, выгоднѣе. Набольшимъ *передовщикомъ* выбранъ старый промышленникъ-бывалецъ, котораго всѣ должны слушаться, и имъ рѣшено подняться бичевой по Витиму до того мѣста, гдѣ въ него слѣва падаетъ рѣчка Мама, а Мамой итти тоже вверхъ до *Большого порога*, гдѣ можно найти соболей **). Въ крытые каючки идетъ

*) Много было соболей по Ленѣ и ея притокамъ: Олекмѣ, Витиму и другимъ. Дальше будетъ говориться о витимскихъ промыслахъ лѣтъ за 150 либо больше назадъ.

**) Въ старые годы, лѣтъ 300 назадъ, много было соболей въ Боль-

довольно грузу: всякій человѣкъ кладетъ въ него, на свою долю, тридцать пудовъ ржаной муки, чтобы хватило на зиму, пудовой мѣшокъ соли да фунтовъ десять крупы. Остается только сложить нужныя снасти да звѣроловные припасы, кликнуть собакъ—и все готово. Съ молитвой выплываютъ промышленники на середину рѣки и не одну недѣлю поднимаются они Витимомъ и Мамой, натирая плечи, съ протяжнымъ бурлацкимъ припѣвомъ. Вспоминаются имъ поневолѣ розсказни старыхъ дѣдовъ о томъ, какъ прежде соболей чуть не руками ловили, когда звѣрь не такъ боялся человѣка, не такъ далеко уходилъ отъ него. Къ вечеру промышленники дѣлаютъ привалъ, разводятъ огни на берегу и варятъ жиденькую кашицу; грѣются да разсказываютъ о прошлогодней ужинѣ, толкуютъ о бывальщинѣ и небывальщинѣ. Только теперь около огня да за работой и грѣться: осень холодная, съ вѣтрами, а теплаго мѣхового платья промышленники съ собой не берутъ: тяжело очень. Вотъ ужъ и до *Большого порога* недалеко,—передовщикъ дѣлаетъ послѣдній привалъ и выбираетъ мѣсто для постройки зи-

номъ бору, около устья р. Олекмы, такъ что мѣсто это получило послѣ прозваніе *Божьяго наволока*. Позже, когда по Сибири сталъ селиться народъ, завелись избы да острожки, — соболя пришлось искать далеко отъ жилья, въ глуши, и такія мѣста стали въ Сибири на рѣдкость. За соболемъ ходили промышленники либо сами, либо посылали наемщиковъ. Одни изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, прозывались *покрученниками*, другіе—*полужинщиками*. Первые получали отъ хозяина всѣ нужные припасы, которые должны были послѣ возвратить ему вмѣстѣ съ третью того, что добыли на промыслѣ. Съѣстные припасы въ счетъ не шли и хозяинъ не могъ ихъ требовать назадъ; вторые дѣлили добычу пополамъ съ хозяиномъ и по тому самому звались *полужинщиками* (*ужина*—часть добычи). Получали они въ зиму 5—6 рублей и заготовляли все сами, на свой счетъ.

мовья, если не случится стараго. Октябрь на дворѣ; промышленники принимаются за привычную работу: рубятъ матерый лѣсъ, ставятъ просторную избу, смазываютъ изъ глины печь. О чистотѣ не заботятся,— было бы только гдѣ погрѣться до зимы. Мѣшки, обметы для соболей, у кого есть ружья—все выбирается изъ лодокъ и вносится въ зимовую избу. Въ ней артель звѣролововъ проживетъ до той поры, когда выпадутъ большіе снѣга, а рѣки покроются льдомъ. Передовщику много тоже работы: онъ разбиваетъ всю артель на части *(чунищы)*, для каждой указываетъ вожака и говоритъ, куда какой чунищѣ надо итти. У промышленниковъ ужъ такъ заведено: сколько бы человѣкъ ни было,—хоть десять, хоть шесть,—всѣ должны раздѣлиться на части и итти въ разныя стороны, какія укажутъ. Получивъ наказъ и зная, по какой дорогѣ придется рубить станы, всякая чунища копаетъ на ней ямы для съѣстныхъ припасовъ. Дѣлаютъ это, опасаясь чужого человѣка, *нехристя*, либо звѣря. Въ яму кладутъ по три мѣшка съѣстного на каждыхъ двухъ человѣкъ. Чтобы не терпѣть какой нужды на промыслѣ, роютъ яму отъ ямы недалеко. Случится, что выйдетъ одинъ запасъ, такъ другой подъ руками.

Однимъ хлѣбомъ сытъ не будешь, пустая кашица надоѣстъ, и вотъ передовщикъ разсылаетъ людей промышлять себѣ ѣды: звѣря какого-нибудь, либо крупную птицу... Рѣки еще не стали, такъ можно и рыбой поживиться. Осень проходитъ въ охотѣ на простыхъ, не дорогихъ звѣрей, больше изъ-за мяса, въ уженьи рыбы да ловлѣ глухарей. Нароютъ ямъ, прикроютъ ихъ сверху хворостомъ да землей,—глядь, кто - нибудь и ввалится: либо лось, либо медвѣдь; на птицъ есть и

такіе, что идутъ съ ружьями. Одна бѣда—ружья больно тяжелы: таскать не охота, а итти съ ними далеко на промыселъ нечего и думать. Лукъ сподручнѣе для промышленника.

„Что-то дастъ первый день охоты, кого-то перваго встрѣтятъ?“—думаютъ звѣроловы, расходясь изъ зимовья. У каждаго своя примѣта, свои надежды. Одинъ, только-что вышелъ, сбилъ стрѣлой бѣлку съ высокаго дерева—хорошій знакъ, примѣчаютъ звѣроловы: надо-быть не съ пустыми руками домой вернемся. Убить съ перваго раза тетерева, либо горностая - считается за худую примѣту.

Наконецъ выпалъ и снѣгъ, за нимъ—еще; на рѣкѣ показались большія закраины льда... Пора итти въ лѣсъ съ собаками и сѣтями ловить по порошѣ мелкихъ лѣсныхъ звѣрей; а у передовщиковъ—другая забота: надо понадѣлать много нартъ, лыжъ, *уледовъ*. Они остаются для этого въ зимовьѣ и мастерятъ все нужное для промысла. Къ вечеру каждый что - нибудь несетъ съ охоты, и розсказнямъ про лѣсныя встрѣчи да случаи—конца нѣтъ. Прошла еще недѣля, и ледъ заковалъ рѣки: нарты съ лыжами готовы въ путь; главный передовщикъ кличетъ всю артель въ избу. Послѣ молитвы каждая чуница идетъ въ указанную сторону. Передовщики высылаются днемъ раньше, потому что гдѣ промыслу быть, тамъ надо *рубить станъ*. Отпуская ихъ изъ зимовья, главный передовщикъ строго наказываетъ рубить первый станъ во имя церквей, которыя скажетъ: Николы тамъ, либо Спаса, либо Вознесенья; а другіе станы велитъ рубить во имя святыхъ, тѣхъ самыхъ, чьи образа изъ дома взяты. Тотъ соболь, что попадетъ въ кулему церковнаго стана, мѣтится и идетъ

на церковь, а другіе идутъ тѣмъ, на чью икону станъ рублемъ.

Главный передовщикъ велитъ своимъ подручнымъ смотрѣть за чунщицами въ оба, чтобы промыселъ шелъ правдой, утайки бы какой не было, чтобы ничего тайкомъ не ѣли и зря не называли. Змѣю и ворона съ кошкой настоящимъ именемъ называть не велитъ, а надо звать: змѣю—*худой*, ворона—*верховымъ*, а кошку—*запечинкой*. Таковъ обычай *). Не станешь этого исполнять, думаютъ промышленники, и звѣрь не будетъ ловиться, потому соболь хитёръ: сейчасъ узнаетъ, коли кто изъ нихъ сфальшилъ. Ужъ онъ этого такъ не оставитъ, а возьметъ да и перепортитъ все въ *кулемѣ* **) наругается надъ виноватымъ и наживу, что въ ней для примапки положена, съѣстъ да и уйдетъ. Послѣ виноватаго накажетъ передовщикъ: не зови звѣря не показанными словами, а зови всякую вещь какъ надо. Наказанье за это все одно, что за воровство, потому что отъ такихъ непорядковъ, говорятъ старые промышленники, всему промыслу порча бываетъ. Чунщицѣ наказывается доглядывать и за передовщиками. Всякій, отправляясь на промыселъ, знаетъ, что расправа, въ случаѣ ежели провинится, будетъ въ зимовой избѣ и что отъ набольшаго ничего не утаишь.

По намѣченнымъ путямъ тянутся промышленники въ

---

*) Церковь у прежнихъ промышленниковъ звалась *островерхой*, баба—*шелухой*, *бѣлоголовкой*, дѣвка—*простикой*, конь—*долгохвостымъ*, корова—*рыкушей*, овца—*тонконогой*, свинья—*низкорылкой*, пѣтухъ—*голоногимъ* и пр. Былъ особый промысловый языкъ, который со временемъ понемногу забывался.

**) *Кулема*—западня на соболей, въ которой чутко настороженное бревешко придавливаетъ звѣрка, польстившагося на положенную вкусную наживу.

разныя стороны. На нихъ ужъ не та одёжа, что осенью: снѣга въ лѣсахъ большіе, глубокіе, снѣгъ тяжело насѣлъ по деревьямъ, гнетъ къ землѣ здоровые лѣсные сучья, такъ въ простомъ кафтанѣ итти не рука; на каждомъ надѣтъ сукошный наплечникъ *(лузанъ)*, подъ кафтанъ натянуты теплые нарукавники изъ овчины *(налокотники)*, поверхъ рукавицъ—овчинная опушка, и все для того, чтобы снѣгъ не мѣшалъ и для тепла; черезъ плечо перекинута ременная лямка отъ парты, въ рукахъ большая заостренная палка *(лыпа)*, безъ нея тоже нельзя. На концѣ палки придѣланъ коровій рогъ, а сверху она пошире - лопаточкой; и то и другое сдѣлано не зря: не разъ придется промышленнику итти по льду, а объ ледъ простая деревянная палка скоро бы раскололась, коровьимъ же рогомъ можно упереться,—онъ надежнѣе. Закругленная лопатка на другомъ концѣ—тоже нужна въ дорогѣ: ею ловко сгребать снѣгъ возлѣ поставленныхъ *кулемъ*, ловко на привалѣ кидать его въ котелъ, чтобы послѣ сварить на снѣговой водѣ немудрящую похлебку,—другой воды негдѣ достать.

Длинную парту тащитъ промышленникъ либо самъ, либо собакъ впрягаетъ. На партѣ не мало поклажи: волочить ее иной разъ по цѣльному глубокому снѣгу не легко. Впереди, обыкновенно, лежитъ котелъ, въ немъ лежитъ чашка съ ручкой (въ этой чашкѣ промышленники валяютъ колобки, она же идетъ имъ и вмѣсто ковша). Позади кормильца-котла привязанъ мѣшокъ муки, пуда въ четыре; возлѣ стоитъ *бурня* *), лежатъ разныя

---

*) Широкій и низенькій буракъ изъ бересты. Въ бурню кладутъ гущу для печенья хлѣбовъ, а на гущу наливается *накваси*. Для этого всыпаютъ въ котелъ муки, разводятъ немного водой, ставятъ на огонь, чтобы мука расолодѣла, потомъ все это кипятятъ и, когда уварит-

наживы для звѣрей: фунтовъ десять рыбы какой-нибудь, либо мяса, стоитъ квашня съ хлѣбомъ, а позади всего положенъ лукъ съ *сайдакомъ* (во что стрѣлы кладутъ). Тяжелыя ружья оставлены въ зимовьѣ, за неудобствомъ. Сверху нарта прикрыта постелью, да гдѣ-нибудь сбоку сунутъ тутъ же мѣшокъ съ разною мелочью, безъ которой въ дорогѣ не обойдешься. Все это крѣпко перекручено здоровыми веревками.

Всѣ чуницы разошлись; пора и набольшему передовщику подниматься съ мѣста. Дойдя до стана, чуница первымъ дѣломъ ставитъ шалашъ, обсыпаетъ его весь снѣгомъ, чтобы теплѣе спать было, а на утро расходится по окрестнымъ рѣчкамъ и падямъ, чтобы ставить *ухожья* *). Чтобы въ лѣсу не заплутаться, тешутъ, по старому сибирскому обычаю, деревья съ одной стороны, начиная отъ зимовья. Ухожья идутъ ставить, такъ тоже лѣсъ тешутъ и по этимъ замѣткамъ назадъ къ стану идутъ. Тѣмъ временемъ чуничные передовщики выбираютъ мѣсто для другого стана; нартъ у нихъ нѣтъ, идутъ порожніе, и такъ каждый день, пока не срубятъ всѣ станы. Надо сначала всѣ кулемы разставить, а потомъ можно и со стана сниматься; до этого же никакъ нельзя. Ставятъ кулемы, понятное дѣло, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ надѣются соболя найти, а тѣ мѣста, гдѣ его мало водится, минуютъ. У промышленниковъ давно замѣчено, что чѣмъ выше по рѣкѣ под-

ся, вливаютъ въ бурню, на гущу. Это самое любимое кушанье промышленниковъ и на промыслѣ его крѣпко берегутъ, стараются, чтобы не скоро вышло. Не мало умираетъ промышленниковъ, когда приходится ѣсть прѣсные хлѣбы. Квасъ дѣлаютъ изъ той же закваски, разбавляя ее водой.

*) Мѣста, гдѣ ставятся кулемы на соболей. Полное *ухожье* равняется 80-ти кулемамъ.

нимешься, тѣмъ и соболи лучше; а къ устьямъ всегда хуже. Въ хвойныхъ лѣсахъ хорошаго соболя не ищи, а ищи его въ лиственныхъ, либо въ смѣшанныхъ. Звѣрокъ этотъ забивается въ дупла, подъ корни деревьевъ, роетъ норы, все одно какъ нашъ кротъ. Кормится соболь мелкой и крупною птицей, любитъ и ягоды, особливо рябину, которой много по сибирскимъ лѣсамъ. Полдня соболь лежитъ въ своей норѣ, а другую половину дня корма ищетъ; выходитъ кормиться онъ мышами, зайцами и мелкими птицами; попадется тяжелый глухарь—и тотъ не уйдетъ отъ хищнаго звѣрка съ темнымъ пушистымъ мѣхомъ; выдастся урожай на ягоды—онъ пообчиститъ и ихъ. Лѣтомъ въ соболѣ проку нѣтъ, все равно, что въ нашемъ зайцѣ: шкурка у него линяетъ и не годится въ дѣло.

Вотъ ужъ срубили десять становъ, возлѣ каждаго стана понаставили кулемъ, и передовщикъ посылаетъ половину своихъ людей отрывать закопанные припасы, а самъ идетъ дальше. Съ пустыми партами промышленники идутъ скоро: проходятъ нѣсколько становъ въ день. Прійдя къ ямѣ, всякій беретъ на свою долю по шести пудовъ ржаной муки да фунтовъ десять наживы, кладетъ все это на парту и торопится догнать передовщика. На каждомъ стану надо осмотрѣть ухожья, нѣтъ ли чего въ нихъ. Случается, что снѣгъ занесетъ и мѣста не знаешь, тогда обметать приходится всякую кулему. Глядь—кое въ которыхъ и соболя придавило; надо поскорѣе шкурку снять, а то пожалуй сильно замерзнетъ, и тогда возни много оттаявать,—шкурку съ мерзлаго соболя не снимешь. Пока она не снята, промышленники не оцѣниваютъ мѣхъ и не дуютъ на него. Снимать—у нихъ дѣло не пустяшное. Дѣломъ

этимъ занятъ передовщикъ (огряженный съ нимъ чунчинникъ), а остальные сидятъ кругомъ и молчатъ. Дѣлать что-нибудь въ это время считается за проступокъ. Все время ни слова, только смотрятъ, чтобы на спицахъ не висѣло чего: это у нихъ дурной знакъ. Когда снимутъ шкурку, тогда цѣнятъ и соболя, смотрятъ, каковъ мѣхъ, много ли за него дадутъ. Мясо не бросаютъ сейчасъ, а сначала окуриваютъ сухимъ хворостомъ, обходя три раза кругомъ, потомъ зарываютъ въ снѣгъ.

Съ пойманною добычей трогаются промышленники назадъ, къ своимъ. Мѣста частенько бываютъ не безопасны: по лѣсамъ бродятъ тунгузы, которымъ не трудно ограбить какую-нибудь горсть людей. Надо постараться такъ запрятать добычу, чтобъ ее не нашли и не отняли. Для этого случая промышленники срубаютъ высокій пенекъ, выдалбливаютъ его и въ надколотое сырое дерево защемляютъ собольи шкурки; послѣ чего концы отрубка засыпаютъ снѣгомъ и обливаютъ для скрѣпы водой. Много иной разъ раскидывается такихъ отрубковъ возлѣ станa и только на обратномъ пути чунинчники забираютъ ихъ съ собой въ зимовье.

Первая половина, посланная за припасами, вернулась; чунчный передовщикъ отсылаетъ другую половину, а самъ опять подвигается впередъ и разставляетъ кулемы на соболей. Какъ на грѣхъ, вышелъ весь печеный хлѣбъ—главная ѣда промысловыхъ людей; но правду говоритъ русская пословица, что нужда научитъ всему, и вотъ гдѣ-нибудь на полянкѣ, возлѣ лѣса, на скорую руку устраивается печь. Разгребаютъ двухъаршинный снѣгъ до самой земли и дѣлаютъ подъ. Величиной онъ будетъ въ квадратную сажень и устраивается очень просто: на срубъ, въ четыре бревна, на-

сыплютъ земли, а по угламъ забьютъ низенькіе *подъюрлочники* (столбики). Дрова подъ руками; на земляной насыпи можно въ нѣсколько минутъ развести цѣлый костеръ, чтобы подъ хорошенько накалился, нагорѣлъ. Смолистыя дрова горятъ скоро, жару много. Угли выгребаютъ въ снѣгъ, выметаютъ подъ начисто помеломъ и на раскаленное дно земляной печи сажаютъ хлѣбы. Только что же это будетъ за хлѣбъ: снизу поджаренный, а сверху сырой? Вѣдь все тепло уходитъ въ небо; у такой печки нѣтъ ни заслонки, ни трубы... Чтобы поправить эту бѣду, на столбики кладутъ жерди, а на нихъ горячія головни, отчего верхняя корка поджаривается—и дѣло сдѣлано.

Бываетъ такъ, что соболь нейдетъ въ ловушку; тогда его обметываютъ сѣтями *(обметами)*. Съ этимъ, пожалуй, больше хлопотъ, чѣмъ съ кулемой. Надо искать слѣдовъ и по нимъ добираться до норы. Соболь живетъ не въ однихъ дуплахъ, да подъ корнями, забивается онъ также и въ разсыпчатые каменные холмы *(орашны)*, которыхъ много по югу Сибири. Какъ только промышленникъ видитъ, что соболиный слѣдъ пропалъ у каменистой розсыпи, сейчасъ беретъ обметъ и растягиваетъ его вокругъ того мѣста. Соболь тутъ, ему не куда дѣться, потому-то промышленникъ съ собакой садится немного повыше и раскладываетъ огонекъ. Случается ему сидѣть такъ дня два, три, а соболь все не показывается. Зато какъ выбѣжитъ изъ норы, такъ и запутается въ обметѣ; сверху напустится собака и задавитъ, либо самъ охотникъ руками схватитъ. Какъ только зазвенятъ привязанные къ сѣти бубенцы,—значитъ звѣрь попалъ. Бросается соболь и къ охотнику, вверхъ тутъ ему легче уйти, и ужъ какъ послѣ тотъ

клянетъ себя, упустивъ дорогого звѣрка! Не знаетъ соболь, куда скрыться отъ человѣка: забивается подъ коренья, залѣзаетъ на вершину дерева. Въ первомъ случаѣ дерево у корней обметываютъ сѣтью, а во второмъ—стрѣляютъ соболя изъ лука. Ежели заберется онъ такъ высоко, что и глазомъ трудно взять, то дерево подрубаютъ, а гдѣ оно вершиной должно упасть, тамъ раскидываютъ обметъ.

Вернулась къ передовщику и другая половина чуницы. Оставшіеся съ нимъ отсылаются *по разметамъ:* они должны дойти до зимовья, взять оттуда съѣстныхъ припасовъ и итти назадъ къ передовщику съ товарищами, *разметывая* ихъ по малости, въ показанныхъ мѣстахъ, чтобы, идя съ промысла всею чуницей, голоду не натерпѣться. Посланные, отправляясь изъ зимовья съ запасами, оставляютъ ихъ на каждомъ десятомъ стану, осматриваютъ кулемы и съ пустыми нартами ворочаются къ передовщику. Вся чуница поднимается съ мѣста, но которая выходитъ раньше, а которая позже. Все тянется къ зимовью. Всѣ ухожья старательно осматриваются; кулемы забиваютъ наглухо, чтобы лѣтомъ въ нихъ соболь не попадалъ, и собираютъ отрубки со шкурками. На промыслѣ не всѣ дни въ работѣ: праздники справляются какъ надо; только посланные за припасами не имѣютъ на это досуга, потому что должны торопиться.

Вотъ ужъ и вся артель собралась въ зимовье подъ одну крышу. Чуничные передовщики говорятъ набольшему, кто въ чемъ провинился, кто ослушался приказаній; показываютъ, какихъ звѣрей изловила такая-то чуница и помногу ли на каждую пришлось соболей. Идетъ разборъ дѣлу. На промыслѣ вѣдь всякое слу-

чается: кто-нибудь возьметъ да украдетъ у другого, либо что утаитъ. Передовщикъ говоритъ обо всемъ главному, а главный наказываетъ разно: либо къ столбу велитъ поставить, либо одною гущей кормить. Первое наказанье всѣхъ хуже,—позора много: всякому велятъ кланяться, винится и говорить: простите, молодежь! Иной стоитъ у столба ужъ не молодой,—стыдно тѣхъ, которые украли, самихъ обираютъ и отобранные пожитки дѣлятъ между товарищами.

Передъ весной живутъ промышленники въ зимовьѣ и выдѣлываютъ добытыя шкурки. Ждутъ—не дождутся, когда вскроются рѣки и стаетъ снѣгъ. Но вотъ ужъ апрѣль, рѣчку взломало, ледъ шумитъ и трется о берега; еще недѣля—и лодки можно спустить: прочистило. Весело, съ пѣснями плывутъ промышленники домой изъ Мамы въ Витимъ—гдѣ греблей, а гдѣ и парусомъ. Дома, на мѣстѣ, сбываютъ соболей и дѣлятъ вырученныя за нихъ деньги. Такъ велся встарину собольный промыселъ по ленскимъ притокамъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири русскими промышленниками; а до ихъ прихода охотился на пушнаго звѣря только дикарь-туземецъ. Чего много, того часто не жалѣютъ, и не мудрено, что соболь чуть не съ каждымъ годомъ все дорожалъ. Труднѣе и труднѣе становилось кормиться пришлымъ людямъ отъ одного промысла и приходилось искать подспорья въ чемъ-либо другомъ. Изъ разсказа о Хабаровѣ видно, что достаточные переселенцы не находили выгоднымъ посылать одинхъ покрученниковъ въ богатые звѣремъ лѣса; они обрабатывали еще землю на которой могъ получиться недурной урожай. Первые пришельцы въ Сибирь объ этомъ и не думали: они разсчитывали, что теплыхъ мѣховъ про всѣхъ хватитъ,

и безъ всякой пощады собирали по Сибири то, что такой щедрою рукой давала тамошняя природа. Прошло со временъ Хабарова сто лѣтъ, и изловить десятокъ соболей гдѣ-нибудь между Леной и Енисеемъ стало считаться за удачную ужину, а позже— за рѣдкость.

Въ казну стали доставлять меньше сороковъ, а прежнія дорогія шубы и шапки на казакахъ стали переводиться. Богатства сибирскихъ горъ, заросшихъ лѣсомъ (тайгой), открылись въ самую пору, и рабочимъ рукамъ задана была новая, трудная работа.

Счастіе туземца-дикаря и казака-завоевателя прямо зависѣло въ то время отъ того, сколько они могли добыть отъ окружающей ихъ природы. Туземецъ десяткомъ шкурокъ могъ купить себѣ свободу, выплатить ясакъ, а пришлый русскій человѣкъ—разжиться на новой, мало початой землѣ, найти новыя занятія. Съ Руси въ Сибирь загоняли тоже все больше неурожайные годы, либо недостатокъ работы, и люди шли въ эту чужую, далекую сторону, надѣясь на богатый уловъ да на урожай. Мы знаемъ, что переселялись на югъ Сибири все больше изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ была частая недостача въ хлѣбѣ, а промысловъ было немного.

Заканчивая разсказы о русскихъ землепроходцахъ, намъ пора побесѣдовать о прочитанномъ. Не велика бѣда, что придется не разъ припоминать зады, за то у насъ будетъ случай узнать не мало новаго и полезнаго, т.-е. такого, что если не сейчасъ, такъ послѣ можетъ пригодиться.

XII.

Природа и человѣкъ. Бесѣда о прочитанномъ.

Взглянемъ сначала на мѣстность и природу Сибирской земли, а потомъ перейдемъ къ ея человѣку и побесѣдуемъ о разсказанномъ.

Сибирь, какъ это видно при первомъ взглядѣ на карту, лежитъ между двумя частями свѣта *): отъ Европы на западѣ она отдѣляется горами; отъ Америки, что лежитъ на востокъ—морскимъ проливомъ. Сама она составляетъ сѣверную половину обширнѣйшей части свѣта, Азіи, и имѣетъ видъ громадной низменности, идущей на пять тысячъ верстъ въ длину, да далеко за двѣ въ ширину. Низменность эта поката къ сѣверу, гдѣ лежитъ Ледовитое море, и ее можно раздѣлить на двѣ неравныя доли, изъ которыхъ западная совершенно ровна и должна быть названа низменностью въ полномъ смыслѣ этого слова, а восточная прорѣзана отрогами невысокихъ горъ и рядами холмовъ. Горы обступаютъ Сибирь съ запада, юга и востока, и только между концомъ западнаго хребта и началомъ южной цѣпи лежатъ широкія степныя мѣста.

Чѣмъ дальше на сѣверо-востокъ, тѣмъ горы все больше вѣтвятся и тѣснятся къ морю, идутъ мимо него цѣльной каменною стѣной, уходятъ однимъ концомъ на югъ, въ Камчатку, другимъ въ противоположномъ углу Сибири обрываются къ морю сѣверо-восточнымъ мысомъ. На западѣ больше простора: тамъ горы не тѣ-

*) Обитаемыхъ частей свѣта теперь пять: Европа, Азія, Африка, Америка (сѣв. и южная) и Австралія. Мы, русскіе, занимаемъ весь востокъ первой изъ этихъ частей свѣта, больше чѣмъ половину Европы.

снять, какъ здѣсь: онѣ отодвинуты далеко на югъ. На нихъ вершинахъ берутъ начало три великія рѣки Сибири: Обь, Енисей и Лена. Плавно несутъ онѣ на сѣверъ свои обильныя воды, собирая въ себя и слѣва и справа большіе притоки. Дологъ путь этихъ водъ: чѣмъ дальше, тѣмъ все тише становится ихъ теченіе: обезсиленныя, онѣ разливаются въ широкія болотистыя устья.

Рѣки сѣверо-востока, стѣсненныя горами, тоже тихо подвигаются къ Ледовитому морю, до котораго уже не тысячи, а только сотни верстъ. Съ горнаго хребта, идущаго берегомъ Охотскаго моря, и съ горъ Камчатскаго полуострова сбѣгаютъ быстрые незначительные потоки, бывающіе часто причиной сильныхъ наводненій. Таковы: Охота, Пенжина, Улья. Между Становымъ хребтомъ и цѣпью Камчатскихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ разступились, пробирается къ морю, совсѣмъ особнякомъ отъ другихъ рѣкъ, пустынный Анадырь съ своими мелкими притоками.

Таковъ каменный островъ Сибирской земли, дающій направленіе ея водамъ. Спускаясь по любой изъ трехъ большихъ рѣкъ до самаго устья, можно наблюдать, какъ постепенно мѣняются мѣста и растительность береговъ. Около верховья вы видите или степи, или горы, покрытыя непроходимою *тайгой* *), гдѣ въ безпорядкѣ перемѣшались всѣ породы деревьевъ; ниже—необозримые лѣса застилаютъ равнину, переходя на сѣверѣ въ темную, вѣчно-зеленую хвою: около устья тянется въ обѣ стороны болотистая тундра, идущая широкою каймой вдоль Ледовитаго моря. Самая значительная доля

*) *Тайга*—непроходимый лѣсъ южныхъ горныхъ областей Сибири. Въ ней позже отыскано было золото.

Сибирской равнины ушла подъ лѣса, которые въ иныхъ мѣстахъ непроходимы.

Южные хребты горъ не даютъ хода теплому вѣтру, не пускаютъ его хорошенько обогрѣть Сибирь. Влажные западные вѣтры тоже не попадаютъ въ нее: имъ заслоняетъ дорогу Уральскій кряжъ. Зато путь сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ свободенъ; нѣтъ ничего, что бы могло помѣшать имъ. Леденящій вѣтеръ съ страшною силой дуетъ съ моря, почти круглый годъ покрытаго льдами, на пустынный плоскій берегъ; онъ пролетаетъ по необозримымъ лѣсамъ, идущимъ съ окраины тундръ, и заноситъ холодъ въ далекіе углы южной Сибири, напоминая о тепломъ мѣхѣ пушнаго звѣря.

Чтобы понять, что можетъ сдѣлать Ледовитое море съ ледянымъ сѣвернымъ вѣтромъ, стóитъ только взглянуть на прибрежную тундру. Зимой это—безконечный пустырь, укрытый нерѣдко глубокимъ, саженнымъ снѣгомъ, безъ признаковъ жизни: ни кустика, ни деревца—ничего, кромѣ бѣлыхъ снѣговъ. Цѣлые 8—9 мѣсяцевъ тянется такая зима съ длинными, длинными днями и ночами, съ морозомъ въ 40—45 градусовъ. Все живое уходитъ въ лѣса, что лежатъ южнѣе, гдѣ вѣтру гулять не такъ просторно, какъ на тундрѣ, уходитъ до наступленія короткаго и быстро цвѣтущаго лѣта, когда въ оживающей пустынѣ шумитъ талая вода, перекликаются залетныя птицы, рыба мечетъ икру, показывается звѣрь... За послѣднимъ выходитъ на тундру и туземецъ; онъ охотится, на ней ловитъ рыбу, или пасетъ свои оленьи стада. Но сибирское лѣто, какъ я сказалъ, очень коротко.

По милости этого мѣста, открытаго всѣмъ холоднымъ

вѣтрамъ. въ Сибири суровый климатъ, и всѣ мы слышимъ очень давно и говоримъ, что тамъ холодно. Что климатъ—суровъ, на это есть, какъ увидимъ, еще другія причины.

Можетъ ли тундра давать что-нибудь при такомъ долгомъ холодѣ и такомъ короткомъ теплѣ, кромѣ мховъ, лишаевъ *), да какихъ-нибудь немудреныхъ ягодъ, въ родѣ клюквы? Гдѣ тутъ и зачѣмъ жить звѣрю, птицѣ и человѣку? Ясное дѣло, что дальше къ югу Сибири, къ истоку ея большихъ рѣкъ, климатъ становится мягче, теплѣе, такъ что тамъ могутъ расти довольно нѣжныя растенія, напримѣръ сорта многихъ хлѣбовъ. Сѣверный вѣтеръ не въ силахъ тамъ заморозить, убить жизнь, какъ на тундрѣ. Широкій поясъ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, которые на юго-западѣ смѣняются открытыми на югъ степями, хорошая защита.

Зато на югѣ Сибири есть мѣста, гдѣ нѣтъ даже и короткаго лѣта приморской тундры, гдѣ вѣчный снѣгъ и зима. Это—снѣжныя вершины (бѣлки) южныхъ горъ, подошвы которыхъ укрыты густою *тайгой* изъ лиственницъ, кедровъ и другихъ породъ **). Между этими хо-

*) Лишай—одно изъ самыхъ простыхъ растеній; это скорѣе сѣроватый, съ прорѣзными листочками налетъ, похожій на тонкую корку. Появляется лишай тамъ, гдѣ есть сырость, и покрываетъ камни, стволы деревьевъ, землю. Перегнивая, онъ подготовляетъ почву для другихъ болѣе сложныхъ растеній.

**) Породы деревьевъ и кустарниковъ дѣлятся на лиственныя (дубъ, береза, осина и пр.) и хвойныя (сосна, кедръ, ель). Эти два отдѣла составляютъ наше чернолѣсье и красный лѣсъ—боръ. У лиственныхъ породъ на зиму листья вянутъ и падаютъ на землю, между тѣмъ какъ у хвойныхъ темнозеленыя иголки (хвои), собранныя въ пучки, остаются цѣлы, не теряя своей окраски. Поэтому растенія перваго отдѣла не выносятъ холоднаго климата, а растенія второго - выносятъ и водятся преимущественно на сѣверѣ, или на горахъ.

лодными вершинами горъ и ледяными полями сѣвера, и отъ Урала до Станового хребта, полосой во многія сотни верстъ, растутъ сибирскіе лѣса... Много кормятъ они рѣчныхъ притоковъ своею тѣнью и сыростью, сберегая въ глухихъ трущобахъ прошлогодніе снѣга, много укрываютъ въ себѣ всякаго рода звѣрей. Болѣе нѣжные сорты ягодъ, грибы и кедровыя шишки—лакомство здѣшнихъ мѣстъ.

Здѣсь, отыскивая добычу, бродитъ туземецъ съ лукомъ и стрѣлами; крупный звѣрь ищетъ мелкихъ для той же цѣли; мелкій стережетъ мышей и лѣсныхъ птицъ... Смотря по силѣ и ловкости, то одинъ, то другой уступаетъ дорогу; одна жизнь приносится въ жертву другой.

Тяжелый медвѣдь съ шумомъ продирается въ чащу, озираясь выходитъ изъ норы соболь, зорко перелетаетъ съ дерева на дерево бѣлка; на лѣсную прогалину выходитъ стройный олень... На снѣгу -цѣлая путаница разныхъ слѣдовъ и кое-гдѣ виденъ узкій и длинный слѣдъ прошедшей лыжи. Такова Сибирь, если мы будемъ ее просматривать снизу до верху и обратно. Отъ Уральскихъ горъ до Охотскаго моря она представитъ намъ совсѣмъ иное: здѣсь востокъ будетъ играть роль сѣвера, а западъ займетъ мѣсто юга, такъ что чѣмъ дальше двинемся мы на востокъ, въ горы, лѣса и болота, тѣмъ климатъ будетъ становиться суровѣе. Въ январѣ морозы Восточной Сибири доходятъ до пятидесяти градусовъ, такъ что бываетъ трудно дышать и глаза слипаются отъ насѣвшаго инея; птицы замерзаютъ на лету. Лѣтомъ наступаетъ сырое, нездоровое время: снѣга начинаютъ таять, надъ болотами стоятъ густые туманы; земля успѣваетъ оттойти только на небольшую глубину.

Енисей служитъ раздѣломъ, гранью между Восточной и Западною Сибирью. Въ послѣдней климатъ значительно лучше. За полосой тундръ стоятъ на совершенно ровной мѣстности густые лѣса, а южнѣе лежатъ покрывающіяся богатыми травами степи, которыя обдуваетъ сухой юго-западный вѣтеръ *).

Передъ вами—цѣлый рядъ причинъ и ихъ послѣдствій: все, что опредѣляетъ характеръ сибирской мѣстности, говоритъ вамъ, что это за сторона и почему она такая, а не иная. На многіе вопросы вы теперь можете легко отвѣтить. Если кто спроситъ: что за причина что въ восточной части Сибири климатъ суровѣе, чѣмъ въ западной?—вы отвѣтите: потому, что тамъ больше горъ, больше болотъ и сырости. Почему на югѣ Сибири не такъ тепло, какъ бы слѣдовало быть?—Потому, что Сибирь отдѣлена отъ теплыхъ вѣтровъ горами. Почему сѣверный край ея, лежащій у моря, лишенъ почти круглый годъ всякой жизни?—Потому, опять отвѣтите вы, что на это есть очень важная причина: Ледовитое море, его ледяныя горы **) и вѣтры.

Каждый вашъ отвѣтъ на вопросъ показываетъ, что

*) Тѣ мѣста, откуда дуетъ этотъ вѣтеръ, открыты и сильно нагрѣты солнцемъ. По близости нѣтъ моря, которое бы своею свѣжестью умѣряло этотъ зной, такъ что они имѣютъ сходство съ огромной жарко истопленною печью, отъ которой тепло расходится на далекое разстояніе. Воздухъ нагрѣвается не одинаково: нижніе слои получаютъ тепло отъ накаленной солнцемъ земли, становятся отъ этого легче расширяются и идутъ кверху. На ихъ мѣсто поступаютъ тѣ слои, которые до этого были выше. Отъ такого перемѣщенія происходитъ вѣтеръ.

**) Ледяныя горы, или торосы, бываютъ длиной въ версту и больше; онѣ плаваютъ по океану отвѣсными сѣроватыми стѣнами саженъ въ 7 вышины и очень глубоко сидятъ въ водѣ: это—огромные запасы льда горныхъ ледниковъ, сползшіе въ море. Лѣтомъ торосы становятся рыхлыми и съ страшнымъ шумомъ рушатся въ воду.

вы говорите его на основаніи чего-то вѣрнаго, но только какъ будто не досказываете, считая то, на чемъ основывались, общеизвѣстнымъ. Это *всѣмъ извѣстное* есть всегда какая-нибудь простая истина, правда,—то, до чего люди дознались навыкомъ и опытомъ. Всякій думающій человѣкъ долженъ стараться узнать этихъ истинъ возможно больше, чтобы не ходить въ потемкахъ и прочтенное въ книгѣ провѣрить, если можно, на опытѣ, чтобы составить *свое* мнѣніе.

Предположимъ, что вы знаете, какъ застываетъ все и сжимается отъ сильнаго холода; можетъ-быть вамъ это въ первый разъ пришло на умъ при сравненіи своихъ покраснѣвшихъ на морозѣ рукъ съ руками распаренными въ теплой комнатѣ. Послѣ пришлось объ этомъ еще прочесть, и вотъ вы такимъ образомъ изъ опыта и изъ книги *узнали* одинъ *законъ природы* *), на основаніи котораго и отвѣтили, что Ледовитое море, его льды и вѣтры дѣлаютъ тундры безжизненными.

Основываясь на томъ, что было сказано передъ этимъ, можно рѣшать и другіе вопросы, или, вѣрнѣе сказать, задачи. Такъ, если васъ спросятъ: что станетъ съ климатомъ описываемой страны, если лѣсная полоса, полоса зачинающейся жизни будетъ отодвинута далеко южнѣе?— Это, отвѣтите вы, измѣнитъ климатъ страны, потому что холодная тундра увеличится, а измѣненіе климата поведетъ за собой другія послѣдствія. Представимъ себѣ, что сибирскія горы не на югѣ, а на сѣве-

*) Изслѣдованіями этихъ законовъ занимаются естественныя науки, т.-е. *науки о природѣ*: химія, физика, астрономія и др. Всѣ онѣ имѣютъ связь съ *исторіей*, потому что многое объясняютъ намъ въ ней. Такъ, напримѣръ, почему дурная пища нездорово дѣйствуетъ на человѣка и какія отъ этого могутъ быть послѣдствія—объясняетъ химія и пр. А пища, какъ вы знаете, въ жизни людей—очень важная вещь.

рѣ, такъ что бы вышло изъ этого?—Очень много важныхъ послѣдствій, скажете вы опять: во-первыхъ, рѣки потекли бы по другому наклону, къ какому-нибудь другому морю; во-вторыхъ, въ Сибири стало бы гораздо теплѣе, потому что нагрѣтому солнцемъ воздуху сосѣдняго юга былъ бы въ нее свободный ходъ. На теперешнемъ югѣ Сибири стало бы очень тепло, а на сѣверѣ, подъ защитой высокихъ горъ, можно бы было не мерзнуть отъ сѣвернаго вѣтра. И больше ничего? спросятъ васъ.—Нѣтъ, это еще не все; съ перемѣной мѣстности и климата измѣнится и жизнь этихъ мѣстъ: лѣса по берегамъ рѣкъ будутъ состоять изъ другихъ породъ рыбы, птицы и звѣри—все будетъ другого вида; самъ человѣкъ, по этимъ причинамъ, измѣнитъ свои занятія и образъ жизни.

Причины и послѣдствія такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что стоитъ только перемѣнить причину, какъ и ея послѣдствіе тотчасъ же перемѣнится, и наоборотъ. Надо замѣтить, что каждое послѣдствіе есть, въ свою очередь, и причина чего-нибудь, и т. д. безъ конца. Дѣло человѣка умѣть находить *главныя* причины окружающихъ его явленій природы и указывать на ихъ *главныя* послѣдствія.

Для повѣрки сказаннаго, возьмемъ случай изъ обыденной жизни: родители отдали мальчика въ школу; школа выучила его грамотѣ и счету; грамота и счетъ дали ему недурной кусокъ хлѣба; кусокъ хлѣба далъ небольшое счастье. Разберите: тутъ одно было причиной другого, другое—причиной третьяго и т. д. Гдѣ же *главная* причина и *главное* послѣдствіе?—*Школа, въ которую отдали мальчика родители, сдѣлала его болѣе счастливымъ.* Потому говоря, до этого отступленія въ сторону о при-

чинахъ, которыя вліяли на мѣстность и климатъ Сибирской земли, мы упомянули лишь о самыхъ главныхъ и пришли къ тому заключенію, что ея климатъ, породы растеній и животныхъ, самъ человѣкъ, живущій и промышляющій на ней—все это были извѣстныя послѣдствія многихъ причинъ, что какіе-нибудь неизмѣнные законы имѣли и имѣютъ власть и надъ тѣмъ, и надъ другимъ, и надъ третьимъ.

Посмотримъ теперь на человѣка, бродившаго, до прихода русскихъ завоевателей, по этимъ темнымъ лѣсамъ и холоднымъ полянамъ, по которымъ шли на на сѣверъ широкія, многоводныя рѣки. Мы знаемъ, что манило и заводило человѣка на мерзлую тундру и въ чащу вѣчно—зеленаго бора: обиліе весенняго улова рыбы, теплый мѣхъ и вкусное мясо лѣсного звѣря. Но вы можете спросить: какія причины заставили его уйти съ благодатнаго юга въ такой далекій и холодный край и остаться въ немъ жить... На югѣ, гдѣ, какъ вы уже знаете, была колыбель человѣческаго рода, больше избытка въ пищѣ, природа даетъ людямъ очень много, балуетъ хорошими урожаями, не скупится на свои дары. Не лучше ли было остаться тамъ?

Чтобы хорошенько понять, какъ и почему случилось совершенно противное, въ силу какихъ причинъ человѣкъ не могъ сдѣлать иначе, надо заглянуть довольно далеко назадъ.

Есть старая руская пословица, говорящая, что рыба ищетъ—гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. Мысль, выраженная въ этихъ словахъ, была вѣрна многія тысячи лѣтъ назадъ, осталась вѣрна и теперь: человѣкъ всегда стремился достать на свою долю побольше счастья.

Когда людскія племена разселялись по лицу земли, они тоже искали его, тѣснились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было безъ особеннаго труда найти средства къ существованію. Прежде всего нужна была пища. Изъ-за нея и другихъ причинъ происходили ссоры, несогласія, битвы; люди истребляли другъ друга потому, что на всѣхъ желающихъ не хватило бы богатыхъ даровъ южнаго жаркаго края. Вамъ извѣстно, что силы и способности у людей и теперь не одинаковы: одни могутъ ударомъ кулака сбить съ ногъ довольно крѣпкаго человѣка, пробить этимъ кулакомъ печку, или отбить уголъ у избы, и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ сообразить самой простой вещи, связать двухъ умныхъ словъ; другіе—наоборотъ. Точно то же было и въ тѣ далекія отъ насъ времена; тѣлесная крѣпость и сила значили тогда особенно много, потому что больше приходилось имѣть близкихъ передѣлокъ съ природой и людьми.

Теперь понятно, кому достались плодородныя, лучшія мѣста: ихъ заняли болѣе сильныя, выносливыя племена. Остальныя, которымъ не хватило здѣсь мѣста, принуждены были отступить дальше. Другія сильныя племена заняли страны съ климатомъ болѣе умѣреннымъ, стали трудиться, обработывать не всегда щедрую почву, расчищать мѣста для жилья. Они видѣли, что безъ труда нельзя тутъ сдѣлать ни шага впередъ, но видѣли также, что ихъ трудъ вознаграждается: природа даетъ, что у нея настоятельно просятъ. Изъ-за этихъ земель было пролито тоже не мало человѣческой крови, и опять болѣе сильные побѣдили.

Лучшія мѣста, съ лучшимъ климатомъ—были заняты; за ними оставались еще самые неудобные края

сильнаго палящаго жара и леденящаго холода. Они выпали тогда на долю самыхъ слабыхъ и тѣломъ и духомъ. Множество мелкихъ племенъ разбрелось и по лицу великой Сибирской низменности; имъ достались тундры и широкій поясъ сѣверныхъ лѣсовъ. Природа этихъ мѣстъ была сурова и сразу закабалила себѣ человѣка; она не разъ заставляла его нуждаться, голодать, и всѣ мысли обратила на отыскиванье пищи для себя и семьи. Пищу эту давала природа же, и онъ научился уважать и бояться ея *).

Пиръ, на который звала человѣка обильная всякими произведеніями земля, былъ великъ и шуменъ, но не всѣмъ, какъ видите, достались равныя доли. Бѣдные люди сибирскаго сѣвера, закинутые далеко отъ остального міра, не знали и не могли знать, какъ въ другихъ мѣстахъ той же общей матери—земли далеко шагнулъ человѣческій умъ. Тамъ, гдѣ нечего было и думать о посѣвѣ, гдѣ не могло быть урожая хлѣбовъ, приходилось выбирать другое занятіе, другой образъ жизни. Изъ морского прибрежья трескучій морозъ и сѣверный вѣтеръ сдѣлали безжизненную пустыню; изъ человѣка, близко подошедшаго къ этимъ мѣстамъ,—дикаря, занятіями котораго стали охота и скотоводство. Въ такихъ занятіяхъ человѣкъ долженъ былъ часто терпѣть страшную нужду, и положеніе звѣролова было еще хуже положенія пастуха, хотя и тотъ и другой одинаково не умѣли откладывать запасы *про черный день*.

*) То же было и въ жаркомъ климатѣ; только здѣсь щедрая природа изнѣжила человѣка, а постоянное тепло разслабило его. Возьмемъ хоть жителя юга, т.-е. теплыхъ, а не жаркихъ мѣстъ: онъ часто живѣе, подвижнѣе жителя умѣренной сѣверной полосы, но зато послѣдній дѣятельнѣе его.

Человѣкъ, по устройству своихъ зубовъ, можетъ ѣсть все, но для него въ дикомъ состояніи особенно лакомо мясо звѣрей, и вотъ онъ является передъ нами охотникомъ, звѣроловомъ, да мало чѣмъ и самъ отличается отъ звѣря. Оба они должны были отыскивать себѣ обѣдъ, подстерегать и ловить добычу. Но человѣкъ былъ умнѣе и изобрѣтательнѣе: онъ шелъ на охоту сначала съ какимъ-нибудь каменнымъ топоромъ, а послѣ съ лукомъ и стрѣлами; убивъ звѣря, вытиралъ изъ сухого дерева огонь и немного поджаривалъ мясо, согрѣвая озябшіе члены звѣринымъ мѣхомъ; строилъ шалашъ и укрывался въ немъ отъ непогоды. Зато изъ-за куска мяса, который доставался иногда съ такимъ трудомъ, онъ до крови бился съ другимъ искателемъ, какъ голодный звѣрь, потому что голодъ, какъ говорится, не тетка. Случалось такъ, что звѣрь могъ уйти раненымъ, либо вовсе не попасться во всю долгую охоту, и тогда дикарь голодалъ. Вотъ какова была жизнь сибирскаго звѣролова.

Положеніе пастуха было лучше: это была вторая ступень людского счастья на землѣ. Человѣкъ разсчелъ, что лучше приручить какое-нибудь дикое животное, привязать его къ себѣ, чѣмъ съ часу на часъ ждать голодной смерти. Это удалось. То самое мясо, которое онъ разыскивалъ въ лѣсу и степи, гонялось имъ теперь въ видѣ цѣлаго стада оленей *), отъ которыхъ кромѣ того онъ могъ получить молоко, шкуру, жилы и

*) Это животное, съ длинными и вѣтвистыми рогами и буроватою шерстью, водится по Сибири и въ дикомъ состояніи. Туземцы сдѣлали изъ него вьючное животное,—то же самое, что мы изъ лошади, а жители теплаго юга изъ верблюда. Сѣверный олень бѣгаетъ очень легко, неприхотливъ на пищу и выносливъ. Безъ него еще хуже бы жилось жителю Сибирскаго сѣвера.

кости. Это былъ шагъ впередъ, но при этомъ осѣдлости быть не могло. Оленямъ нуженъ былъ подножный кормъ, и человѣку приходилось переходить съ одного пастбища на другое, кочевать.

Въ то время, какъ китаецъ жилъ на югѣ и пользовался довольствомъ, трудился, заселялъ свою землю, строя города и села, обработывалъ почву для посѣва,— сибирскій инородецъ *бродилъ*, пасъ стада и ловилъ по лѣсамъ звѣрей, нуждаясь въ самомъ необходимомъ и не зная самыхъ простыхъ вещей. Между всѣми этими самоѣдами, юкагирами, остяками, коряками и пр.—не было согласія, потому что каждый звѣроловъ, каждый пастухъ думалъ прежде всего объ *одномъ своемъ* счастьѣ, проученный мачихой-природой.

Но не одна она такъ могуче вліяла на него. Возьмемъ его занятія, его образъ жизни, изъ котораго у дикаря не было силъ выбиться. Можно ли назвать трудомъ хожденіе по лѣсамъ и равнинамъ, въ первомъ случаѣ— за звѣремъ, во второмъ—за стадомъ оленей? Извѣстно, что всякій трудъ дѣйствуетъ на человѣка хорошо, благотворно, если онъ мало-мальски осмысленъ, т.-е. выше простого отыскиванья пищи для себя или для скота. Такое исканье пищи мы встрѣтимъ, какъ я уже говорилъ, и у любого животнаго, а не только у человѣка. Однообразная работа и умъ, направленный всю жизнь на одно, вслѣдствіе нужды и лишеній, притупляютъ человѣческую мысль, заставляютъ ее спать. Человѣкъ, и безъ того не сильный, еще болѣе слабѣетъ отъ этого, начинаетъ равнодушно, спустя рукава, смотрѣть на собственную горькую жизнь. Описываемый нами сибирскій дикарь ищетъ случая забыться: онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ пьетъ свой одуряющій настой изъ мухо-

мора *), а позже—тянетъ русскую водку, которую предлагаетъ ему казакъ.

Чтобы нагляднѣе показать, что трудъ труду рознь, возьмемъ опять примѣръ хоть изъ знакомой вамъ сельской жизни. Сравните занятіе деревенскаго пастуха съ занятіемъ мастерового. Кто окажется, въ большинствѣ случаевъ **), смѣтливѣе и разсудительнѣе? — Я думаю, вы не скажете, что пастухъ. Кому поручаютъ пасти стадо?—Больше все или бобылямъ, или такимъ, которые лѣнивы и неспособны на другую болѣе тяжелую работу. Очень часто пастухомъ на деревнѣ бываетъ какой-нибудь слабоумный, дурачекъ. Выходитъ, что такая работа даже по его силамъ. Не даромъ до сихъ поръ у насъ неспособнаго мальчика прочатъ въ пастухи *свиней пасти* или *собакъ гонять*. Того, что сказано, достаточно для подтвержденія нашей мысли, что самый образъ жизни и занятія имѣютъ большое вліяніе на человѣка; но такъ какъ на послѣднія указываетъ ему все та же окружающая природа, то главною причиной остается все-таки она, и у нея придется искать объясненій многаго даже въ духовной жизни ***) человѣка-дикаря.

Взглянемте на то, какъ понимаетъ онъ эту природу съ ея явленіями, или, вѣрнѣе, какъ она научила его понимать себя. Вѣдь должны же останавливать его вниманіе такія вещи, какъ ударъ грома, блескъ молніи,

---

*) Этотъ ядовитый, но очень красивый грибъ попадается и въ нашихъ лѣсахъ. У него красная шапка съ бѣлыми крапинами.

**) Т.-е. если взять всѣ случаи, когда мастеровой бываетъ смѣтливъ и разсудителенъ, и сравнить ихъ со всѣми случаями, когда такимъ же бываетъ пастухъ, то первыхъ окажется всегда больше.

***) Духовною жизнью называются: взглядъ человѣка на вещи, его понятія, вѣрованія, желанія и пр. Всякому извѣстно, что человѣкъ *думаетъ*, соображаетъ, вѣритъ и сомнѣвается,—однимъ словомъ, живетъ не одною, такъ сказать, *тѣлесною* жизнью, но и духовною.

снѣжная метель, пронизывающій вѣтеръ, глубокая тишина темнаго лѣса?.. Какъ онъ объясняетъ все это себѣ?—Поставленный съ природой лицомъ къ лицу, съ дѣтства запуганный ею, онъ думаетъ, что она въ эти минуты за что-нибудь на него сердится или грозитъ ему. Въ то время, какъ онъ стоитъ на берегу и видитъ бурливыя волны, слышитъ порывы свистящаго вѣтра, ему думается, что рѣчной духъ золъ на него; а такъ какъ причина злобы ему непонятна, то эти грозныя явленія приписываетъ онъ *злому* духу, своему недоброжелателю. Случится послѣ, что въ рѣкѣ, гдѣ прежде удачно ловилась рыба, вдругъ послѣдняя перестанетъ ловиться, и вотъ тотъ же дикарь приходитъ къ мысли, что злого духа надо чѣмъ-нибудь задобрить.

Отсюда уже недалеко до грубаго изображенія гнѣвнаго духа изъ камня или дерева, до мазанья *идола* свѣжею кровью только-что убитаго оленя. Такъ же сложилась вѣра и у сибирскаго туземца, который во всякомъ неблагопріятномъ для себя явленіи природы видѣлъ продѣлки невидимаго, злого духа. Мысль, что болванчикъ, которому онъ кланяется, для того чтобъ умилостивить разгнѣванное божество, ничего не можетъ для него сдѣлать, еще не зародилась въ его головѣ.

Итакъ, вы видите, что люди вездѣ борятся съ природой и одни отчасти побѣждаютъ, другіе остаются побѣжденными. Мы все время говорили о послѣднихъ, такъ-сказать, плѣнникахъ природы. Вездѣ, гдѣ солнце отвѣсными лучами раскаляетъ каменистую или песчаную пустыню, производя обжоги на обнаженной спинѣ человѣка, или гдѣ оно едва скользитъ и легко грѣетъ, позволяя холодному вѣтру чуть не круглый годъ свободно распѣвать посреди снѣговъ,—природа остается побѣди-

тельницей. Но довольно объ этомъ. Вы вѣроятно хотите знать сибирскаго дикаря въ лицо, поглядѣть на его домашнюю обстановку, на удобства его семейной жизни, промыслы. Обо всемъ этомъ, если хотите, можно написать нѣсколько очень большихъ книгъ, но рѣдкая память удержитъ то, что въ нихъ будетъ написано. Такія подробности, если можно, лучше всего наблюдать самому на мѣстѣ. Не приходилось ли вамъ слышать, что сѣверная природа вообще однообразна? Если приходилось, то я могу добавить къ этому, что и люди этой суровой полосы тоже не отличаются рѣзко другъ отъ друга. Довольно будетъ, если я сообщу вамъ главныя общія черты ихъ наружности, быта, обычаевъ и порядковъ. Послѣ этого описанія вамъ лучше выяснится, вы лучше поймете другихъ, пришлыхъ людей—русскихъ.

Начну съ того, что всѣ почти мелкія племена и народцы Сибири были монгольской породы *), родня татарамъ. Всѣ они были очень малаго роста и не отличались силой; тонкія, худыя ноги поддерживали туловище, на которомъ сидѣла голова съ плоскимъ безбородымъ лицомъ, довольно широкими скулами и узенькими глазками. Одежда мужчинъ и женщинъ мало чѣмъ отличалась одна отъ другой и имѣла главною цѣлью задержать около тѣла побольше тепла въ теченіе долгой зимы. Это были все больше длинные халаты или шубы изъ звѣриныхъ шкуръ, опушенныя мѣхомъ шапки, просторная теплая обувь. Сѣверный олень не только кормилъ, но и одѣвалъ здѣшняго человѣка; онъ же

*) Отличаютъ 5 человѣческихъ племенъ: индо-европейское (бѣлокожее), монгольское (желтокожее), американское (краснокожее), малайское (темнокожее) и африканское (черное). Къ первому принадлежимъ мы, къ послѣднему арабы, или негры. Иные ученые различали человѣческія племена не по цвѣту, а по черепамъ и волосамъ.

вмѣстѣ съ собакой возилъ его по снѣжнымъ равнинамъ. Женскій нарядъ отличался, какъ вездѣ, какимъ-нибудь развѣ украшеніемъ: серьгой, браслетомъ на рукѣ, шейнымъ ожерельемъ. Лѣтомъ мѣховое платье замѣнялось грубымъ холщевымъ.

Жилища имѣли видъ заостренныхъ кверху холмиковъ, или сахарныхъ головъ, и дѣлались на скорую руку. Изъ длинныхъ жердей, обернутыхъ вареною берестой, ставилось лѣтнее жилье, а зимнее обкладывалось землей: пола у такого шалаша не было; по серединѣ раскладывался очагъ. Снаружи были два отверстія: одно сбоку для входа и выхода людей, другое на верху—для дыма. Въ лѣсныхъ мѣстахъ жглись всю зиму дрова, а на открытыхъ и голыхъ окраинахъ пылалъ облитый жиромъ мохъ, или кость убитаго звѣря. Внутри такого жилья было дымно и грязно; зато разложенный въ серединѣ огонь давалъ тепло и на немъ готовилась неприхотливая пища туземца. Она состояла изъ мяса и жира, рыбы, молока и ягодъ. Это была самая вкусная пища; но случалось, что дикари не брезговали ничѣмъ, даже падалью. Изъ сушенаго лыка сосны толклась мука, а изъ этой муки варилась на водѣ каша, тоже не отличавшаяся вкусомъ и сытностью. Были и опьяняющіе напитки въ родѣ кумыса, или какого-нибудь грибного настоя. Радостью невеселой жизни былъ пиръ около свѣжаго мяса и теплой крови убитаго оленя или бѣлаго медвѣда. Возлѣ жилищъ носился непріятный запахъ гніющихъ кишокъ или вяленой и квашенной рыбы, которая была обыденнымъ кормомъ сѣвернаго рыбака ѣвшаго ее въ разныхъ видахъ.

День проходилъ почти весь на промыслѣ, особливо когда подходило удобное время для ловли дикихъ оле-

ней, или много морского звѣря вылегало на берегъ. Часть семьи (женщины, дѣти, старики) оставалась дома. Жена готовила пищу, на ней лежало все хозяйство, она возилась съ полунагими ребятишками, кормила грудью ребенка. Ея жизнь была невеселая, подневольная: во всемъ надо было слушаться мужа, который нерѣдко билъ ее. Работница эта покупалась имъ за нѣсколько звѣриныхъ шкурокъ на всю жизнь. Имущество дикаря, кромѣ многочисленныхъ стадъ и годныхъ для упряжи собакъ, было не велико: легкія санки и долбленыя изъ дерева лодки для большихъ переѣздовъ, скользкія и длинныя лыжи для охоты, сѣти и удочки для рыбной ловли, или лукъ со стрѣлами на звѣря. Прибавьте ко всему этому нѣсколько грубо сдѣланныхъ идоловъ и посуды изъ бересты или кости, и передъ вами будутъ всѣ предметы его домашняго обихода.

Я говорилъ, что между всѣми этими народцами не было согласія, что они часто, до прихода Ермака и другихъ казаковъ, вели между собой небольшія войны, жили не дружно. Но связь все-таки была: у нихъ было много общаго. Всѣ они дѣлились на роды, главой которыхъ былъ старшина. Онъ могъ судить ихъ, но у нѣкоторыхъ племенъ имѣлъ надъ собой старшаго, князя (напр. у остяковъ). Не слѣдуетъ думать, что послѣдній чѣмъ-нибудь особенно отличался отъ простого туземца: онъ также ловилъ рыбу и ходилъ на звѣря самъ, потому что не получалъ никакого вѣрнаго содержанія отъ подчиненныхъ.

У всѣхъ членовъ рода было одно идолослуженіе и посредниками между самымъ страшнымъ изъ боговъ и людьми были либо боги низшаго разряда, либо такъ-называемые *шаманы*. Шамановъ уважали и на нихъ

лежала обязанность совершать большія жертвоприношенія отъ цѣлаго рода. Они же лѣчили заболѣвшаго дикаря, при звукѣ барабана пророчествовали отъ лица боговъ и были заступниками обиженнаго природой дикаря. Въ глазахъ послѣдняго это были люди необыкновенные. Столкновенія и войны происходили между родами, въ которыхъ насчитывалась часто не одна сотня семействъ. Ссорились изъ-за мѣстъ кормежки и женщинъ. Послѣднихъ имѣли обыкновеніе брать не изъ своего, а изъ чужого рода, о чемъ складывались и пѣлись заунывныя пѣсни. Что еще сказать вамъ объ этихъ людяхъ? Покойниковъ они хоронили съ оружіемъ и въ томъ самомъ платьѣ, которое онъ носилъ при жизни. На его могилѣ приносились жертвы, потому что умершіе, вообще, пользовались не только уваженіемъ, но и поклоненіемъ.

Таковы были общія черты обстановки и понятій разбросанныхъ по сѣверу Сибири племенъ.

Въ тринадцатомъ столѣтіи (это, выходитъ, лѣтъ шестьсотъ назадъ) на этотъ сѣверъ зашло съ юга разбойничье племя татаръ и, покоривши болѣе слабыхъ остяковъ, самоѣдовъ и пр., положило основаніе обширному царству. Но при Кучумѣ, какъ извѣстно, власть татаръ въ Сибири кончилась, потому что съ запада приплыли по рѣкамъ еще болѣе сильные люди—русскіе. До этого они жили на югѣ большой равнины, упиравшейся однимъ концомъ въ теперешнее Бѣлое море, а другимъ въ Черное. Причины, по которымъ люди эти двинулись на сѣверо-востокъ, намъ извѣстны. Сильное славянское племя понемногу расчищало покрывавшіе равнину лѣса, успѣшно боролось съ окружающею природой и по-

надавшимися на дорогѣ менѣе сильными финскими племенами. Во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка русскіе уже были по ту сторону Уральскихъ горъ и успѣшно начали покореніе новой обширной земли.

Наши разсказы, которые можно назвать историческими, потому что въ нихъ описывались правдивыя событія изъ исторіи жизни цѣлаго народа, были также и жизнеописательными (біографическими). Мы старались въ нихъ насколько можно ближе познакомиться съ тѣми землепроходцами, которые, благодаря силѣ своего характера, твердо направленной волѣ, сдѣлали больше всѣхъ, вели впередъ другихъ. Припомните Ермака, Дежнева, Пояркова, Хабарова. Они были образчиками того сорта людей, который могъ выйти въ то время изъ русскаго народа. По причинамъ, повторять которыя здѣсь не мѣсто, такъ какъ уже было говорено о нихъ прежде, наши землепроходцы не встрѣтили сильнаго отпора. Безсиліе и полное невѣжество уступили дорогу силѣ и знанію. Какія были послѣдствія столкновенія кое-что знающаго человѣка съ дикаремъ? Что изъ этого выходило?—Къ той страшной нуждѣ, которую иногда терпѣлъ здѣшній туземецъ, прибавилось теперь новое горе: часто жестокое преслѣдованіе, большая подать, стѣсненіе свободы. Особенно сильно пострадали отъ встрѣчи съ сильными людьми совершенно независимые народцы далекаго сѣверо-восточнаго угла Сибири. Осталось преданіе объ одномъ народѣ, который жилъ до прихода казаковъ на рѣкѣ Колымѣ. Въ немъ говорится, что прежде по берегамъ этой рѣки у омоковъ горѣло огней больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ, а теперь давно исчезло и самое племя. Не мало сначала удивлялись дикари требованію русскихъ пришельцевъ, ко-

торые спрашивали у нихъ дань отъ лица своего государя. Они даже не могли понять, откуда пришли такіе люди, и думали первое время, что все можно уладить мирнымъ путемъ, отдавъ безпрекословно, что просятъ. Но казаки разсчитывали не такъ. Имъ была горсть, подмоги ждать было не откуда, приходилось подниматься на хитрости, нарочно подзадоривать противъ себя туземцевъ, чтобъ очистить отъ нихъ покоряемую землю. Доказывать, что въ то время между русскими были люди и не съ мягкимъ сердцемъ, совсѣмъ лишнее: припомните Пояркова.

При такихъ горькихъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ трудно живется всякому, не только что дикарю, который бродилъ до этого на свободѣ. Цѣлыя племена быстро вымирали и исчезали съ лица Сибирской земли. Были и другія причины этого вымиранья; такъ, напримѣръ, недавно дознано, что дикари не могутъ пережить нѣкоторыхъ болѣзней, которыя заносятъ къ нимъ люди, дальше ихъ ушедшіе въ дѣлѣ отыскиванья счастья, болѣе *образованные*. Совсѣмъ новыя понятія и порядки этихъ людей тяжелы для нихъ и часто невыносимы.

Что русскіе люди оставались побѣдителями суровой природы, или стойко боролись съ ней, не падая духомъ, это мы видѣли изъ цѣлаго ряда ихъ опасныхъ приключеній на сушѣ и на морѣ. Неравная борьба дикаря съ природой долгіе и многіе вѣка шла безъ огласки и почти безъ всякаго успѣха; о встрѣчѣ лицомъ къ лицу крѣпкаго и смѣлаго казака съ сибирскимъ бураномъ, морозомъ и голодомъ остались письменныя извѣстія, изъ которыхъ вы многія уже читали. Изъ нихъ видно, что онъ, будучи далеко закинутъ отъ всякой по-

мощи, все-таки твердо надѣялся на свои силы, бился съ враждебными силами до послѣдней капли пота и крови. Что было ему дѣлать, когда и порядки, заведенные въ Сибири, были изъ рукъ вонъ плохи, такъ что приходилось терпѣть еще отъ нихъ? Надо было все это вынести—и не пропасть, а выйти побѣдителемъ. Въ заключеніе приведу опять одну выписку изъ бумагъ XVI-го вѣка. Казаки, по обыкновенію, очень просто пишутъ о своей нуждѣ слѣдующее:

„А мы, холопи твои, въ той твоей государевой службѣ были не хлѣбны и гораздо (очень) скудны, и голодны, и холодны. И взявъ съ нихъ твой государевъ ясакъ, вновь назадъ воротились, и пристигла насъ зимняя пора къ Каменю. Палъ снѣгъ великой и захватили морозы лютые, и бездорожица непроходимая, и голодъ смертный. И тѣ нами купленные и кортомленные конишка въ той бездорожицѣ пристали и перепропали и многія присталыя лошади по степямъ разметали, и борошнишка свои и животишка по дорогѣ разметали, и брели нужную дорогу пѣши; а съ голоду, государь, и съ нужи горькія не хотя умереть голодной смертью, ѣли по дорогѣ присталыхъ лошадей, постели и обутки... Съ великою нужею едва съ твоей государевой службы въ Балаганскій острогъ живы приволоклися, испухли, оцынжали и позябли, а въ походѣ, государь, того нашего нужнаго терпѣнья было 8 недѣль... Мы, холопи твои, и въ новомъ пріисканіи и въ голодномъ терпѣніи и во всякомъ нужномъ страданіи обнищали и обдолжали великими и неискупными долгами, — погибаемъ на правежахъ, что дать нечего...“ Эти простые, но сильные и выносливые люди, на долю которыхъ выпало расчищать дикія мѣста Сибири для теперешнихъ поселен-

цевъ, пользовались уже многими удобствами житейской обстановки, чѣмъ брали также верхъ надъ дикаремъ. Такъ, кромѣ ружья, которымъ покорилась Сибирь, у нихъ были съ собой трутъ и огниво, желѣзные ножи и котлы, трубки съ крѣпкимъ, одуряющимъ табакомъ, водка... Къ послѣдней очень скоро пристрастились туземцы, и она была также въ числѣ причинъ ихъ вымиранья.

На родинѣ у русскихъ было обширное и начинавшее крѣпнуть царство, умѣнье владѣть сохой и снимать съ поля хлѣбъ, умѣнье жить обществомъ, селами и городами, умѣнье строить большія каменныя зданія.... Прибавьте къ этому торговыя сношенія, перенятое искусство печатать книги, не говоря о порохѣ и постоянномъ войскѣ. Что касается духовной жизни человѣка, то она не была такъ удовлетворена, и мы въ своемъ мѣстѣ упоминали о недостаткахъ тогдашнихъ людей, познакомившись вдобавокъ съ нѣкоторыми лично. На многія вещи простолюдинъ того времени смотрѣлъ глазами сибирскаго дикаря. Тяжелая доля и черная работа, лежавшія на немъ, не позволяли думать о многомъ.

Не приходитъ ли вамъ въ голову, прочтя столько страницъ о подвигахъ русскаго человѣка, обо всемъ, что онъ вытерпѣлъ и сдѣлалъ, что ничего подобнаго нѣтъ и не было въ другомъ мѣстѣ, у другого народа? Вы ошибаетесь, если такъ думаете, потому что русскіе, нѣмцы, французы и англичане прежде всего *люди*,— значитъ, между ними должно быть что-нибудь общее, свойственное каждому человѣку порознь и всѣмъ вмѣстѣ. Не такъ давно мы говорили, что человѣкъ всегда ищетъ побольше счастья на свою долю. У каждаго народа, какъ извѣстно, есть своя исторія, изъ которой бываетъ

видно, какъ этотъ народъ отыскивалъ свое счастье и твердо ли шелъ къ нему. Заглянемъ для сравненія какъ разъ въ противоположный конецъ Европы, далеко на западъ, въ богатую природой Испанію.

Поглядите на нее: она не имѣетъ даже малѣйшаго сходства съ русскою равниной *). Тамъ съ трехъ сторонъ море, вся страна покрыта горами; климатъ теплый, мѣстами невыносимо жаркій; роскошная растительность, огненные черные глаза, горячій, пылкій характеръ, звучный языкъ. У насъ же совсѣмъ противное. Трудно, кажется, найти двухъ такихъ не схожихъ людей, какъ испанецъ и русскій, а между тѣмъ завоеванія перваго въ Америкѣ, на западѣ, по ту сторону океана, представляютъ много сходнаго съ нашимъ заселеніемъ Сибири, на востокѣ, по ту сторону Урала. Главныя причины и главныя послѣдствія этихъ причинъ оказываются одинаковыми.

Въ концѣ XV-го столѣтія была открыта Колумбомъ **) Америка, цѣлая часть свѣта (по тогдашнему счету—четвертая). Около этого времени русскіе люди въ первый разъ проникли, при Иванѣ III-мъ, въ Югорскую землю. Объ этихъ двухъ событіяхъ я упоминаю здѣсь для того, чтобы дать возможность лучше запомнить и то и другое; причины же, заставившія Колумба наткнуться на Америку, а русскихъ людей—на Сибирь,

---

*) Надо замѣтить, что сравнивать мы будемъ здѣсь Россію и Испанію XV-го и XVI-го вѣковъ, когда еще русскій народъ не имѣлъ въ своемъ владѣніи ни одного открытаго моря.

**) Христофоръ Колумбъ былъ сынъ простого ткача, одного изъ большихъ приморскихъ городовъ теперешней Италіи. Онъ любилъ путешествія и много читалъ ихъ, и это побудило его поѣхать на западъ и искать новую землю, которая, по его разсчетамъ должна была находиться за океаномъ.

нѣсколько различны. Возьмемъ слѣдующій, XVI-й, вѣкъ въ исторіи того и другого народа. Въ теченіе этого замѣчательнаго по научнымъ открытіямъ вѣка два смѣлыхъ испанца, Пизарро и Альмагро, покорили два богатыя царства Южной Америки*), изъ коихъ одно называлось Перу, а другое Чили. Въ концѣ того же вѣка на далекомъ востокѣ, у насъ, обширное царство Кучума, Сибирь, покорилась Ермаку.

Между товарищами послѣдняго и людьми, которые поплыли изъ Испаніи на далекій западъ искать счастья, есть дѣйствительное сходство. И тѣ и другіе были сорви-головы, удальцы-головорѣзы, и тѣхъ и другихъ завела въ такую даль корысть. Одни накинулись на легкую поживу соболями и разною *рухлядью* въ обширномъ мѣховомъ царствѣ; другіе бросились на золото, которое было такъ рѣдко въ ихъ рукахъ на родинѣ, а въ ново-открытой землѣ считалось почти за ничто. Какъ русскіе, такъ и испанскіе завоеватели вымогали у покоренныхъ имущество, жестоко съ ними обращались... Тою же жестокостью отличался и другой испанскій завоеватель того времени, Кортесъ, покорившій обширную Мексику въ Сѣверной Америкѣ**).

Итакъ, если вы хотите хорошенько понять исторію жизни своего народа, своей родины, вы прежде всего должны познакомиться съ тѣмъ, какъ *вообще* люди жили и достигали своего благосостоянія, того, что они

---

*) Люди, жившіе въ этихъ царствахъ, были не чета сибирскимъ дикарямъ. Такъ въ Перу напр., были города, хорошія дороги, почта, войска, солнечные часы, календари; слѣдамъ, оставшимся отъ ихъ прежняго благосостоянія, удивляются теперь даже европейцы.

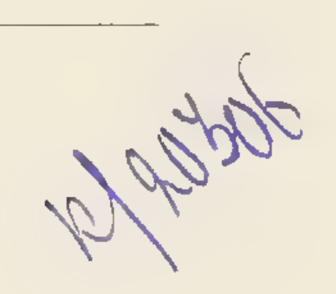
**) Мексика относительно благоустройства имѣла сходство съ Перу и занимала южную часть обширной Сѣверной Америки, которая отдѣляется отъ Южной узкимъ и длиннымъ перешейкомъ.

называли счастьемъ на землѣ, и по какимъ неизмѣннымъ законамъ совершалось ихъ движеніе впередъ. Для этого надо быть хоть немного знакомымъ съ исторіей другихъ народовъ, потому что въ послѣдней нерѣдко можно найти объясненіе того, что не понятно въ своей. Главное—надо думать, наблюдать, сравнивать между собой сходныя событія (факты) и дѣлать изъ нихъ свои выводы, чтобы найти главную причину, а потомъ итти такъ же дальше. Такимъ путемъ составляются всякія знанія, растетъ всякая наука, и съ помощью ея мы о многихъ, напримѣръ, явленіяхъ природы можемъ даже узнавать впередъ *), можемъ ихъ предсказывать. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: возьмемъ какой-нибудь простой примѣръ для доказательства. Если я по опыту знаю, что послѣ дождя, идущаго во-время, хлѣбъ на хорошей почвѣ родится тоже хорошій,—почему же мнѣ не предсказать плохой урожай, когда я не вижу тучъ на небѣ въ то время, когда ихъ надо? Точно также я могу, если онѣ прольются обильнымъ дождемъ, когда слѣдуетъ, предсказать хорошій урожай. Въ обоихъ случаяхъ я, всего вѣрнѣе, не ошибусь, и мои предсказанія сбудутся. А вѣдь на самомъ дѣлѣ все это очень просто: я вывелъ свои заключенія, сдѣлалъ выводы изъ опыта, изъ наблюденій; я знаю, благодаря послѣднимъ, одинъ важный законъ, по которому хлѣбное растеніе не можетъ жить на совершенно сухой почвѣ, не можетъ налить колосъ. Объ этомъ мнѣ даже не разъ приводилось читать въ книгахъ, гдѣ на каждый мой вопросъ давался точный и подробный отвѣтъ, отчего книга читалась съ

*) Такъ, въ любомъ большомъ календарѣ вы можете прочесть предсказаніе о затменіяхъ, которыя должны быть на слѣдующій годъ.

бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ какая-нибудь другая. Въ ней говорилось о природѣ, и то, чему она научала, помнилось долго и рѣдко забывалось.

Въ русскомъ языкѣ есть одно часто употребляющееся слово: *такъ*. Нерѣдко приходится его слышать при разныхъ случаяхъ. Видите, напримѣръ, вы, что человѣкъ боленъ и говорите своему знакомому, что онъ вѣрно вчера простудился, потому что, напившись чаю, вышелъ на вѣтеръ. Вамъ отвѣчаютъ, что это *такъ*. Ребенокъ кричитъ благимъ матомъ и мать говоритъ нянькѣ: „поищи, нѣтъ ли на немъ блохи, что онъ какъ кричитъ", - а нянька совершенно покойно отвѣчаетъ: *такъ*, что-нибудь. У меня была очень скромная цѣль, когда я дописывалъ эту послѣднюю главу: я хотѣлъ какъ можно меньше этого *такъ* при чтеніи историческихъ разсказовъ.

КНИЖНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

А. Д. КАРЧАГИНА,

Харьковъ, Московская ул., д. № 6,

изданы и пріобрѣтены цѣлымъ изданіемъ слѣдующія книги:

Бородинъ Н. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М. 1892 г., цѣна 1 р. 25 к. Учен. Ком. Нар. Пр. допущенъ въ ученич. библіотеки для младш. возр.

Бузескулъ В. П. Проф. Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V вѣка. Хар. 1895 г., цѣна 3 р. 50 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. *рекомендована* для фундаментал. библіот. средн. учебн. зав.

— Генрихъ Зибель, какъ историкъ-полит. Хар. 1896 г., ц. 40 к.

Бузольтъ Г. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентовъ Хар. Имп. Уп. А. (М+В). Одобренъ и рекомендованъ Учен. Ком. М. Н. Пр. Съ предисловіемъ и прибавленіями по второму нѣмецкому изданію. Хар. 1894 г., цѣна 1 р. 75 к.

Вѣтринскій Ч. (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. М. 1897 г., цѣна 1 р. 60 к.

Вязигинъ А. Замѣтки по исторіи политической литературы XI вѣка. Хар. 1896 г., цѣна 65 к.

Его же. Распаденіе преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II. Хар. 1897 г., цѣна 30 к.

Данилевскій Г. П. Слобожане. Малороссійскіе разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г., цѣна 1 р.

Его же. Не вытанцовалось. Повѣсть. (Изъ записокъ о послѣднемъ изъ рода Гетманскихъ потомковъ). Спб. 1893 г., цѣна 60 к.

Лидовъ А. П. Проф. Харьк. Техн. Инст. Химическая технологія волокнистыхъ веществъ. Съ 28 табл. рисунк. Хар. 1893 г., цѣна 3 р.

Медвѣдевъ Л. М. Въ семьѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. М. 1896 г., цѣна 60 к.

Мечъ С. П. Кавказъ. 3-е изданіе. М. 1893 г., цѣна 50 к. 1-е изданіе рекоменд. Мин. Нар. Пр.

— Географія какъ наука и какъ учебный предметъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

Мишле Ж. О системѣ и жизни Вико. Историко-біографич. этюдъ съ приложеніемъ подробнаго перечня содержанія „Новой науки“. Перев. съ франц. студента Импер. Харьк. Универс. Н. Пароконнаго, подъ ред. проф. В. П. Бузескула. Хар. 1896 г., цѣна 40 к.

Надлеръ В. К. Проф. Продолженіе „Лекцій по всемірной исторіи“, проф. М. Н. Петрова [съ 1792 по 1800 г. (стр. 223—304)]. Хар. 1894 г., ц. 50 к.

— Лекціи по исторіи французской революціи и эпохи войнъ Наполеона, изд. подъ ред. проф. В. Бузескула. (Печатаются).

Овсянико-Куликовскій Д. Н. Проф. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Хар. 1896 г., цѣна 1 р.

Петровъ М. Н. Проф. Лекціи по всемірной исторіи, т. 2-й. Исторія среднихъ вѣковъ. Обработ. проф. В. Надлеромъ. Хар. 1888 г., ц. 2 р. 50 к.

— Лекціи по всемірной исторіи, изданныя подъ ред. проф. В. К. Надлера. Томъ 4-й. Исторія новыхъ вѣковъ. (Отъ Вестфальскаго мира до эпохи національнаго конвента). Въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Хар. 1894 г., цѣна 1 р. 75 к. Учен. К. М. Нар. Пр. *рекомендованы* для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіот. средн. учебн. заведеній и для библіотекъ учителей институтовъ и семинарій, а равно и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Замѣченныя опечатки.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
27	9 сверху	расваявился	раскаявался
55	3 „	и мать	имать
79	3 „	онь	онъ
97	8 снизу	тризвѣ на	три звѣна
101	8 сверху	скопъу чинили	скопъ учинили
103	6 снизу	больше	большое
111	10 сверху	зыщиту	защиту
115	1 „	*великому озеру;*	*великому озеру,*
115	16 снизу	вершины	вершины
117	11 „	кикъ	какъ
135	10 сверху	безпорядокъ	безпорядокъ;
177	2 снизу	ы	сы
179	13 сверху	породъ	породъ,
185	17 „	пмѣютъ	имѣютъ
191	13 „	образщика —	обращика—

